
ОГОНЁК
№ 36 АВГУСТ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПРОЕКТ ПАМЯТНИКА КАРЛУ МАРКСУ В МОСКВЕ. Авторы— скульптор **Л. Кербель,** архитекторы **Р. Бегунц, Н. Ковальчук, В. Макаревич, В. Моргулис.** Удостоен первой премии на Всесоюзном конкурсе на лучший проект памятника Карлу Марксу в Москве.

Фото А. Соркина.

На первой странице обложки: Уругвай. Вверху — сельскохозяйственные рабочие в пампе; полдень в столице. Внизу—школьники Монтевидео; бычок на веревочке.

Фото А. Софронова.

На последней странице обложки: Уругвай. Перед броском лассо.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 36 (1629) 31 АВГУСТА 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЗАВОД—СОВХОЗ

В кабинете директора Московского нефтеперерабатывающего завода Д. В. Иванюкова раздался звонок.

— Демид Васильевич? Это из ресторана «Прага». Выручайте по старой памяти. Нам бы килограммов сто помидоров и двести огурцов.

— Одну минуту.

Иванюков попросил секретаря пригласить агронома завода.

Через некоторое время директор пробасил в трубку:

— Можем поделиться. Присылайте машину.

Покажется на первый взгляд странным, что нефтеперерабатывающий завод снабжает свежими овощами торгующие организации столицы, а в штате предприятия есть специалист сельского хозяйства. Но это так.

...Установки завода издали кажутся укутанными в вату. Это пар. Ветер рвет его белые клочья, но каждую секунду в воздух выбрасываются все новые и новые килограммы горячей влаги.

Зачем подогревать паром атмосферу? Нельзя ли отработанному теплу найти более достойное применение?

Несколько лет назад работники Московского нефтеперерабатывающего завода принялись за решение этой проблемы. В близлежащем колхозе имени 3-й пятилетки была построена теплица для выращивания свежих овощей. Кое-кто встретил инициативу нефтяников неодобрительно: «Занимаетесь не своим делом...»

— Почему не своим? — горячился Демид Васильевич.— А что, по-вашему, нам свежих огурцов и помидоров не надо? Ведь их можно круглый год получать. Да еще на даровом топливе.

Никита Сергеевич Хрущев на сентябрьском пленуме ЦК КПСС в 1953 году, поддержав в своем докладе и эту идею и практические дела по использованию отбросного тепла заводов, упомянул первую теплицу на тысячу квадратных метров, построенную в колхозе имени 3-й пятилетки. Поддержка ободрила энтузиастов, они еще энергичнее взялись за дело.

Сейчас на территории предприятия создан специальный теплоцентр, который обогревает парники и теплицы двух колхозов и совхоза «Белая дача». Теплоцентр экономит столько угля, сколько надо для отопления ста стоквартирных домов.

За пять лет площадь теплиц на заводе и в обслуживаемых им колхозах и совхозе выросла в сорок пять раз! По четырнадцать килограммов огурцов и восемь килограммов помидоров собирают с квадратного метра лучшие овощеводы «Белой дачи». Здесь создается крупнейший в Европе тепличено-парниковый комбинат. Его полезная площадь — сто одиннадцать тысяч квадратных метров.

Заводские теплицы, конечно, не так велики. Но благодаря умелому использованию отходов овощи здесь получают круглый год, а себестоимость килограмма их в среднем за год не превышает двух рублей.

С этим опытом завода знакомятся посетители Всемирной выставки в Брюсселе.

На завод — в этот своеобразный филиал Научно-исследовательского института овощного хозяйства — часто приезжают гости из зарубежных стран: Болгарии, Китая, Чехословакии, Италии.

Что же так привлекает многочисленных посетителей? Новинки агротехники. А их здесь много.

Вот ангарная теплица. Это целый дворец из стекла и металла. Он и в самом деле напоминает ангар для самолетов. Теплица построена так, что в ней почти нет тени. Ее конструкции скрадывают всего пять — шесть процентов света. Она требует металла меньше даже, чем железобетонная, а рассада тут выращивается в несколько раз быстрее. Но заводские энтузиасты уже мечтают о новых конструкциях.

Со временем предприятие будет получать из отходов нефтепереработки легкую прозрачную полиэтиленовую пленку. Она-то и заменит массивные вогнутые стекла. Расход металла тогда можно будет сократить в три раза. И созревание овощей в теплице ускорится. Да и урожайность повысится. Почему? Потому что полиэтилен, не в пример стеклу, пропускает ультрафиолетовые лучи.

...Завод-совхоз — так называют иногда Московский нефтеперерабатывающий. За обилие дешевых овощей здесь борется весь коллектив. Это накладывает отпечаток индустриальной культуры и на исследования агронома и на труд рядовых работниц. Жизнью растений постепенно начинают управлять те же приборы и автоматы, которые установлены в цехах предприятия. Автоматы поливают огурцы и помидоры, регулируют температуру в теплицах и даже открывают там форточки. Случись ссенью ранние заморозки — и овощи, высаженные в грунт, погибнут. Чтобы укрыть вовремя растения, надо иметь точный прогноз погоды. А он, как известно, может подвести. Зато автомат не подведет! В те минуты, когда температура воздуха начинает резко падать, прибор срабатывает, и над заводским участком утепленного грунта появляется паровая завеса.

Теплоцентр Московского нефтеперерабатывающего завода построен впервые в нашей стране. Этот опыт могут легко повторить там, где есть предприятия, дающие много тепловых отходов,— нефтепереработчики Уфы и Куйбышева, металлурги Магнитки, химики Перми и Салавата. Новые теплоцентры сэкономят сотни тысяч тонн топлива, а города получат миллионы центнеров свежих и дешевых овощей.

В. КРУПИН

Теплица, в которой не бывает тени.

Фото И. Тункеля.

В эти дни на Пугачевском тракте.

БОЛЬШОЙ ХЛЕБ ПОВОЛЖЬЯ

Почти все это лето взоры советских людей прикованы к берегам могучей реки. Не успели отгреметь всенародные рукоплескания строителям Волжской ГЭС, как страна узнала о богатырской победе сталинградских хлеборобов. Пятьдесят пять миллионов пудов должны были дать стране сталинградцы; уже сдано сто миллионов пудов, и еще сталинградцы засыпают в закрома государства пятьдесят миллионов. Сто пятьдесят вместо пятидесяти — три плана!

Досрочно выполнив план хлебозаготовок, сдав и продав государству 38,2 миллиона пудов зерна, Куйбышевская область обязалась всего засыпать в закрома страны 50 миллионов пудов хлеба.

Прошло еще несколько дней, и вот раздается громкий голос Саратова. Дать сто миллионов пудов — таково было первое обязательство саратовцев. Но разгорелась жатва, двинулся хлеб, и новая весомая цифра звучит над полями Саратовщины — сто пятьдесят миллионов.

Как радуют, как бодрят советских людей эти вести! Триста пятьдесят миллионов пудов из трех областей Поволжья... С Поволжья! С того самого Поволжья, которое в минувшем году перенесло засуху.

А это была жесточайшая засуха! Выгорели хлеба. Под неистовыми суховеями сникли травы. В старой, дореволюционной деревне даже засухи меньшей силы в буквальном смысле слова испепеляли Поволжье.

В советской деревне этого не произошло. Колхозы и совхозы Поволжья не только выстояли под огнем засухи, но и перешли в контратаку, больше того, организовали могучее наступление на хлебном фронте и ровно через год добились величайшей, беспримерной победы! Так вот оно, еще одно свидетельство необоримой силы и жизненности социалистического строя в деревне, вековечной крепости наших колхозов и совхозов!

Урожай 1958 года в Поволжье не божий дар, не простой результат хорошей погоды. Всякому, кто хочет оценить, допустим, смысл победы саратовцев, надо знать, что под урожай этого года они впервые в истории области рано и полностью подняли зябь и черные пары. И никогда еще так дружно не сеяли колхозы Поволжья, как этой весной. И никогда еще не было столько перекрестных посевов на полях Саратовщины, как нынче. Высокая культура земледелия — вот что лежит в основе успехов и сталинградских, и куйбышевских, и саратовских хлеборобов.

Страна от души поздравляет тружеников Поволжья с победами. А они продолжают напряженнейший бой за хлеб. Могучим потоком к пристаням и к элеваторам идет большой хлеб Поволжья.

←

План выполнен. Колхозники артели «Первое мая», Пугачевского района, Саратовской области, принимают новое обязательство по хлебосдаче.

Иван Ильич Горшенин, передовик уборки, комбайнер колхоза имени Карла Маркса, Балаковского района, Саратовской области.

Фото Д. УХТОМСКОГО.

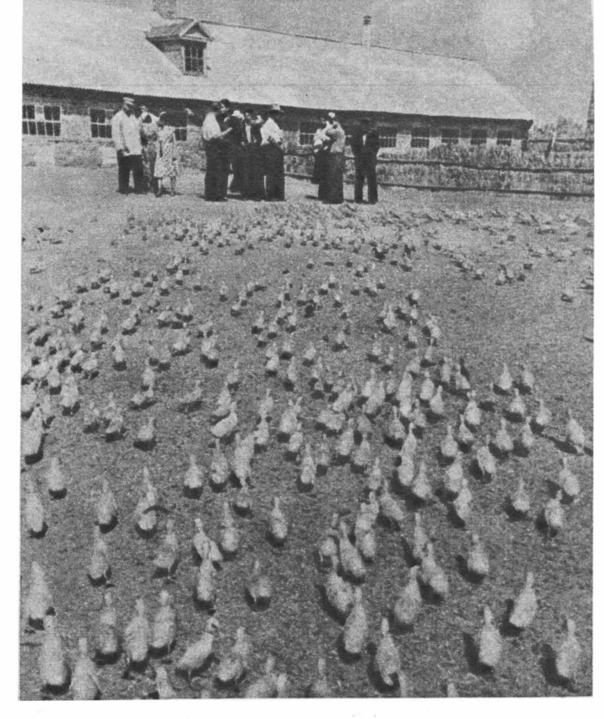
Самоходная баржа грузится хлебом на пристани Балаково.

Полным голосом

Георгий РАДОВ

Фото Галины Санько.

60 тысяч утят выращивают школьники в Ново-Александровском колхозе имени Ленина.

Случалось ли вам, читатель, ранней весной, взойдя на яровое поле, приметить среди серых грудочек уже просохшей земли чуть-чуть проклюнувшийся, еще прозрачный блеклый первый росток? Дуют ветры. Студеные утренники опускаются на землю, а он живет, шевелится, этот росток. Но как же тревожно на сердце: а устоит ли, а выживет ли?

Вот такое в точности чувство испытал я три года назад в станице Григориполисской, увидев самую первую в государстве ученическую бригаду колхоза «Россия». Она только родилась тогда, но уже жила, действовала. И все-таки как она была одинока! И сколько было у нее противников, солидных, маститых противников, подчас с именами, с учеными званиями! И сколько равнодушных! И осторожных...

Три года прошло. В Ставропольском театре — всесоюзное совещание по обмену опытом ученических бригад. Всесоюзное! Вокруг сотни лиц: академики, доктора наук, учителя, деятели народного образования, партийные и комсомольские работники, председатели колхозов. Противников не слышно. Равнодушных не видно. На трибуну поднимаются то русский, то казах, то украинец, то белорус, то грузин, то узбек, то татарин, то снова русский... И докладывают запросто, деловито:

— Все школы нашей области имеют ученические бригады...

— Во всех школах республики старшеклассники трудятся...

— Мы выпускаем из средних школ подготовленных полеводов, животноводов, садоводов, виноградарей.

И звучат цифры весомые, гулкие: «двести восемьдесят бригад», «триста двадцать бригад», «триста учебно-опытных хозяйств», «миллион трудодней», «два миллиона трудодней», «три миллиона трудодней», «сто тысяч гектаров кукурузы», «пятьдесят тысяч телочек...»

А где-то в глубине зала запевалы—григориполисцы: председатель колхоза Н. Ф. Лыскин, первый воспитатель «девятой школьной» нынешний завуч школы К. А. Пшеничникова. Сидят притихшие, взволнованные великанским размахом затеянного ими дела.

Да, великолепную весну она сделала, первая григориполисская ласточка! Повсеместно, по всей стране советская школа практически приступила к соединению обучения с производительным трудом...

Конечно, ораторы-гости прежде всего воздавали должное хозяевам — ставропольцам. И не только потому, что первая ученическая бригада родилась в Ставрополье — она могла родиться в любой области,— а потому, что именно Ставропольский краевой комитет партии, коммунисты, комсомольцы, учителя края сумели не просто сберечь первый росток, но и поставили дело трудового воспитания школьников широко, массово, с государственной дальновидностью, с размахом и щедростью настоящих хозяев!

Итак, всесоюзный размах! Но человеку непосвященному, который узнает из печати то о ставропольском «запеве», то о «рязанском варианте», то о «подмосковном варианте», может показаться, что в организации труда школьников существует полнейший разнобой, действует кто во что горазд... В самом деле, в Ставрополье и многих областях Юга и Сибири — комплексные колхозные бригады из учеников; в Рязани — учебно-опытные хозяйства при школах; в Подмосковье — школьные колхозы; под Ленинградом — «малые МТС»; в Молдавии — тоже школьные колхозы, но уже, что называется, «настоящие», не только с «полевой», но и с «финансовой» частью: с доходами, балансами, а в Кемерове — ученические строительные организации; а в Кургане — школьные совхозы... Варианты, варианты. Может показаться, вот-вот разгорятся страсти, всяк будет воевать за свое...

Нет, не разгорелись страсти! Удивительно бережно, уважительно относятся в областях и республиках к «чужому» опыту. Велика страна! Везде свои условия, особенности, возможности... А это ведь разведка, поиск на неизведанных тропах...

— Тут еще вот в чем соль,— объяснял мне в перерыве старый подмосковный учитель.— Что это такое: ученические бригады, учебно-опытные хозяйства — окончательное решение проблемы трудового воспитания? Да нет же, это лишь приступ к главному, проба сил! Школа-то перед коренной реформой! Вот мы и приходим к реформе не с пустым кошельком, а с всесоюзным опытом. Пускай будет множество вариантов, пусть будет больше форм, методов, оттенков — выберем по зернышку! В этом соль...

Признаться, я искал еще и другую «соль». Ну вот, допустим, уже три года, да, ровно три года она живет, григориполисская ученическая бригада, старейшая в стране. А результат? Что достигнуто? Столько-то тонн кукурузы выращено... Столько-то тонн свеклы... И все?

Об этом и спросил запевал, григориполисцев, гость из Сибири. Стояли на «ученическом» поле, возле роскошной кукурузы, и не простой, а гибридной кукурузы, которую григориполисцы выращивали в подарок Московской области.

— Хор-рошая кукуруза, такой еще не видал,— похвалил сибиряк.— Ну, а скажите, товарищи,— обратился он к директору школы Д. Л. Сальниковой и завучу К. А. Пшеничниковой,— скажите, а как же все это отразилось на воспитании?

Как отразилось? Было любопытно, что скажут учительницы. Обычно на такой вопрос отвечают: «В результате трудового воспитания столько-то выпускников получили специальности и остались работать в колхозе». Григориполисцы не могли этим похвастаться. Колхоз их не испытывает нужды в рабочих руках, и хотя многие бывшие десятиклассники работают в родной артели, но многие и уехали: кто на учение, кто на завод, кто на стройку...

— А вот как отразилось,— сказала Д. Л. Сальникова.— За три года жизни бригады школу окончили двести человек... Переберите их всех — не найдете ни одного белоручки, ни одного праздношатающегося! Школа не получила ни одной жалобы на своих питомцев. Только благодарности! Из институтов, из колхозов, со строек... Вот так и отразилось!

С кем бы я ни говорил на Ставрополье, все утверждают: с тех пор, как действуют ученические бригады, а старшеклассники коллективно трудятся на полях, в крае резко, до минимума, сократилось число белоручек с аттестатами зрелости! Вот он, главный итог!

И все-таки не об этом, не о достигнутом, а о завтрашнем дне школы шел в эти дни главный разговор на ставропольских полях. Да, на полях! Совещание открылось в Ставрополе, а на другой день гостеприимные хозяева отвели под «зрительный зал» всю территорию края... Гости разъехались по ученическим бригадам, и там, среди кукурузных полей, на культстанах — кстати, дивные культстаны с общежитиями, садами, столовыми, красными уголками, спортплощадками отвели ставропольцы детям,— там, в окружении рослых юношей и крепких загорелых девчат, и развернулся настоящий разговор...

Вот, допустим, воспитание механизаторов... Хорошо ли, что зачастую даже на Ставрополье ученики трудятся на полях вручную, а кончая школы, не владеют ни трактором, ни комбайном, ни автомобилем? Почему это? Уж не потому ли, что устарел, но не отменен и по сей день закон, запрещающий доверять юношам до восемнадцати лет машину? Но ведь за границей— это общеизвестно — на тракторах и комбайнах сплошь и рядом работают пятнадцатилетние ребята... А что же наш, советский шестнадцатилетний парень, взращенный школой и комсомолом, что же, он не достоин, чтобы ему доверили машину? Не анахронизм ли это в век техники?

Еще говорили... Нехорошо, когда труд школьников становится самоцелью руководителей хозяйств; когда ребята работают на полях механически, не осмысливая значения своей работы; когда, скажем, удобряя поле, они не знают, для чего это делается, не могут назвать состава удобрений; когда труд не сочетается ни с обучением, ни с эстетическим воспитанием, ни с хорошим отдыхом. Говорили, что слаба еще во многих школах материальная база...

— Николай Фаддеич! — обратились гости к председателю колхоза «Россия».— Ведь вот вы, запевалы, щедро оборудовали культстан ученической бригады, а школа? Почему ваша школа ютится в здании дореволюционной постройки и занимается в две смены?.. Почему так бедны ее кабинеты? Вы же собираетесь получить нынче сорокамиллионный доход!

— М-да.— Лыскин потянулся к затылку.— Думали мы несколько повременить со школой. Сперва больницу... Но ничего, ускорим и школу. Построим! Хорошую! По последнему слову! С интернатом! Это же для них...

Он кивнул на ребят и девушек, которые, выстроившись перед гостями, пели свою, сочиненную в колхозе песню школьных бригад.

Для них... Да, именно потому, что это для них, для детей, для будущего страны, именно потому так стремительно и был подхвачен мощным всесоюзным хором негромкий григориполисский запев.

Для них... Страна в глубоком раздумье: как лучше реорганизовать нашу школу? Большой ставропольский разговор — одно из звенышек предстоящего огромного дела...

Хороша кукуруза! Бригадир ученической бригады колхоза «Ставрополец» Саша Коржов (слева) и ученики-колхозники Люда Шабунина и Борис Миронов.

На полях первой в стране ученической бригады (станица Григориполисская). Бригадир Валя Малыхина показывает гостям свеклу, выращенную школьниками.

ВЕЛИКИЕ ИДЕИ ЛЕНИНА

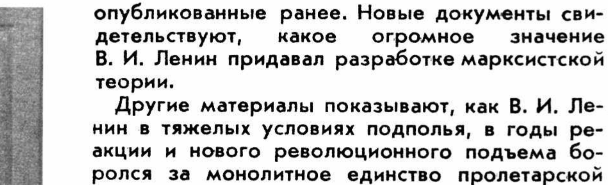
К выходу Полного собрания сочинений В. И. Ленина

Бессмертное имя Ленина, близкое и бесконечно дорогое сотням миллионов трудящихся, с величайшей любовью произносится во всех уголках земного шара.

Выдающийся китайский революционный демократ и государственный деятель Сунь Ят-сен сказал о В. И. Ленине в 1924 году:

«За многие века мировой истории появились тысячи вождей и ученых с красивыми словами на устах, которые никогда не проводились в жизнь. Ты, Ленин,— исключение. Ты не только говорил и учил, но и претворил свои слова в действительность. Ты создал новую страну. Ты указал нам путь для совместной борьбы. Ты встречал на своем пути тысячи препятствий, которые встречаются и на моем пути. Я хочу идти твоим путем и, хотя мои враги и против этого, но мой народ будет меня приветствовать за это... В памяти угнетенных народов ты будешь жить веками, великий человек».

Ныне во всем мире имя Ленина на устах миллионов. Угнетатели произносят имя Ленина со страхом, угнетенные — с благоговением и надеждой. Непреодолимая, все возрастающая мощь коммунизма сметает на своем пути злые силы и несет трудящемуся люду мир, благосостояние, поднимает его на вершины умственной и нравственной культуры.

В. И. Ленин оставил огромное литературное наследие. За годы Советской власти вышло в свет четыре издания Сочинений В. И. Ленина. Первое издание, включавшее свыше 1 500 произведений, напечатано с 1920 по 1926 год в 20 томах (26 книгах) тиражом более 133 тысяч экземпляров. Во второе и одинаковое с ним по содержанию третье издание (1925—1932 годы) вошло свыше 2 700 произведений. Второе и третье тридцатитомные издания отличались друг от друга только техническим оформлением и тиражом. Тираж второго издания превышал 100 тысяч экземпляров, а третьего — 500 тысяч экземпляров. Четвертое издание Сочинений В. И. Ленина вышло в 35 томах в период 1941, 1946—1950 годов. В четвертое издание вошло 2 927 произведений В. И. Ленина. Тираж каждого тома превысил 800 тысяч экземпляров. Идя навстречу пожеланиям подписчиков, ЦК КПСС принял решение выпустить 8 дополнительных томов к четвертому изданию.

Все четыре издания были далеко не полными. В последнее время ленинский фонд Центрального партийного архива пополнился новыми документами.

Недавно в Кракове обнаружены ленинские документы и историко-партийные материалы, относящиеся к 1912—1914 годам, когда В. И. Ленин находился в Кракове и Поронине. Эти документы ЦК Польской объединенной рабочей партии передал Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Из Польши получено более 1 070 документов; около 250 из них включено в фонд В. И. Ленина.

В краковско-поронинском архиве имеется ряд ранее неизвестных статей, заметок, автографов, проектов решений и пометок В. И. Ленина на документах; много писем на имя В. И. Ленина и Н. К. Крупской. Найдены материалы о Брюссельском совещании, которое было созвано Международным социалистическим бюро с целью «примирения» большевиков и меньшевиков.

В настоящее время приступлено к изданию Полного собрания сочинений В. И. Ленина, которое будет состоять из 55 томов. Ленинградская типография «Печатный двор» имени А. М. Горького уже печатает первый том.

В новое собрание войдет ленинское литературное наследство — книги, статьи, стенограммы и протокольные записи докладов и речей, газетные отчеты о выступлениях В. И. Ленина, листовки, заявления, обращения, программные документы, резолюции, декреты, приветствия. Включаются в издание и подготовительные материалы: планы, конспекты, наброски, записки,— а также замечания и пометки В. И. Ленина на книгах, брошюрах и статьях других авторов, выписки из книг, журналов и газет, таблицы. Подготовительные материалы раскрывают творческую лабораторию Владимира Ильича, государственного деятеля, ученого и литератора-публициста; они показывают гигантскую работу, проделанную В. И. Лениным. Подготовительные материалы будут помещаться в конце каждого тома; часть их составит отдельные тома. Впервые будет опубликован ленинский конспект четырехтомной «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса». В архиве Института марксизма-ленинизма сохранилась объемистая тетрадь В. И. Ленина, в которой содержатся конспект «Переписки», извлечения из писем К. Маркса и Ф. Энгельса, краткий тематический указатель к конспекту. Конспект «Переписки» поможет партийным и советским кадрам, пропагандистам, преподавателям вузов, студентам глубже понять труды В. И. Ленина, его метод изучения марксизма.

Особый интерес представляют ленинские работы и документы, не опубликованные ранее. Новые документы свидетельствуют, какое огромное значение В. И. Ленин придавал разработке марксистской теории.

Другие материалы показывают, как В. И. Ленин в тяжелых условиях подполья, в годы реакции и нового революционного подъема боролся за монолитное единство пролетарской партии. В тот период Ленин написал ряд статей в газету «Правда», которые частью были опубликованы без подписи, частью совсем не публиковались. Только теперь установлено их авторство.

Новые документы периода первой мировой войны отражают борьбу большевиков-ленинцев за революционную линию в международном рабочем движении, против империалистической войны, против оппортунизма и социал-шовинизма. Среди этих интереснейших материалов — конспект и планы ненаписанной брошюры «Европейская война и европейский социализм», материалы Циммервальдской конференции, письма.

В собрание Сочинений впервые включается ряд документов о Февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революциях: первоначальный набросок «Апрельских тезисов», документы о выступлении на собрании большевиков в доме Кшесинской (17 апреля 1917 года), набросок к пятому «Письму из далека».

Много новых материалов относится к советскому периоду: планы ленинской работы «Очередные задачи Советской власти», незаконченные тезисы «О демократизме и социалистическом характере Советской власти» (первая половина 1918 года), речь на митинге в Пресненском районе Москвы (26 июля 1918 года), речь на Четвертой конференции губернских чрезвычайных комиссий (в феврале 1920 года).

Различные документы того периода: распоряжения, записки, поручения — показывают огромную работу В. И. Ленина по разрешению сложнейших проблем народного хозяйства, образования, литературы и искусства.

В собрание включаются документы, освещающие ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным общественно-политическим строем.

В беседе с корреспондентом американской газеты «The World» Линкольном Эйром в 1920 году В. И. Ленин сказал: «Мы неоднократно заявляли о нашем стремлении к миру... Но мы не намерены позволить, чтобы нас задушили насмерть во имя мира.

Я не вижу никаких причин, почему такое социалистическое государство, как наше, не может иметь неограниченные деловые отношения с капиталистическими странами».

Будут опубликованы также замечания В. И. Ленина на книгах других авторов, представляющие большой теоретический интерес. В архиве института хранится более 700 книг с ленинскими пометками, в том числе 3 тома «Капитала» К. Маркса на немецком и русском языках, сборник К. Маркса «Собрание исторических работ», брошюра «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Письма к Кугельману». Имеются также пометки на работах Ф. Энгельса, Г. Плеханова, Л. Фейербаха, И. Дицгена.

В. И. Ленин, владея французским, немецким и английским языками, широко пользовался иностранными источниками в своей литературной работе, много переводил, особенно произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, часто цитируя их в собственном переводе. В пятое издание включены произведения других авторов, переведенные на русский язык или же отредактированные В. И. Лениным.

Новые произведения и документы, впервые включаемые в собрание Сочинений, составят около 20 томов. Каждый том откроется предисловием с краткой характеристикой исторической обстановки, в которой были написаны произведения, вошедшие в том. В состав справочного аппарата входят общее предисловие ко всему изданию, обстоятельные примечания, именной указатель с краткими биографическими данными, даты жизни и деятельности В. И. Ленина, указатель цитируемой и упоминаемой Лениным литературы, списки неразысканных ленинских документов, списки изданий, в редактировании которых принимал участие В. И. Ленин.

Выход в свет Полного собрания сочинений В. И. Ленина будет иметь огромное значение в распространении великих ленинских идей, которые указывают путь к миру и дружбе между большими и малыми народами, населяющими нашу планету.

Н. МАМАЙ, М. ТРУШ,
научные сотрудники
Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

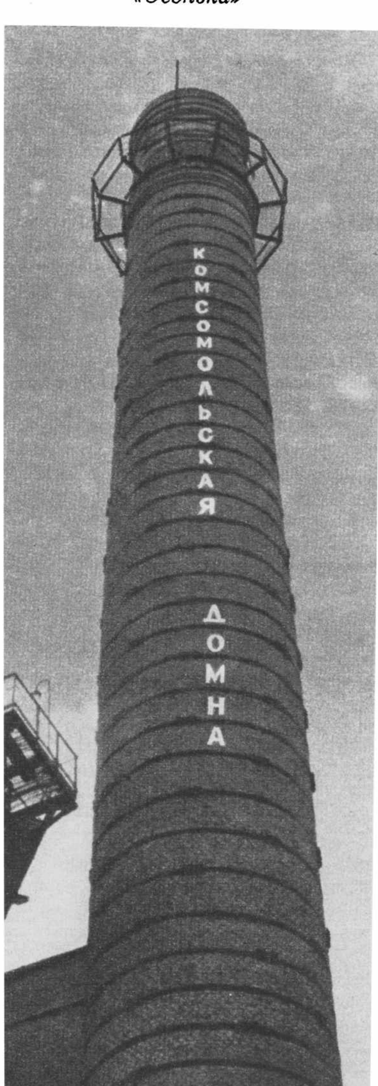
Есть

Вот они, молодые домностроители: монтажник В. Турков, каменщик Н. Медведев, каменщица М. Буколова крановщик Н. Кисенко, начальник комсомольского штаба стройки В. Максименко, электрик В. Паткиевич бензорезчики А. Коль, П. Сидоров, старший электрик В. Степурко, электросварщик А. Бережной.

Комсомольская домна!

А. ГРИГОРЬЕВ Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Специальные корреспонденты «Огонька»

В этом году страна получает семь новых доменных печей с общей производительностью четыре с половиной миллиона тонн чугуна в год. Это ударные комсомольские новостройки. Посланцы комсомола сооружают их в Днепропетровске, Жданове, Челябинске и других промышленных центрах страны.

Мы на одной из этих новостроек — комсомольской домне Орско-Халиловского металлургического комбината. Комсомольцы решили сдать ее в эксплуатацию на месяц раньше срока. Когда выйдет этот номер журнала, «Вторая, комсомольская» уже даст первый чугун.

Восемь месяцев упорного труда позади, но сколько поистине героических дел, как за это время выросли люди!

В комсомольском штабе день за днем вели летопись строительства, именно летопись, потому что иной день стоил целого года.

...По всему Оренбуржью разразилась сильная пурга. Трое суток бушевала непогода, но молодые домностроители не прекращали работы, бетонируя фундамент воздухонагревателей.

— Когда несколько лет назад у нас строили первую домну, фундамент бетонировали тринадцать суток. А нынче, несмотря на пургу, все работы были проделаны за три дня,— рассказывает Владимир Максименко, техник по специальности и начальник комсомольского штаба ударной стройки.

...Мы идем по территории строительных площадок. На бункерной эстакаде, весело перекликаясь, бегут паровозы, обновляя только что уложенные железнодорожные пути. По большому наклонному мосту то вверх, то вниз, пока еще вхолостую, двигаются скипы. В здании машинного зала, на литейном дворе, в башне пылеуловителя — всюду ведутся завершающие работы, опробываются сложные механизмы.

Вот на головокружительной высоте орудует человек. Это Борис Таран, комсорг, лучший механомонтажник передовой бригады Александра Белоусова. Его называют героем комсомольской стройки. Самые сложные и ответственные работы по монтажу, требующие не только сноровки, но и личной смелости, бригадир поручает человеку с этой грозной фамилией — Тарану. А ведь еще совсем недавно Борис был «фезеошником». Его трудовая деятельность началась, по существу, здесь, на строительстве комсомольской домны.

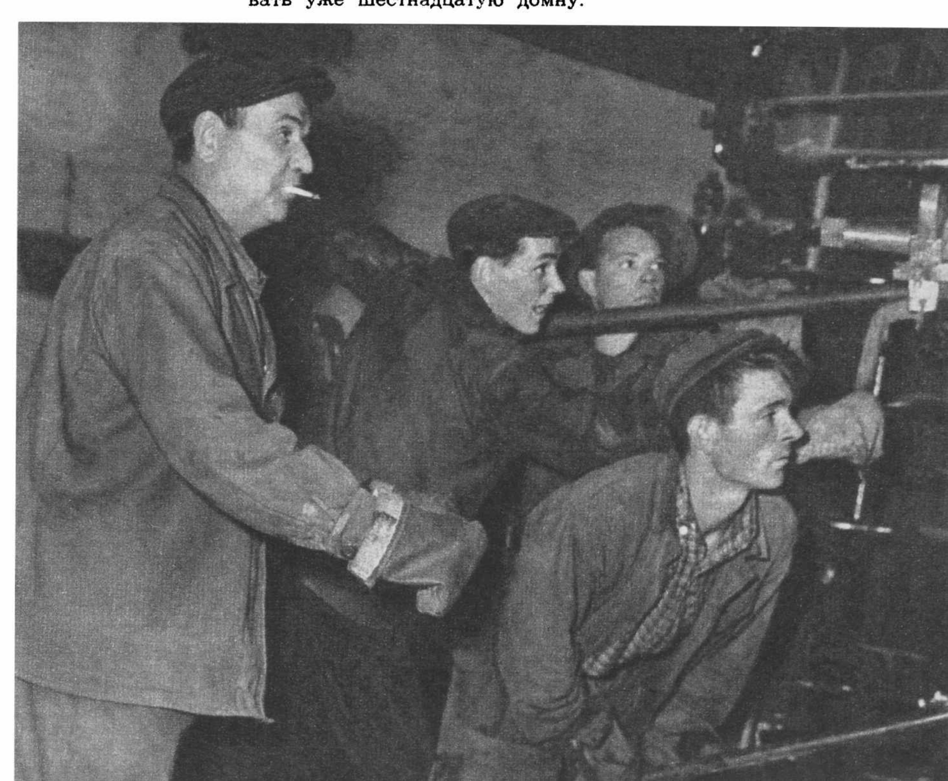
Ровесниками домны по своему трудовому стажу являются сотни молодых рабочих. На спецовке юного плотника Николая Антоненко сверкает почетный нагрудный знак ЦК ВЛКСМ, которым отмечаются успехи лучших домностроителей. Не нахвалятся в бригаде и работой его товарища по выпуску из школы ФЗО Рашида Махмудова. Кстати, этот восемнадцатилетний юноша, отлично работая на строительстве домны, успел на днях также на «отлично» сдать экзамен в вечерний строительный техникум.

По всей комсомольской стройке гремит слава монтажников-верхолазов Леонида Попова и Виктора Перлина, каменщика Михаила Ямщикова, огнеупорщика Михаила Золотарева, плотника Петра Губина... Бригады эти состоят в большинстве своем из молодых рабочих.

...По стенке высоченной дымовой трубы медленно сползает люлька. Одна за другой, во всю высоту трубы, появляются огромные белые буквы. Вот уже можно прочитать: «Комсомольская домна».

Она уже живет, набирает сил, дает чугун!

Перед пуском домны. Старший мастер доменного цеха Герой Социалистического Труда Федор Иванович Толкачев (крайний слева) будет задувать уже шестнадцатую домну.

МОЛОДОСТЬ РЕСПУБЛИКИ

Демонстрация в Багдаде 7 августа.

П. ДЕМЧЕНКО

Фото автора.

Из Дамаска в Багдад я вылетел первым самолетом: сирийская авиакомпания организовала пробный рейс перед тем, как начать регулярное сообщение со столицей Иракской Республики. Старенькой четырехмоторной «Дакоте», на каких летали еще в первые послевоенные годы, потребовалось почти три часа, чтобы преодолеть 800 километров, отделяющие два древних арабских города, которые в разное время были столицами могучего халифата.

Из сорока пяти пассажиров двадцать четыре оказались журналистами. Всего за день до этого Иракская Республика, возраст которой исчислялся тогда десятью днями, открыла свои границы для иностранцев, и компания не смогла, конечно, устоять перед натиском корреспондентов, спешивших в Багдад со всех концов мира. На многих языках в кабине обсуждался вопрос: как это случилось, что режим Нури Саида был сметен всего за несколько часов?..

Иракские власти отнеслись к прибытию первых зарубежных гостей с вполне оправданной осторожностью. Едва самолет выключил моторы, к нему подошли два приземистых броневичка. От трапа до входа в аэропорт двумя шеренгами выстроились солдаты. У трапа офицер отбирал паспорта.

— Национальность? — спросил он, когда подошла моя очередь.

— Русский, советский.

— Советский? — Лицо офицера озарила улыбка.— Спутник, Хрущев, очень хорошо! — выпалил он по-русски и крепко пожал мне руку, что, конечно, не было предусмотрено никакой служебной инструкцией...

Багдад — город мира

Приметы бурных перемен, начавшихся в стране 14 июля, встречаются на каждом шагу. Дело, разумеется, не только в том, что появились новые названия улиц, площадей, что разрушены памятники королям и английским генералам. Главное — в революционном подъеме иракского народа, в его стремлении закрепить достигнутую победу, отстоять родину от агрессии извне. Трудящиеся пришли на помощь армии, которая взяла под охрану правительственные учреждения, иностранные предприятия, пути сообщения. Началось формирование народного ополчения. На багдадских площадях, на предприятиях, у бензоскладов, рядом с армейскими броневиками появились рабочие патрули.

Иракцы знают, что, высаживая в Ливане морскую пехоту, правящие круги США стремились подготовить плацдарм для броска на Ирак. Английская армия подступила к иракским границам со стороны Иордании. Внутри страны империалистическая агентура не упускает случая для совершения диверсий. 30 июля в Багдаде загорелось крупнейшее нефтехранилище. Четыре дня над городом висели клубы черного дыма, в огне погиб целый городской квартал. Органам безопасности удалось установить, что причиной пожара явился акт саботажа; было арестовано четыре человека, подосланных иностранной разведкой.

В такой напряженной обстановке от народа требовалась высокая бдительность. В городах и деревнях были созданы комитеты защиты республики, в которые вошли представители всех демократических организаций. Распоряжения новой власти выполняются четко и организованно. Комендантский час соблюдался неукоснительно. С наступлением темноты жизнь городов замирала, и только патрули шагали по опустевшим улицам.

Каждый день в Багдад прибывали делегации провинций, городов, религиозных общин, сельских районов. Украшенные лозунгами, призывающими к защите республики, машины с делегатами медленно проезжали по улицам столицы, встречаемые приветственными возгласами багдадцев. 7 августа состоялась огромная демонстрация жителей столицы и прибывших делегатов, в которой, по оценке иракской газеты, приняло участие более ста пятидесяти тысяч человек. Это была демонстрация на колесах. Ее участники разместились на крышах автобусов, в кузовах грузовиков, облепили спереди и сзади грузовые машины. Люди пели, плясали, скандировали лозунги.

Буквально с первых часов своего существования новое правительство приступило к укреплению республиканского строя. Объявив страну на чрезвычайном положении, оно начало чистку государственного аппарата. Были сменены командиры всех дивизий, губернаторы провинций и руководители большинства департаментов. Лица, совершившие злостные преступления против народа, взяты под стражу.

В начале августа был опубликован закон, который позволил министрам увольнять на срок до 5 лет чиновников, активно сотрудничавших со старым режимом. Остро встал вопрос о тайной полиции — этой единственной опоре королевского двора и Нури Саида. Большинство старших полицейских офицеров назначались с согласия англичан. В Багдаде пост начальника политической полиции занимал англичанин Марк Антош. Нури Саид при содействии англичан и американцев создал многочисленный карательный аппарат. Имелись большая сеть тюрем, концентрационные лагеря, специальные отряды, вооруженные броневиками, для подавления крестьянских бунтов и рабочих демонстраций. Иностранным «советникам» пришлось распроститься со своими постами в службе безопасности в первые дни после революции; за ними последовали сорок пять их иракских прислужников. Основные функции службы безопасности взяла на себя армия.

Еще острее встали перед новым правительством экономические проблемы. Богатая ресурсами страна в буквальном смысле слова оказалась нищей и голой, опутанной многочисленными кабальными соглашениями, навязанными империалистами. В качестве первой меры правительство

снизило цены на хлеб на двадцать процентов и на жидкое топливо — на десять процентов. Были созданы комиссии по экономическому развитию страны, по подготовке аграрной реформы. Было установлено, что до осуществления аграрной реформы урожай между феодалом и феллахом-арендатором будет делиться пополам.

Министерство социальных дел приступило к разработке мер по ликвидации безработицы, обеспечению бездомных жильем. По данным этого министерства, в одном только Багдаде — городе с 900-тысячным населением — около 300 тысяч человек остро нуждаются в жилище. В основном это крестьяне, которых голод заставил покинуть насиженные места в поисках куска хлеба. Естественно, что все эти проблемы не могут быть решены в один день или в один месяц; впереди предстоит еще суровая борьба и напряженная работа...

Через два дня после нашего приезда состоялась пресс-конференция у премьер-министра Абдель Керим Касема. Герой революции отвечал на все вопросы четко и ясно, за всеми его ответами чувствовалась глубокая внутренняя убежденность.

— Иракская Республика,— сказал он,— миролюбивая страна, у нас нет агрессивных намерений в отношении какого-либо государства. Мы провозглашаем верность принципам Бандунга и будем идти по пути мира и дружбы между народами. Мы благодарим наших друзей за то, что они помогли нам в такой тяжелый час...

Еще в средние века арабы называли Багдад «городом мира». По иронии судьбы в наши дни он дал имя агрессивному империалистическому блоку. И вот теперь народ возвратил своей столице славу мирного города.

Как это произошло

Перед входом в управление багдадского радио часовой проверяет, нет ли у посетителей оружия. Лейтенант пытается прочесть сложные фамилии в наших журналистских карточках. И тут повторяется то же, что уже было на аэродроме. Офицер делает знак часовому избавить меня от малоприятной процедуры.

— О нет, я не отпущу вас до тех пор,— добавляет он,— пока мы не выпьем по чашечке кофе!

Я знаю, что сопротивление бесполезно, но предупреждаю, что располагаю всего несколькими минутами. Однако беседа, начавшаяся с этой чашечки кофе, затянулась на многие часы, продолжалась завтра и послезавтра, и мне не пришлось об этом жалеть.

Первый лейтенант Рахим Сальман — так звали моего нового знакомого — подвел меня к группе офицеров, сидевших в тени молодых эвкалиптов.

— Знакомьтесь. Майор Бахджат Саид, штурмовал дворец Нури Саида. Подполковник Фадель Али, командир батальона, который брал королевский дворец, управление тайной полиции и вот эту радиостанцию.

Встреча была столь интересной, что у меня сам собой сорвался вопрос:

— Расскажите же скорей, как все это произошло.

— А что рассказывать? — спокойно ответил Фадель Али.— Поедем, увидите сами.

Подполковник сел за руль английского военного «джипа», выкрашенного в желто-бурый цвет пустыни, и через четверть часа мы въезжали во двор королевского дворца Рихаб. В саду штабелями свалены чемоданы, холодильники, сейфы, обгоревшая мебель, горы посуды: специальная комиссия занималась здесь инвентаризацией королевского имущества.

Сравнительно небольшое здание дворца сильно обгорело, стекла выбиты, стены испещрены осколками. На фасаде — зияющие пробоины.

— Наша работа,— поясняет капитан Мунзир Салем.— Это я приказал дать три выстрела из 106-миллиметровых безоткатных орудий.

Знакомство с офицерами 20-й бригады, которая решила исход переворота в Багдаде, помогло составить представление не только о памятной ночи с 13 на 14 июля, но и о том, как ковалась победа.

Тайная патриотическая офицерская организация существовала в иракской армии со времен антианглийского восстания 1941 года. Но активизировалась она много лет спустя, после провозглашения республики в Египте и свержения диктатуры Шишекли в Сирии. В 1954 году к руководству организацией пришли генерал Абдель Керим Касем, полковники Абдель Салем Ареф и Джерад. Для лучшей конспирации они создали систему троек. Это помогало спасать организацию от провалов в обстановке разгула репрессий, доносов, постоянных арестов.

Офицерам казалось, что час выступления пробил в дни тройственной агрессии против Египта в 1956 году, когда западные заправилы Багдадского пакта готовились использовать иракскую армию для вторжения в Сирию. Группа офицеров провела ночью в пустыне узкое совещание. Стало ясно, что победа невозможна без тесного сотрудничества с Национальным фронтом — самой крупной оппозиционной организацией, включающей национально-демократическую партию, коммунистов, социалистов и партию «Истикляль». Руководящая тройка наладила связь с политическими лидерами.

Летом 1958 года империалисты с помощью иракской армии решили подавить восстание в Ливане, оттогрнуть от Объединенной Арабской Республики Сирийский район. Военная сторона этого плана была возложена на командира третьей дивизии генерала Дагестани, который предстал сейчас перед судом. Официально решение о посылке войск в Ливан и Иорданию должен был принять Совет Багдадского пакта, но Нури Саид, по приказу из Лондона и Вашингтона, готовил все заранее.

9 июля генерал Дагестани приказал начать поход из летних лагерей в Фелуджу, откуда должен был начаться марш в Иорданию. Руководящая тройка революционного комитета — все они были офицерами третьей дивизии: Касем — командиром 19-й бригады, Ареф и Джерад — командирами батальона в 20-й бригаде — решила действовать. План восстания сохраняли в строгой тайне. Связь с Национальным фронтом удерживалась прочно.

Утром, когда над городом занялся рассвет, рота капитана Мунзира Салема, усиленная танками и броневиками, окружила дворец Рихаб. Капитан передал королю Фейсалу и принцу Абдул Иллаху устный приказ: отречься от престола в пользу республики. Принц приказал дворцовой охране стрелять. Начавшаяся перестрелка с дворцовой охраной длилась не более десяти минут. Первыми через разрушенные ворота вбежали во двор капитан Абдессатар Сабиа Аль-Абус и сержант Азиз Сулейман. Принц Абдул Иллах открыл по ним огонь из пистолета. Капитан и сержант ответили автоматными очередями. Король и принц упали на траву, сраженные пулями.

Капитан Абдессатар Сабиа Аль-Абус.

В это же время майор Бахджат Саид ворвался со своей ротой во дворец Нури Саида. Обыскали все углы, но бывшего иракского диктатора найти не удалось: он исчез.

Примерно за полчаса до подхода роты Нури Саида разбудил телефонный звонок. Один из 18 тысяч его платных агентов пронюхал о начале восстания и предупредил хозяина. Но тот был слишком самоуверен, чтобы поверить. К тому же утром его ждало приятное путешествие в Стамбул на совещание мусульманских государств — участников Багдадского пакта. Однако шум на улице заставил его вскочить с постели. Сотни военных машин двигались по городу, телефон не работал. Схватив впопыхах деньги и пистолет, Нури Саид в пижаме выскочил в сад. Спустившись с обрыва на берег Тигра, он под угрозой оружия заставил рыбака перевезти его на другую сторону.

Не первый раз тайком убегал этот ставленник иноземных колонизаторов из своего дома, спасаясь от народного гнева. Первый раз это случилось еще в 1936 году. Тогда его спасли англичане. Но на этот раз английское и американское посольства уже были окружены революционными частями. День и следующую ночь Нури Саид отсиживался в доме торговца Эстербади, а 15-го рано утром, надев женское платье, чадру, решил переменить квартиру. Прошел незамеченным через весь город, разыскал нужный дом, но был разоблачен и убит. Толпа бросила труп жестокого тирана и изменника иракского народа в горящую нефть.

Далеко не всюду победа пришла сразу. Вот, например, как развернулись события в Дивании — центре большого сельскохозяйственного района в низовьях Евфрата. Командир второй дивизии генерал Али отказался подчиниться распоряжениям республиканского правительства и приказал готовиться к походу на Багдад. Солдаты роптали, но генерал стоял на своем. Тогда несколько молодых офицеров обратились за помощью в крестьянский комитет, который боролся за права крестьян уже многие годы. Комитет направил в Диванию свои боевые дружины. При молчаливом согласии солдат они окружили штаб дивизии и потребовали сдачи генерала, который был затем арестован его же офицерами. На следующий день крестьянский комитет провел в городе парад своих партизанских групп, в котором участвовало около 2 200 пеших и конных бойцов. Плохо вооруженные, но бодрые духом, они символизировали победу иракской революции.

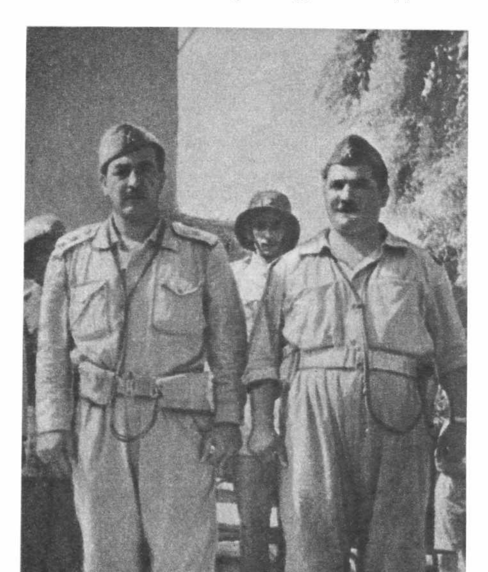
На военной базе в Хаббании

К стволу кипариса против главного штаба базы прибита медная дощечка: «Сооружено вице-маршалом Бэрнэтом, командующим британскими вооруженными силами, 1934 год».

Когда въезжаешь за высокий железный забор, кажется, что ты попал в роскошный оазис среди голой пустыни. Стройные ряды декоративных насаждений, пальмовые аллеи, фонтаны, цветники, большой плавательный бассейн, кинотеатр. Англичане строили с размахом, надеясь обосноваться здесь навечно. За Хаббанией укрепилась слава крупнейшей британской военно-воздушной базы на Арабском Востоке. На территории в 50 квадратных километров разместились два аэродрома с бетонированными взлетными дорожками, наземными и подземными ангарами, мастерскими, радарными установками. Озеро, к которому примыкает база, оборудовано для приема гидросамолетов.

Комендант базы полковник Ясин Мухаммед Халим, принимавший журналистов, рассказал, что по англо-иракскому договору 1955 года база формально передавалась иракской армии, но фактически становилась опорным пунктом агрессивного Багдадского пакта. Англичане сохранили за собой право использовать аэродромы в Хаббании и держать здесь военную миссию. Годом позже к английской миссии прибавилась и американская. К двум новейшим радарным установкам иракцев не допускали, их обслуживали только английские специалисты.

Подполковник Фадель Али (слева) и майор Бахджат Саид.

База стала иракской только 14 июля.

— Получив приказ из Багдада,— сообщил нам полковник Халим,— мы распорядились перерезать все линии связи и блокировать английскую и американскую миссии в жилой зоне.

Иностранцев отстранили от работы, им запретили всякий контакт с внешним миром. 1 050 английских и 45 американских членов миссии остались без работы.

Безработными оказались и иностранные советники при министерстве обороны и в других ведомствах. Новые власти опечатали склады и помещения, принадлежавшие организации Багдадского пакта, в деятельности которого Ирак отныне не принимает участия. Одна из статей временной конституции Иракской Республики гласит, что иракская армия является инструментом национальной политики и не может подчиняться приказам каких-либо военных блоков или группировок...

Начальник английской военной миссии в Хаббании группкапитан Эдвардс (соответствует нашему званию полковника) уже далеко не молодой человек. Три ряда орденских планок, среди которых ленточка «Креста Виктории» — высшей награды, которой может быть удостоен британский офицер,— показывают, что он немало повоевал на своем веку. Эдвардс соглашается ответить на наши вопросы.

— Чем занимается сейчас миссия?

Этот вопрос заставляет Эдвардса улыбнуться, но улыбка получается невеселой.

— У нас есть спортплощадки, бассейн, кино, семейные обязанности.

— Как вы рассматриваете дальнейшие перспективы?

— Все меняется на этом свете,— говорит он, немного помедлив.— Логика событий такова, что рано или поздно мы уйдем отсюда.

Да, группкапитан прав. Все меняется на этом свете, и меняется к лучшему. Народы берут свою судьбу в свои руки.

«Ирак петролеум» приоткрывает занавес

Нельзя сказать, что посещение группой журналистов из социалистических стран нефтепромыслов «Ирак петролеум компани» в Киркуке явилось приятным событием для ее администрации. В течение многих лет компания держала свои двери плотно закрытыми для иностранцев. Немало делалось, чтобы изолировать рабочих от внешнего мира. Но времена меняются. Генеральному директору одной из самых прибыльных компаний мира мистеру Томорлоу теперь приходится считаться с иракскими властями.

Господствующее положение в «Ирак петролеум» занимает английский капитал, но по 23,75 процента акций принадлежат французам и американцам.

Томорлоу просит нас касаться только экономических вопросов, но и тут он начинает нервничать, когда мы интересуемся прибылями. В последние три года доходы компании превышали, по официальным данным, 400 миллионов долларов в год. С 1952 года половина прибыли поступала иракскому правительству.

— Почему только половина? — спрашивает один из журналистов.

— В противном случае компания перестанет быть рентабельной,— следует ответ.

— Но ведь себестоимость каждой тонны нефти, добытой здесь, ниже, чем в Иране, Саудовской Аравии, Латинской Америке; Ирану вы платите больше.

— Это политика,— резко бросает Томорлоу.

— Почему политика? Компании, действующие в тех странах, не отрицают своих баснословных прибылей. К тому же японские фирмы предлагают арабским странам 57 процентов. Вы полагаете, что они собираются работать в убыток?

Ответа нет.

Несмотря на старания администрации, которая всячески затрудняла наше знакомство с промыслами, нам все же удалось узнать правду об «Ирак петролеум компани». Ее рассказали адвокат Мухаррам Тарабани, бывший рабочий компании Юнес, инженер Талиб. Мухаррам только после революции вышел из тюрьмы, куда был брошен за выступление в защиту прав рабочих.

На предприятиях «Ирак петролеум» занято 6 тысяч рабочих и служащих. Примерно половина персонала получает заработную плату в 30—35 раз меньше, чем английские чиновники, которым компания к тому же предоставляет за умеренную плату жилое помещение.

Медицинским обслуживанием рабочие не обеспечены, зато широко развита система слежки и доносов. Высокооплачиваемая категория — надзиратели набирались в других странах, чтобы постоянно поддерживать в рабочей среде национальную рознь.

Нефтяники всегда шли в авангарде борьбы против империализма. В 1947, 1948, 1952 годах на нефтепромыслах состоялись всеобщие забастовки. Три тысячи рабочих организовали знаменитый поход на Багдад, чтобы вручить правительству петицию с требованиями: 8-часовой рабочий день, введение системы социального страхования, бесплатный транспорт от города к месту работы. Правительство бросило против участников похода войска, около 90 человек было расстреляно. Киркукские нефтяники приняли участие в борьбе против Багдадского пакта.

В министерстве национальной экономики нам рассказали, что правительство намерено в будущем пересмотреть соглашение с «Ирак петролеум компани» так, чтобы увеличить поступления в иракскую казну. Основная масса этих доходов пойдет на экономическое развитие страны.

* * *

В Дамаск я возвращался, когда Иракская Республика отмечала месяц своего существования. Багдадская газета «Аль-Хуррия» писала в этот день, что важнейшим итогом этого месяца было: принятие временной конституции, устранение ставленников империализма, оздоровление государственного аппарата, ослабление позиций феодализма в целях его полной ликвидации, восстановление прав крестьян на продукты их труда. Революция, подчеркивала газета, воскресила веру народа в свои силы, ибо именно эта вера всегда подрывалась империалистами.

В самолете снова оказалось несколько журналистов. Но теперь вопрос о том, почему так быстро пал режим Нури Саида, не вызывал особых сомнений: 14 июля готовилось многие годы. Во имя революции боролись и партизаны Дивании, и нефтяники Киркука, и организация «Свободных офицеров», и партии Национального фронта. На стороне республиканского строя — поддержка всего народа, в этом залог его прочности.

Багдад — Дамаск, август.

СТИХОТВОРЕНИЯ ХО ШИ МИНА

Стихотворения Хо Ши Мина опубликованы в изданном в Ханое (1956) трехтомнике избранных сочинений президента Демократической Республики Вьетнам. Госполитиздат готовит к изданию перевод этого трехтомника.

* * *

Опять луна из-за окна зовет стихи слагать.
Сегодня занят я, луна, не лягу даже спать.
Ты обожди другого дня, ты обожди, луна,
Вон, слышишь, колокол гудит, народ будя от сна.
То весть победная идет. Ты обожди, луна!

* * *

Луна огромная качалась вдалеке,
В наряды пышные весенние одета.
Дела военные решали на реке.
Вернулись зá полночь на лодке, полной света.

* * *

Это стихотворение Хо Ши Мин написал в тюрьме, куда его упрятали чанкайшисты.

Не расположен я по возрасту к стихам.
Но здесь, в тюрьме, они помогут
Вести отсчет по их размеренным слогам
Дням, приближающим свободу.

* * *

Когда закончится победою война,
Мы тост поднимем и отведаем вина.
Пускай в семье родной сегодня многих нет,
Зато все вместе встретят новый мирный Тэт [1]!

СТИХОТВОРЕНИЕ ПО СЛУЧАЮ НОВОГО ГОДА МЫШИ

Проходит старый год Свиньи [2],
Год Мыши наступает.
Я поздравляю вас, сыны,
Желаю победить, донг бао [3]!
Ведя войну Сопротивленья,
Мы защитим свою страну,
Добьемся полного сплоченья,
Победой завершим войну!

Весна Нового года Мыши, 1948.

* * *

В то время, когда народная армия одерживала одну победу за другой на главных фронтах Вьет-Бака [4] в осенне-зимней кампании 1947—1948 годов, Хо Ши Мин написал это стихотворение на китайском языке и послал его уважаемому Буи Банг Доану.

Книгу читаю — птицы запели на ивах,
Подпись поставил — цветок отразился в чернилах,
Славные вести с фронтов утомили связиста.
Вспомнил о вас и дарю этот стих неказистый [5].

* * *

В год Собаки, в этот новый год,
Мы успешно движемся вперед.
Строится свободная страна,
Завершается победою война.
Пусть же славится в веках на радость нам
Независимый Вьетнам!

* * *

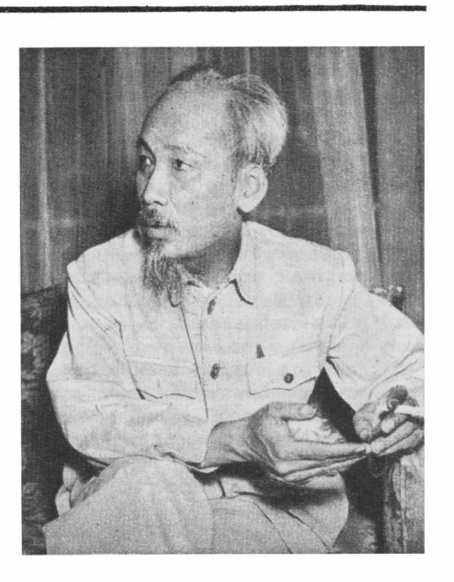
В 1947 году три старика-партизана из провинции Као-Банг [6] вместе со своими земляками проявили инициативу и мужество, уничтожив значительные силы противника и не допустив его продвижения.

Президент Хо Ши Мин посвятил им следующее стихотворение:

Чем старше люди, тем сильней их воля.
Как ураган, их меч разит врагов,
Готовый армию врага прогнать с родного поля.
Вьет-Бака слава проживет за тысячу веков!

1947 год.

Перевел с вьетнамского Вячеслав КАРПОВ.

[1] Тэт — праздник Нового года по лунному календарю, одновременно праздник Весны.

[2] Год Свиньи, Мыши и т. д.— принятые во вьетнамском лунном календаре названия, повторяющиеся раз в двенадцать лет.

[3] Донг бао — соотечественники.

[4] Вьет-Бак — район Северного Вьетнама, колыбель вьетнамской революции.

[5] Ответ Буи Банг Доана:
Преданны родине нашей вы всею душою.
Знаю, работой вы заняты сложной, большою.
Но, и сражаясь с врагом, вы, как прежде,
Не расстаетесь с поэзией, строгой и нежной.

[6] Као-Банг — одна из провинций Северного Вьетнама.

ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ МОСКВЫ

В. Е. Поляков. МОЛОДОСТЬ.

Б. И. Казаков. ЗАКАРПАТСКИЙ МОТИВ.

С. Л. Фролов. МАТЬ.

Побег

ВУ ТХЫ ХЬЕН

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Имя Ву Тхы Хьена хорошо знакомо вьетнамским читателям. С начала освободительной войны он актер разъездной театральной труппы. В 1949 году 16-летний Хьен вступает в ряды действующей Народной армии, затем сменяет ряд профессий: киноработника, журналиста, учителя. В 1952 году публикует первое свое произведение — пьесу «Выход». С этого времени регулярно печатает рассказы и очерки в центральных демократических изданиях.

Ныне Ву Тхы Хьен учится в Москве, на сценарном факультете ВГИКа. В рассказе «Побег» изображены события, участником которых был автор.

Роясь недавно в своих бумагах, я наткнулся на старый швейцарский журнал. Безучастно пробежал я глазами его страницы и вдруг точно ощутил толчок в сердце: я увидел его. На снимке была изображена группа алжирских бойцов освобождения, изучающих устройство трофейных орудий. Я не сразу узнал его, я скорее почувствовал, что это он: прошедшие годы стерли в памяти многое. Но, присмотревшись внимательнее к этой богатырской фигуре с закатанными выше локтя рукавами рубахи, к этому задумчивому, почти угрюмому лицу с черными усами, я понял, что не мог ошибиться — это был он, мой старый знакомый Абду!

...Зимой 1952 года я получил приказ своего командования проникнуть в партизанскую зону провинции Нам Динь. Предстояло опасное путешествие по морю на сампане, но это был наиболее быстрый способ попасть в Нам Динь. Вместе со мной пробирался на юг партизан Тан.

На берегу мы наняли сампан. Третьим спутником был учитель, возвращавшийся в свое село.

Хозяин сампана, здоровенный мужчина с широким лицом и квадратным подбородком, с приподнятыми кверху уголками злых глаз, с бронзовой кожей, типичной для людей, живущих возле рек и морей, мрачно буркнул:

— Ладно, двинем! Предупреждаю: гарантий никаких.

...Над морем плыла тихая теплая ночь. Лежа на корме, я смотрел на тускло мерцающие звезды и думал о возможных перипетиях пути. Миновав прибрежные скалы, сампан вылетел на простор и плавно заскользил по волнам. Прохладный горьковатый морской ветер шлепал волнами о борт лодки, и, убаюканный их однообразным шумом, я задремал.

Проснулся я от резкого толчка и услышал, как хозяин сампана хрипловато крикнул:

— Поднять паруса!

Вглядевшись в синеватые сумерки, справа по борту я различил французский патрульный катер, с которого, видимо, тоже заметили нас: светлый его силуэт все рос, приближался с каждой минутой.

К счастью, несколькими минутами позже я снова услышал голос хозяина: «Суша!» — и увидел, как он воткнул шест и тот, упершись в дно, задрожал. В воде возле берега теснились кустарник и высокие травы.

Я прыгнул. Погрузившись по горло в воду, я напрягал все силы, чтобы шагать пошире. Затрещал пулемет. Я обернулся и различил четкие силуэты людей на катере. Тан шумно вобрал в себя воздух и скрылся под водой; вынырнул он уже шагах в двадцати от меня. Мы спрятались в прибрежных кустах. Мимо прошлепали тяжелые шаги французских солдат, и резкий голос прокричал: «Выходи!» Потом звук шагов угас.

Однако вскоре шаги послышались снова, и я различил невнятную ругань: «Черт их возьми! А где же остальные?» Меня охватил страх: «Кто попался?» Оглядевшись, я подумал, что не очень хорошо защищен кустарником, и решил немного податься назад. Я шевельнул ногой, стараясь вытянуть ее из тины, раздался характерный хлюпающий звук. Это-то и погубило меня. Они моментально подскочили ко мне:

— А ну, выходи! Молчал...

Француз, голый до пояса, в одних коротких штанах и пробковом шлеме, повел меня к дамбе. Там уже стояли, опустив головы, учитель и Тан. Начался допрос.

— Как звать? — обратился переводчик к Тану.

— Меня зовут Нгуен Ван Тан, господин!

— Кем работаешь?

— Крестьянин, господин.

— Подними брюки!

Я удивился. Эти черти что-то замышляли. Партизан медленно поднял штанины.

— Куда направлялся?

— Я решил вернуться, надоело там, господин.

Переводчик обернулся к французу и перевел ответы. Тот кивнул головой.

— Отойди! Следующий!

Теперь была очередь учителя. Он был смертельно бледен, его трясло, как в лихорадке.

— Я?..

— Да, ты! Как звать? Подними брюки!

Переводчик пристально смотрел на поднимающиеся штанины, обнажающие белые, без загара ноги.

— Все ясно! Вьетминец, собака! Кем работаешь, подлец?

Учитель опять повернулся к французу, торопливо заговорил по-французски:

— Мой капитан, я не Вьет-мин, я не Вьетмин, я... я учитель...

Француз резко шагнул вперед:

— Что ты сказал? Учитель? Так я заткну твою поганую глотку, чтобы она больше не клеветала на нас!

Сухо щелкнул выстрел, и учитель ничком ткнулся к ногам француза. Второй выстрел довершил дело. Я невольно закрыл глаза.

— А как тебя звать? — Это относилось ко мне.

— Меня зовут Шау, господин начальник.

— Кем работаешь?

— Ремонтирую велосипеды, господин начальник.

— А не врешь?

— Я не осмелюсь врать вам, господин начальник. Если я солгал, застрелите меня.

— Отлично! Назови-ка мне лучшие марки велосипедов!

— Хороших велосипедов очень много, господин начальник, ну, хотя бы «Мерсье», «Пежо», «Тур де Франс», «Терро», «Стерлинг»...

— Ну, хватит болтать! Подними брюки! Впрочем, не надо. Абду!

Вперед вышел один из солдат. Он не был похож на француза: огромный, с блестящими темными волосами, с широким смуглым лицом, на котором чернели усы.

— Отведи их в крепость. Капитан приказал.

Я еще не пришел в себя, но Абду ткнул меня стволом карабина в спину.

— Шагай! — крикнул он по-вьетнамски.

В этот момент я осознал, что жив. Мысленно я благодарил случай, когда, заболев, прожил некоторое время у брата — механика ателье велосипедов. Теперь полученное там «образование» спасло мне жизнь. Я взглянул на Тана, лицо которого выражало полную безмятежность, как будто он совершал приятную прогулку после завтрака. Тогда я перевел взгляд на солдата. Тот шел сзади, на расстоянии десяти шагов, с карабином наготове. Хотя наши руки не были связаны, я знал, что убежать невозможно.

Я посмотрел вдаль. Приблизительно в десяти километрах отсюда наша свободная партизанская зона. Широкое устье реки — основное препятствие.

В крепости нас посадили в большую грязную яму. На следующее утро отправили на работу.

Тан назвался крестьянином, а я механиком, поэтому Тана послали на земляные работы по укреплению крепости, а меня — в гараж ремонтировать автомобили. Вместе с нами работали и другие пленные. На все их расспросы мы твердили уже сказанное на допросе: тут могли оказаться провокаторы.

Я работал под охраной Абду. Узнав, что он алжирец, я мысленно выругался: «Вот настоящий раб — носит винтовку рабовладельца, чтобы убивать своих!» По-французски он говорил плохо, а наш язык кое-как понимал. Я не знал, где и у кого он ему выучился. Он редко улыбался, редко произносил слова. Выражение его лица всегда было сердитым, хотя короткие черные усики делали его немного смешным. Он чем-то напоминал буйвола: грубый рот, низкий выпуклый лоб, глаза неподвижные, задумчивые, печальные. Казалось, он каждую секунду готов был броситься в драку. Но, несмотря на видимую свирепость, относился он ко мне неплохо. Иногда говорил:

— Отдыхай, никто не помешает, здесь, кроме меня, никого.

Я попробовал заговорить с ним на смешанном французско-вьетнамском языке:

— Господин мандарин, вы не француз?

— Не называй меня мандарином, я солдат! Ты разве не знаешь, что они презирают меня, как собаку. Ведь я алжирец!

— Значит, господин мандарин, вы издалека?

— Я уже сказал тебе: не называй меня мандарином! Меня зовут Абду. Так и зови меня — Абду. Просто Абду. Понял?

Глаза его потемнели.

— Да, я издалека. Если плыть пароходом, то неизвестно, за сколько дней доберешься. У меня жена, дочь. Вот смотри.

Тут он достал из портмоне фотографию. С нее смотрела женщина во всем белом с ребенком на руках.

Взглянув на фото, Абду тяжело вздохнул и вдруг запел. Голос у него был низкий, трогающий за сердце. Песня мрачная, заунывная. Я попросил:

— Абду, перестаньте, очень грустно от вашей песни.

— Тебе грустно?

— Да, очень грустно.

— Ты женат?

— Нет, холост.

— Ну, значит, тебе не так грустно, как мне.

— Но у меня есть невеста, и теперь она наверняка думает, что я погиб.

— Значит, если ты вернешься, она очень обрадуется. А ты вернешься, потом вернешься!

...Наша тюремная жизнь продолжалась уже две недели. Тан заметно похудел, но не жаловался. Видно было, что этот партизан предпочитает больше думать, чем говорить. Только с наступлением ночи мы, не засыпая сразу, начинали обсуждать план побега. Я был нетерпелив: я не мог больше торчать здесь. Тан скупо, но трезво объяснял мне, что пока бежать невозможно.

В казарме, наполненной кислым и спертым запахом человеческого пота и грязной одежды, слышался размеренный храп смертельно уставших пленных: они уже крепко спали.

— И все-таки один путь есть, — тихо заговорил я.

— Какой?

— Нам помогут сами враги.

Глаза Тана заблестели. Я подробно рассказал ему о моих первых разговорах с Абду. Тан

А я уж было приготовился прямо сказать ему о Сопротивлении, предложить перейти на нашу сторону или помочь нам в побеге из этого ада. Но передумал: спешить было опасно. Оставалось ждать. Как-то я сказал Тану:

— Все-таки надо подумать над другим планом. Этот алжирец совсем неграмотен и туго усваивает то, что я ему втолковываю.

— А ты думаешь, грамотных перевоспитать легче?

Я вздохнул.

Истекала третья неделя. И тут на смену старым трудностям пришли новые. Абду получил известие о смерти своей дочери; теперь он стал раздражительным и больше не улыбался мне. Наши беседы прекратились. Я невольно загрустил: рушилась последняя надежда.

Но однажды он подошел. Его лицо было странно вытянуто, глаза распухли, углы рта горестно повисли. Лежа под машиной в своем гараже, я наблюдал за ним. Он сел, закурил. Затянулся раз — другой, потом бросил окурок и запел. И опять все ту же печальную песню. Внезапно оборвал пение и пробормотал, будто не замечая меня:

— Умерла моя дочка...

Я не нашелся, что сказать, только вздохнул.

— Неужели ты жалеешь меня? — тихо спросил он.

— Как же иначе? Вы такой несчастный! Почему она умерла?

— Болела.

— Чем?

— Не знаю, право. Жена не написала. Видно, сидели без денег, а это... сам понимаешь.— Он печально и долго смотрел на меня, потом добавил: — Ты хороший парень.

И, взяв автомат, он медленно вышел из гаража.

Ранним утром он позвал меня:

— Шау, иди за мной! Позови еще одного — того, твоего друга. Приказано почистить катер.

Вместе с Таном я двинулся за ним.

Это был первый случай, когда мы ушли далеко от крепости. Дул свежий морской ветер. За холмами ухало море. Широкое устье реки синело справа от нас, совсем близко. Я шепнул Тану:

— Ширина здесь не больше четырех километров.

Тан только покосился. Его глаза как бы говорили: «Опять за свое! Авантюрист!» Но вслух он произнес:

— Я мог бы переплыть и вдвое шире.

Абду шел впереди. Мы прошли дамбу и спустились к берегу. Обернувшись назад, я уже не увидел крепости. Шхуна, стоявшая раньше у причала, ушла. Только катер, что догонял нас в ту злосчастную ночь, мерно покачивался на волнах. Я первым вскочил на его борт. Тан — за мной. Мы принялись скоблить грязь с палуб. Солдат-француз, охранявший катер, клевал на баке; у его ног валялся потрепанный «Лайф». Я обратился к нему:

— Господин мандарин, не дадите ли мне сигаретку?

Он очнулся и меланхолично выругался:

— Что тут еще за дьявол? Что тебе нужно?

Я повторил просьбу. Он опять не понял.

внимательно слушал. Когда я кончил, он кивнул.

— Ладно, продолжай разговаривать с ним и попробуй склонить к тому, чтобы он помог нам бежать.

Мы воодушевились этой идеей. Мы строили самые смелые планы.

Со следующего же дня я начал делать все возможное, чтобы сблизиться с Абду, и вскоре он стал моим собеседником. В общем-то добиться этого было не трудно: ведь французы не изъявляли желания с ним разговаривать, а предателей-вьетнамцев он презирал сам.

— Ну и свиньи, — возмущался Абду, — без стыда своих грабят!

— А в вашей стране есть такие? — ввернул я.

— У нас?.. Да, встречаются, — Абду покраснел. — Но их немного.

— Значит, в вашей стране тоже есть французы?

Лицо солдата потемнело. Он не ответил, яростно пнул камень тяжелым башмаком и выругался на своем языке.

— Но алжирцы наверняка счастливее нас,— не унимался я.

— Алжирцы счастливые? Нет, мы такие же несчастные, как и вы. Одни французы счастливые и богатые, у них все!

— А что, разве алжирцы не борются против них?

— Борются? Да, борются.

— Мы вот тоже боремся, но у нас нет пушек, поэтому мы терпим поражения, дорогой Абду.

Во время разговора я следил за выражением его лица. Он покачал головой:

— Нет, вы победите! У вас есть Вьет-мин, французы боятся его.

— А Абду не боится Вьет-мина?

— Я? Боюсь. Но один мой приятель попал в плен к ним, и его отпустили. Он рассказывал, что они вовсе не злодеи, даже наоборот... А ты видел когда-нибудь своими глазами вьетминцев?

— Конечно!

— И они такие же, как ты?

Я кивнул головой. Абду смотрел мимо меня, куда-то вдаль.

— Мне уже не суждено попасть к ним в плен, — проговорил он. — Скоро кончается срок службы, и я никогда не буду больше солдатом. И что за несчастная судьба у солдат: умирают, не повидав родных, не соблюдают священных пятниц...

— Да, счастья здесь мало!

Мы замолчали. Издалека доносились удары волн о берег. Абду запел. На этот раз я не мешал ему. Он пел до тех пор, пока две скупые слезы не скатились по его сухим щекам.

Все это я рассказал Тану. Он помрачнел:

— Солдат, ждущий демобилизации, обычно труслив, он боится провиниться и тем оттянуть возвращение на родину... И все же он единственная наша надежда.

Я не мог не согласиться с ним. Тан был намного опытнее меня.

Теперь в разговорах с Абду я уже смелее касался политических тем, сравнивая положение в Алжире с положением во Вьетнаме. Скоро эти беседы увлекли его. Он стал тайком приносить мне вьетнамские газеты, чтобы я читал ему новости. Газеты, разумеется, были реакционные, поэтому каждую новость я комментировал. Так шли дни, мучительные и однообразные. Я начал отчаиваться: повода для разговора начистоту не представлялось.

— Сигарету, начальник! — объяснил я знаками.

Он швырнул мне одну и снова задремал. Выяснив, что он не знает вьетнамского, я стал тихо разговаривать с Таном. Тан спросил строго:

— Ты на самом деле решил пойти на авантюру?

Я солгал:

— Нет!

Тогда он вдруг неожиданно быстро проговорил:

— Но сейчас нам остается только одно — пойти на нее.

Я удивленно поднял глаза на друга.

— Я прикончу этого растяпу-солдата, а ты поведешь катер.

— Но... я не умею управлять катером!

Тан досадливо сплюнул:

— Но ведь это единственный выход! Я почему-то подумал, что между машиной и катером — никакой разницы.

Мы замолчали и продолжали работу. Вдруг француз проснулся, сошел на берег и позвал Абду. Я расслышал, как он попросил его последить за катером, потому что ему нужно было куда-то уйти. Тан подмигнул мне:

— Путь только один, решай!

Глаза его блестели. В следующий миг я перехватил его странный взгляд, брошенный на молоток, лежащий возле спасательного круга. Я понял. И тут же ощутил что-то неладное в сердце: мне стало жаль Абду — он был такой славный малый. Но я знал, что мешать Тану нельзя. Только таким путем мы можем совершить побег. Свобода! Какой она была желанной! Сердце мое бешено колотилось. Тан уже был около спасательного круга, готовый каждую секунду ринуться на свою жертву. В ушах моих застучала кровь: «Бедняга Абду!»

Но вдруг произошло невероятное. Вскочив на катер, Абду быстро подошел ко мне и, жарко дыша мне в лицо, прошептал:

— Тебе повезло! Хочешь вернуться?

Не веря своим ушам, я изумленно смотрел на алжирца.

— Что?!

У меня в этот момент был, наверное, очень глупый вид.

— Уходи! Там Вьет-мин! Понимаешь, уходи!.. Плавать умеешь?

— Умею!

— Тогда живо!

В голове пронеслись какие-то мысли, смутное опасение: я слышал, что иногда враги провоцировали побег, стреляя вслед. Я кусал губы, нервно теребя тряпку. Абду догадался, он протянул мне автомат:

— Я в тебя не стреляю, ты в меня не стреляешь! Вот, на! Веришь?

Я оттолкнул автомат.

— Верю, Абду!

— Тогда прыгай же, черт побери!

— Но я хочу, чтобы Абду был с нами!

Он энергично замотал головой:

— У меня кончается срок, я должен вернуться к жене! — И, обернувшись к Тану, он добавил: — И ты тоже уходи!

— Прощай, Абду!

— Прощай, Шау!

Я крепко сжал его могучую руку. В глазах алжирца блеснули слезы:

— Спасибо тебе, Шау! Я все понял, что ты мне говорил. Ведь ты Вьет-мин?

Секунду я колебался, потом кивнул:

— Да!

. . . .

Когда мы уже достигли противоположного берега, раздалась длинная автоматная очередь, за ней — другая. Я догадался: Абду доложит по начальству, что при попытке к бегству пленные были убиты.

* * *

Я смотрю на фотографию из швейцарского журнала, и предо мной встает полыхающая родина моего дорогого Абду. Я слышу мертвящий свист бомб и вижу остановившиеся глаза алжирских ребятишек — точно такие, какие были некогда у детворы в наших деревнях. И мне захотелось сказать самые нежные слова моему другу Абду.

На моей родине в таких случаях обычно желают счастья, много детей и богатства. В годы Сопротивления мы несколько изменили этой традиции. Когда наступал праздник, мы говорили друг другу: «Новой победы!» И сегодня я хочу от всей души пожелать тебе, Абду, новой победы! Слышишь, Абду, новой победы!

Перевел с вьетнамского **В. КАРПОВ.**

История одной афиши

Е. ТАРАТУТА

На публикуемой фотографии писательница Э. Л. Войнич снята в своей комнате вместе с советским сотрудником ООН П. П. Борисовым. Он показывает писательнице театральную афишу, на которой крупными буквами по-русски написано: «Овод».

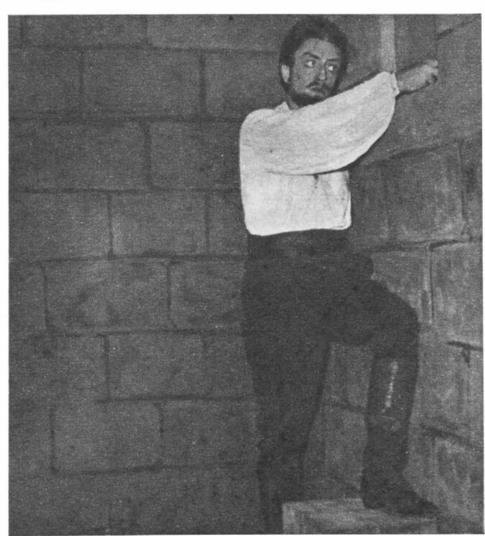
Это — афиша спектакля в Пермском театре оперы и балета. Спектакль прошел с большим успехом, и участники его в тот же вечер решили послать автору романа «Овод» письмо и афишу, на которой расписался каждый участник постановки.

Так афиша премьеры оперы «Овод», написанной советским композитором А. Спадавеккиа, очутилась в руках у автора романа.

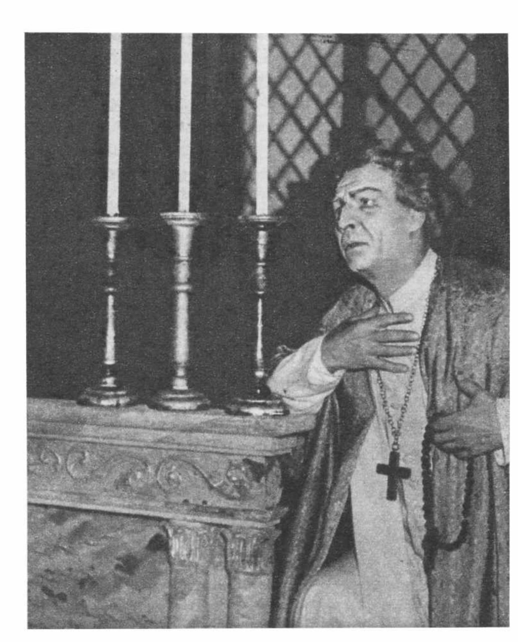
Герои «Овода» уже много лет живут не только в книге, но и на сцене. Яркие характеры, стремительное развитие действия, трагедийность событий, высокий накал страстей — все это не раз привлекало театральных деятелей. Уже через полгода после издания книги в Лондоне, 31 марта 1898 года, в театре «Виктория-холл» состоялась премьера спектакля «Овод». Первая инсценировка для театра была сделана с помощью Бернарда Шоу, друга Э. Л. Войнич.

Через некоторое время Войнич узнала, что по сюжету ее романа собираются ставить спектакль и в Нью-Йорке, где ее книга пользовалась шумным успехом. Летом 1899 года Э. Л. Войнич отправляется за океан, чтобы присутствовать на репетициях. Каково же было негодование писательницы, когда она узнала, что сделали из ее произведения! В газете «Нью-Йорк Таймс» 19 сентября 1899 года было напечатано письмо Войнич: «Я не могу потерпеть, чтоб мое имя связывалось с безграмотной мелодрамой!..».

Совсем по-иному сложилась театральная судьба «Овода» в России. В своих инсценировках русские авторы стремились сохранить бунтарский дух романа, его революционные идеи. Это очень хорошо поняла царская цензура, и первая же инсценировка «Овода», сделанная Л. Аврианом в 1906 году, была запрещена. Та же судьба ожидала и другие. Зато после свержения самодержавия в России стали ставить «Овода» повсюду. Инсценировки шли на сценах театров, в агитвагонах, в красноармейских частях, в клубах и избах-читальнях.

«Овод» А. Спадавеккиа в Пермском театре оперы и балета. Овод — Е. Лудер.

Кардинал Монтанелли — заслуженный артист РСФСР В. Попов.

Героика «Овода» привлекла внимание и музыкантов. В 1926 году композитор В. Трамбицкий написал оперу «Овод». Впервые она была поставлена в Свердловске в 1929 году.

И вот теперь новую оперу «Овод» поставил Пермский государственный театр оперы и балета. Авторы — композитор А. Спадавеккиа и либреттист И. Келлер — сохранили основные сюжетные линии романа, характеристики его героев.

Любопытно, что композитор Антонио Спадавеккиа — внук гарибальдийца Никколо Спадавеккиа, участвовавшего в борьбе за освобождение Италии и вынужденного бежать в Россию. А. Спадавеккиа родился в Одессе, но с детства песенные мелодии Италии так же, как и история героической борьбы за ее свободу, пленили его воображение.

Известно, что новую оперу готовят к постановке и другие театры нашей страны.

ГОЛУБОЙ МЕЧ

В. С. Мучник.

Бор. МИХАЙЛОВ

Приходилось ли вам наблюдать весенний паводок, когда выплеснувшаяся из берегов река не щадит дома и мосты, смывает посевы и уносит деревья? Или, может быть, вы работали на строительстве плотины и знаете, как трудно заковать в бетон и железо строптивую реку? А возможно, вам доводилось видеть низвергающийся в пропасть водопад?

Страшна сокрушающая сила воды в стремительном беге. Но она способна и к созиданию. Человек издавна возводит на реках мельницы и подъемники, драги и электростанции. Он заставил воду работать вместо машин и механизмов. А теперь вода добывает уголь.

Не так уж давно молодой инженер Владимир Семенович Мучник впервые в мировой практике начал отбивать в забое уголь сильной, тугой, как жгут, струей воды. Свои опыты он проводил в шахте «Комсомолец» на Урале, около Кизела.

Вскоре в Донбассе, в тресте «Орджоникидзеуголь», по проекту Владимира Мучника и под его руководством была построена первая гидрошахта. Осуществилась идея комплексной гидромеханизации шахтного производства, которую Мучник изложил в своей дипломной работе за пять лет до этого, при окончании Ленинградского горного института.

...Мы в Кузбассе, на гидрошахте «Полысаевская-Северная». Облачившись в шахтерскую робу, перекинув через плечо лямки электрической лампы и самоспасателя, мы спускались по деревянному трапу наклонного ствола.

За нами захлопнулась вентиляционная дверь, и мы вышли на главный штрек. Все в этой шахте непривычно. Не слышно ни шума комбайнов, ни лязга транспортеров. Казалось, мы пробирались узкими, темными переулочками вымершего города. Ни одной живой души, только мерно гудят трубы: это вода мчится под большим давлением туда же, куда направлялись и мы, — в дышащую свежестью темноту. А с другой стороны по широкому, как корыто, желобу навстречу нам катится с тонким звенящим шелестом ручей густой, тяжелой пульпы — смеси угля с водой.

Но вот где-то впереди сначала тихо, потом все явственнее послышался гул стремительно падающей воды. Наконец мы увидели в неверном свете шахтерской лампы сумрачную пещеру выработки, гидромонитор и стоящего возле него механика, всем своим видом напоминающего гарпунера. Такое сравнение напрашивалось тем более, что сам гидромонитор похож на гарпунную пушку.

Зажатая в железных трубах, вода здесь обретала свободу. С огромной силой вырывалась она из тонкого носика ствола и, словно голубой меч, обрушивалась на тускло поблескивавшую бархатисто-черную стену угля. Этот сверкающий меч, послушный сильной и властной руке гидромониторщика Владимира Зубрикова, непрестанно бил в пласт, как таран.

Водяная струя, летящая со скоростью сто метров в секунду, рубила уголь. Сквозь пелену водной пыли в лучах лампы мы видели, как вывороченные, оторванные куски угля рушились и, подхваченные бурлящим потоком, проносились по желобу мимо нас. Мониторщик слегка повернул штурвальное колесо, и водяной смерч набросился на следующий слой. Под его неистовым натиском казавшаяся неприступной глыба расползалась, обваливалась.

Вода делает все. Она несет уголь к насосам и поднимает его по трубам на поверхность. В гигантских железобетонных ящиках-отстойниках вода покидает уголь и снова отправляется в шахту, к гидромонитору. Между прочим, попутно она выполняет еще одно важное дело: подвергает уголь мокрому обогащению, так сказать, облагораживает его. Дальнейшая обработка угля происходит по пути на склад. Мощные центрифуги окончательно обезвоживают, как бы выжимают его и одновременно очищают.

— Видите, как все нехитро, — сказал мониторщик Владимир Зубриков, когда струя опала и сделалось тихо. — Мы к углю не прикасаемся. И чисто у нас, пыли нет, воздух свежий, точно около моря. Словом, выгоды все налицо, и пора бы открыть гидродобыче «зеленую улицу»...

О том же говорил нам и начальник шахты «Тырганские уклоны» Николай Ильич Яковлев.

— Я все кузбасские гидрошахты излазил, — рассказывал он. — Присматриваюсь, где что можно перенять, ищу решения вопросов, которых в нашем деле тьма тьмущая. В прошлом году с делегацией горняков ездил в Англию, знакомился с опытом гидравлического транспортирования угля. Они там тоже заинтересовались гидродобычей. Правда, пока не так развернулись, как, скажем, польские, чешские и китайские инженеры, которые решительно продвигают это новое дело...

— Ну, а у нас?

— Мы пионеры, первыми в мире построили гидрошахты, ведем научную работу. Вот я прикинул тут в тетрадке, прелюбопытнейшие цифры получаются. Большую экономию дает гидродобыча. И не только за счет строительства гидрокомплексов вместо обычных шахт. А еще прикиньте, сколько прибыли даст снижение стоимости угля. Ведь наш-то уголек, добытый водой, куда дешевле!

Мы посетили и научно-исследовательский институт гидродобычи в Сталинске; его по праву называют штабом гидродобычи.

Во всем ощущается молодость института. В лабораториях, отделах, конструкторских бюро, мастерских — куда ни заглянешь, видишь молодые лица.

Директора института, доктора технических наук Владимира Семеновича Мучника, мы застали в кабинете за редактированием книги, которая скоро выйдет в Москве. Сотни страниц вобрали в себя наблюдения и выводы, итоги многолетних поисков. Это плод коллективного труда сотрудников института, первая попытка полно обрисовать новое направление в развитии технологии горного дела и в строительстве шахт, начало которому положила,

УКРОЩЕН

Алексей ИОНОВ

Мотористка вакуум-насосов шахты имени XVII партсъезда Людмила Бредихина.

Фото Л. Азриеля.

как известно, тоненькая дипломная работа студента В. С. Мучника.

— Нас сильно поддержал Никита Сергеевич Хрущев, — говорит директор института. — Когда мы были у него, он дал много ценных советов. В частности, это его идея — организовать институт поближе к натуре, к шахтам, и предоставить ему самостоятельность — право самому, без вмешательства лишних инстанций, создавать опытные машины и испытывать их в производственных условиях.

Владимир Семенович рассказал о новых конструкциях, рождающихся в стенах института. На испытательных стендах уже держит «выпускной экзамен» водомет с гидравлическим управлением конструкции Н. Ф. Цепко. Струя воды, выбрасываемая из ствола, бьет с силой до ста атмосфер. Разрабатывается гидромонитор с программным управлением. В командный аппарат будет «заряжаться» магнитофонная или перфорированная лента с зашифрованными записями всего технологического процесса. В забой люди придут только для того, чтобы передвинуть монитор на новое место.

Мощные насосы, в том числе магистральные, способные гнать угольную пульпу прямо к потребителям, на многие километры... Трубы и шланги из пластмасс... Крохотные, изящные центрифуги для обезвоживания угля, заменяющие громадные и дорогие бетонные бассейны, где отстаивается вода... Портативные сверла, вентиляторы и светильники, которым дает энергию вода...

— Все это хорошо, — заметил Мучник, — но надо смотреть шире. Новые гидрошахты намечено построить в Донбассе, Караганде, в Челябинском бассейне, в Киргизии. Утверждены проекты целых комплексов гидрошахт, из которых уголь по трубам, проложенным на многие десятки километров, пойдет на Беловскую электростанцию и Западно-Сибирский металлургический комбинат. Это уже не далекие прогнозы, а сегодняшние планы. Сколько же потребуется новых машин и механизмов! Пора гидродобычу ставить на крепкий фундамент. Водяной механизации — широкую дорогу.

Сегодня — День шахтера

На стройке «Луганской № 1».

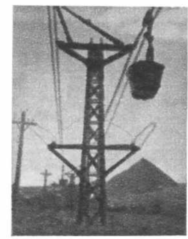
Вблизи Луганска сооружается шахта «Луганская № 1» проектной мощностью 5 000 тонн топлива в сутки. Став на трудовую вахту в честь Дня шахтера, строители наращивают темпы. Отличных успехов добилась проходческая бригада Героя Социалистического Труда Бориса Шароватова, которая за последние три месяца прошла 175 метров вертикального ствола. Это вдвое превышает установленную норму.

За успехи, достигнутые в социалистическом соревновании, коллективу строителей новой шахты присуждена первая премия и переходящее Красное знамя совнархоза и областного совета профсоюзов.

На снимке (справа налево): горный мастер китаец Хуан Ши-фан, звеньевой проходчиков Петр Гак, проходчики Леонид Романченко и Эдуард Винюков перед спуском в шахту. Хуан Ши-фан, студент Донецкого индустриального института, проходит на стройке производственную практику.

Фото Р. Азриеля. (Фотохроника ТАСС).

НЫЙ ГАЗ

В одном из морских портов несколько лет назад произошел загадочный случай: у причала среди ясного дня грянул оглушительный взрыв, и черная туча заволокла судно. К счастью, обошлось без жертв. На палубу прибежали люди. У трюмного люка стоял перепуганный, до неузнаваемости запорошенный угольной пылью электросварщик. Он рассказал, что ему понадобилось починить какую-то незначительную деталь, и вот, едва он включил аппарат и сверкнула первая искра, его оглушил взрыв.

Расследование показало, что в трюме взорвался газ. Судно, готовое с часу на час выйти в море, было нагружено антрацитом, а поднятый из шахты на поверхность уголь долгое время продолжает выделять метан. В каждой тонне угля содержится иной раз до 35 кубических метров газа, а в Бельгии газообильность некоторых пластов достигает даже 100 кубометров метана на тонну угля.

Метан... Сколько несчастий принес людям этот газ, не имеющий ни цвета, ни запаха! В Донбассе еще и теперь кое-кто из старых горняков помнит песню о том, как

На шахте «Крутая Мария»
Случилась большая беда...

Взрыв газа под землей был когда-то частым явлением. Метан, или, как называют его в народе, гремучий газ, всегда был самым коварным, самым опасным врагом шахтеров. Статистика несчастных случаев в каменноугольной промышленности рисует полную драматизма картину. Сотнями погибали горняки на шахтах Бельгии, Англии, Франции, Америки, где капиталисты не хотели заботиться о безопасности труда. В 1905 году в макеевской шахте «Иван» в результате взрыва метана погибли 63 рабочих, три года спустя на Рыковских копях в Юзовке случилась еще более ужасная катастрофа — взрыв газа и угольной пыли погубил 278 жизней, а еще через четыре года грозный взрыв потряс недра макеевской шахты «Италия», и снова в рабочем поселке тяжелая трагедия...

Естественно, что на месте катастроф, в Макеевке, ученые ополчились против метана с особенной яростью. В 1907 году здесь была основана первая в России горноспасательная станция с научной лабораторией, превращенной в советское время в солидный научно-исследовательский институт. Первый русский ученый-горноспасатель Н. Н. Черницын еще в 1914 году положил прочное начало правильному решению задачи борьбы с метаном.

Советские ученые, творчески используя труды Н. Н. Черницына, долго и упорно работали над тем, чтобы укротить этот коварный газ, обезопасить и защитить труд шахтера. Один из энтузиастов и пионеров борьбы с внезапными выбросами угля и газа в шахтах, доктор технических наук профессор И. М. Печук, отдал этому делу много лет. Упорные поиски увенчались победой. В результате бесчисленных опытов на шахтах и в лабораториях Макеевского научно-исследовательского института И. М. Печуку и его ближайшим помощникам Е. Д. Алидзаеву, А. М. Мореву и другим удалось разработать и применить на практике систему дегазации угольных пластов и их спутников, то есть других, менее мощных пластов, залегающих выше или ниже основного, разрабатываемого пласта угля.

Научные выводы профессора И. М. Печука быстро нашли признание в Донецком, Карагандинском, Кузнецком и других угольных бассейнах нашей страны, в Китае, Чехословакии, Румынии, Польше, а также в Англии, где журнал «Колльери энджиниринг», назвав советского ученого «замечательным работником в этой области», опубликовал подробное изложение одной из его научных работ по дегазации.

Идея дегазации вышла за рамки эксперимента и приобрела право на жизнь. В настоящее время на донецких шахтах действуют 28 дегазационных установок.

Откуда же взялся метан и каким образом его обуздали?

В земных глубинах метан появился тогда же, когда происходило образование и каменного угля. Этот газ и теперь встречается всюду, где происходит брожение клетчатки без доступа воздуха, например в болотах; отсюда одно из его названий — болотный газ.

Многие миллионы лет метан, заключенный в пластах угля, был как бы связан. Но вот человек дерзко врубился в недра, растревожил подземное царство, и гремучий газ стал проявлять свой крутой нрав.

Бывает так. Когда шахтеры выбирают из лавы уголь, между так называемой кровлей и почвой появляется большое пустое пространство. Тогда горные толщи над головой приходят в неукротимое движение, со звуком отдаленных выстрелов лопаются каменные своды, трещат и рушатся деревянные крепи, в кровле и почве что-то ворчит и сопит, словно какое-то исполинское чудовище задыхается в припадке астмы. В эти минуты гремучий газ, лишенный своих вековечных оков, то с неимоверной силой выдавит из пласта и внезапно бросит на людей массу угля, то с зловещим шумом и свистом прорвется по трещинам в лаву, и тогда человеку несдобровать.

В былые времена на борьбу с гремучим газом, как на трагический поединок, выходил рабочий-газожег с клочком пылающей пакли в руках. Метан вспыхивал, оставляя на крепежных стойках огненный свет, а случалось, калечил или убивал смельчака.

Однако в наши дни управление кровлей становится областью точной науки. Инженеры заранее знают, когда в тех или иных геологических условиях надо производить посадку лавы или обрушение кровли. Метан из пластов-спутников в этот момент особенно опасен. Поэтому задолго до осадки кровли рабочие при помощи бурового станка бурят с откаточного штрека (горная выработка, по которой откатывают вагоны с углем) в нужном направлении глубокую скважину, вставляют в нее трубу. Затем скважину подсоединяют к проложенному до поверхности газопроводу. Давление метана в скважине порою настолько высоко, что он непроизвольно устремляется по трубам. Чтобы он все-таки не просочился к местам работ в таком количестве, что людям станет трудно дышать и возникнет опасность взрыва, на поверхности шахты в специальном здании устанавливают вакуум-насосы, которые отсасывают газ непрерывно и с большой интенсивностью — десятки тысяч кубометров в сутки. Под землей благодаря этому поддерживаются нормальные, безопасные условия труда, а на земле укрощенный метан горит в топках котлов, обогревает жилые дома, варит пищу, движет автомобили.

Начав борьбу с метаном ради безопасности подземного труда, ученые и практики угольной промышленности увидели, что дегазация шахт приносит огромные экономические выгоды. В горных выработках скапливаются миллионы кубометров метана — прекрасного горючего.

А как сокращаются расходы на прохождение и поддержание вентиляционных выработок, на электроэнергию для вентиляторов! Подсчитано, что только по двум шахтам треста «Чистяковантрацит» дегазация приносит ежегодно более 11 миллионов рублей экономии, а по шахтам «Шахтерскантрацита» еще больше — около 16 миллионов.

Так грозный метан, не без оснований считавшийся самым опасным врагом шахтера, благодаря открытиям ученых начинает верно служить в быту и труде, превращается в помощника и друга.

6. ПУРПУРНАЯ СТРАНА

А. СОФРОНОВ

Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Зима

Когда самолет приземлился в столице Уругвая Монтевидео, наши ладони были еще горячими от рукопожатий друзей из Буэнос-Айреса. Это был самый короткий перелет за все долгое путешествие по Южной Америке. Около сорока минут понадобилось для того, чтобы перелететь сумрачную в это время года Ла-Плату и на закате солнца приземлиться на земле, которую из-за красноватого оттенка ее трав называют Пурпурной страной.

К Уругваю у нас еще до того, как мы в нем побывали, было особое чувство. Именно Уругвай гостеприимно с самого начала выдал нам визы на въезд в страну.

— Вы прилетели в неудачный день,— сказали нам встречающие.— Сегодня всеобщая однодневная забастовка. Все рестораны закрыты...

— Мы сыты еще аргентинскими ассада и ломо.

Дул холодный ветер. Быстро смеркалось. Уругвайцы поднимали воротники плащей. Вдоль берега Ла-Платы мы неслись на автомашинах в Монтевидео. В «Парк-отеле», расположенном на берегу этой полуреки-полуморя, было тепло. Батареи парового отопления дышали жаром.

— Сегодня первый день зимы,— сказал Луис Алемани, уругвайский журналист, с которым мы познакомились еще в Буэнос-Айресе.

Мы сидели в небольшом номерке отеля, раздумывая о том, как лучше построить план нашего сравнительно короткого — всего шесть дней — пребывания в Уругвае.

— А снег у вас бывает?

— Снега не бывает,— сказал Алемани,— но все-таки это зима. Может быть, хотите пойти в кино? У нас где-то идет американская картина о России... Собственно, не о России, а об одном известном в России человеке...

— О ком?

Алемани долго вспоминал:

— Ну, такой был развратный человек, его любили русские царицы и княгини.

— О Распутине?

— Да,— обрадовался Алемани,— о нем!

— Нет, это слишком большая честь для Распутина.

— А вот еще американская картина о русской княгине Анастасии,— сказал Алемани, просматривая газету.

— Что это Голливуд потянуло на русских княгинь и цариц? Оставим их в покое. Нас интересуют Уругвай и уругвайцы.

Мы обратились к газете, к событиям столичной жизни. Радости и огорчения были в газетной хронике.

«По причине недавней болезни сеньора Эмма Отера Мендоса не принимает».

— Что ж делать, значит, мы ее не увидим.

«Семья супругов Пасадо Торрес очень обрадована появлением красивой девочки, которую они назвали Алисия-Офелия».

— Не слишком ли много для одной девочки — два таких красивых имени?

«Супруга капитана Карлоса Бертола Ривера Мария Инес де Бертола направлена в больницу «Оспиталь милитар» и очень заботливо обслуживается».

— Несмотря на заботливое обслуживание, мы все же не хотели бы попасть даже в эту больницу.

«По причине будущей свадьбы с Хуаном Мартин Араса сеньорита Сусанна Ла Петра очень взволнована и принимает гостей с визитами».

— Об этом стоит подумать! Видеть счастливых людей всегда приятно.

— Много ли счастливых людей в Уругвае? — спросил Аджубей.

— Я убежден, что много! — горячо сказал Леонид Камынин, оптимист по складу своего молодого характера.

— Все-таки этот вопрос сразу не решить.

Надев плащи, мы вышли на улицу. Ни одной звездочки не было на темном небе. Моросил мелкий дождик. С Ла-Платы тянуло прохладой. Ярко сверкали окна одного из зданий, прилегающих к гостинице. Это было казино. У больших столов столпились люди. Шла азартная игра. В казино участников однодневной забастовки не было.

Пампа

На другой день мы были приняты генеральным директором Министерства иностранных дел Уругвая сеньором Геллиотом. Он сказал:

— Мы приветствуем приезд советских журналистов в нашу страну и считаем, что такие поездки укрепляют дружбу народов. Я уполномочен заявить, что для советских журналистов у нас все

См. «Огонек» №№ 31–35.

открыто. Господин Пьедемонте постарается, чтобы вы могли увидеть все, что хотите.

Работник уругвайского МИДа, литератор-историк Пьедемонте предложил:

— Можно поехать в гости к помещику Археншейдту. У него поместье средней руки. Расположено в пампе, я думаю, вам будет интересно.

Ранним утром к «Парк-отелю» подкатило несколько машин. Сеньор Пьедемонте предстал пред нами уже совершенно в ином обличье. Взамен обычного европейского костюма, в которых ходят жители городов Латинской Америки, на нем были галифе с коричневыми шнурованными крагами, широкая черная шляпа и белый, подчеркнуто небрежно повязанный шарф. В руках Пьедемонте держал короткую плетку с медной рукояткой, такую самую, которой пользуются гаучо.

— Вы что, собираетесь отправляться в пампу верхом? — спросили мы Пьедемонте, с которым у нас с первых слов установились дружеские отношения.

— Вначале мы отправимся на машинах, а дальше будет видно,— ответил загадочно Пьедемонте.

— А для чего вы взяли кнут?

— Во всяком случае, не для гостей.

Мы долго ехали городскими улицами. Большие здания вскоре сменились окраинными, маленькими, с облетающими деревьями, тихими и нахмуренными. День выдался хотя и прохладный, с ветром, но солнечный. В небе гонялись друг за другом небольшие белесые облачка. На одном из перекрестков встретился черный длинный автомобиль — катафалк.

— Хорошо или плохо это? — спросил я Пьедемонте.

— Я думаю, хорошо: он пустой.

Через два квартала мы снова встретили пустой катафалк.

— Когда на пути встречается слишком много пустых катафалков, это уже нехорошо, — сказал Пьедемонте.

— Почему?

— Природа не терпит пустоты.

Монтевидео остался позади. Мы понеслись по узкой асфальтовой дороге, с двух сторон которой расположились сады, огороды и маленькие домики. На одном из переездов шофер резко затормозил. Откуда-то сбоку, из-за деревьев, вынырнул велосипедист и едва проскочил перед радиатором машины.

— За прошлый месяц в результате происшествий убит пятьдесят один велосипедист. Так говорит статистика,— сказал Пьедемонте.

— Скажите, кнут вы взяли не для велосипедистов?

— Не забегайте вперед... Для кнута найдется работа.

Некоторое время мы ехали молча, рассматривая окрестные пейзажи.

— А эти земли принадлежат тоже помещикам или крестьянам? — спросил я своего спутника.

— Я надеюсь, что вы будете писать об Уругвае не с ортодоксальных позиций,— вместо ответа на мой вопрос сказал Пьедемонте.

— А что вы считаете ортодоксальной точкой зрения?

— Ну, ваш взгляд на несоциалистические страны... Впрочем, я, кажется, говорю об этом напрасно. Вы можете воспринять это как давление на представителей прессы.

— А у вас в стране такого давления нет?

— Вы, кажется, спрашивали о том, кому принадлежат эти земли? Они принадлежат мелким хозяевам, владеющим в среднем от трех до десяти гектаров земли... Это фруктовый и овощной склад Монтевидео. Нашу страну называют уродливым ребенком с маленьким телом и огромной головой. Из двух с половиной миллионов жителей миллион живет в Монтевидео, а остальные в небольших городах и в пампе. Вы можете себе представить, в Монтевидео миллион жителей, а во втором городе страны, Пайсанду, тысяч пятьдесят, не больше! Крупные землевладельцы живут в центральной части Уругвая и особенно на севере, вблизи бразильской границы. Там есть огромные поместья, до двадцати тысяч гектаров...

— Кому они принадлежат?

Пьедемонте посмотрел на меня с недоумением:

— Ну, как кому? Отдельным землевладельцам.

— Если я напишу, что они принадлежат отдельным землевладельцам,— это не будет ортодоксальной точкой зрения?

— О, конечно, нет.

Вскоре мы свернули с шоссе и заколесили по проселочным дорогам. Потянулись рыжие, действительно с каким-то пурпурным отливом степи.

— А когда же начнется пампа? — спросил я.

— А как вы думаете?

— Я думаю, начнутся какие-либо очень красивые пейзажи, это и будет пампа.

— А разве вам эти пейзажи не нравятся?

— Нет, почему же... Красиво, но обычно...

Вдоль узкой, не очень укатанной проселочной дороги лежала степь. Кое-где виднелись домики, похожие на хатки. Синели небольшие зеркала прудов. Стада низкорослых бычков и коров паслись в огороженных колючей проволокой загонах.

— Это и есть пампа,— сказал Пьедемонте.— Обычная уругвайская пампа, сравнительно населенная. На севере вы можете ехать десятки километров и, кроме коров и одиноких гаучо, никого не встретите...

Мы вышли из машины около широкого ветвистого дерева омбу, на котором головами вниз висели недавно прирезанные бараны. Люди в простых одеждах неторопливо сдирали с них шкуру. Здесь же, под углом градусов в шестьдесят, стояла железная решетка, на которой была распластана освежеванная овечья тушка. Под решеткой горел огонь. Серебристые капли жира падали в золу. Возле большой решетки стояла маленькая, на ней жарились завитые кольцами колбасы.

— Мои друзья, супруги Археншейдт,— сказал Пьедемонте, знакомя нас с человеком в кожаной тужурке и худенькой стройной женщиной в черном свитере.— Поместье их носит поэтическое название Хиралуна. Так называлась поэма одного венесуэльского поэта, описавшего апельсиновую рощу, в которой росли неизвестные людям цветы, по ночам смотрящие на луну... В общем, название поместья — что-то вроде невесты подсолнуха.

— Мы здесь только обживаемся,— сказал хозяин поместья,— купили этот участок в пятьсот гектаров всего два года назад... У меня примерно тысяча шестьсот бычков, четыреста коров... А вот сколько овец, я, пожалуй, и не назову...

— Сколько у вас рабочих?

— Шесть человек... Дело в том, что скот на круглогодовом выпасе.

— Что преимущественно вы продаете?

— Что ж я могу продавать? Мясо и шерсть.

— Сколько в год настригаете шерсти с овцы?

— Примерно четыре килограмма... Но качество шерсти среднее. Я собираюсь заняться улучшением породы.

— Что дает сейчас бо́льшую прибыль: мясо или шерсть?

— Шерсть... С мясом сейчас у нас хуже...

Обед затягивался. Мясо, жарившееся на медленном огне, все еще не было готово. В степи было ветрено, на большой высоте плыли облачка, пятнающие бурую траву синеватыми тенями. Виктория Археншейдт показывала нам овчарню и большие деревянные лотки, где после стрижки моют овец.

— Нравится ли вам жить здесь, в степи? — спросил я хозяйку поместья.

— Очень... Я не люблю город, шумные улицы...

— Вы счастливы здесь?

— О да, вполне... Я очень хотела жить именно так.

После обильного угощения под сенью омбу хозяева поместья решили показать нам работу гаучо. Один из рабочих в полосатой красной рубашке вскочил на коня. Засвистело лассо, и рыжий бычок упал на передние ноги. Один из батраков прыгнул на скачущего галопом бычка и тотчас же свалился на землю. Гиканье, свист лассо стояли над загоном. Время шло к вечеру. Солнце покатилось к горизонту, бурая трава порозовела. Гаучо в красной ковбойке соскочил с коня. К нему подошел Пьедемонте, взял уздечку в руки и неторопливо сел в седло. Короткий кнут был у него в руке. Он картинно посидел несколько минут в седле, помахал кнутом, затем спрыгнул на землю.

— Как видите, я не напрасно брал с собой кнут.

Солнце было уже совсем над горизонтом. Пора было прощаться. Я подошел к трем батракам, стоявшим чуть в стороне. Во время обеда мы перекинулись с ними несколькими дружескими словами. Прощаясь, я спросил одного из них:

— Как вам живется?

— Ничего.

— Вы счастливы?

На меня смотрели честные, прямые глаза.

— Мы не понимаем вашего вопроса.

— Вам здесь нравится жить?

— Мы здесь работаем,— услышал я ответ и почувствовал крепкое рукопожатие.

Несколько позже в одной из книг, изданных в Уругвае, я прочел: «По данным переписи 1951 года, на 4,6 процента земельных владений приходится свыше 56 процентов всей земли, используемой в земледелии и животноводстве. По данным переписи 1956 года, из 90 тысяч сельскохозяйственных производителей, занятых в земледелии и животноводстве, только 38 тысяч, или 42 процента, имеют скот. Из этих 38 тысяч только 9 тысяч имеют более чем по 600 голов скота; на их долю приходится 80 процентов урожая и 70 процентов земли. На долю 29 тысяч тружеников, имеющих меньше чем по 600 голов скота, приходится только 20 процентов урожая. Монополия на землю из-за постоянного роста арендной платы приводит к ухудшению положения мелких и средних крестьян и животноводов. В большинстве департаментов страны арендная плата за землю с 1937 по 1956 год повысилась в 3—6 раз. Концентрация земельной собственности продолжается».

Сеньор Пьедемонте.

Таким образом, для того, чтобы сделать «ортодоксальные» выводы, не требовалось большого труда. Достаточно было внимательно проанализировать эти цифры, чтобы представить жизнь в уругвайской пампе.

Мясо

После посещения пампы естественным было побывать на одной из мясохладобоен, называемых здесь «фригорификос».

Но друзья сказали:

— Увидеть вы можете только наш «Фригорифико Насиональ».

— Мы готовы отправиться на любой.

— Выхода нет. Оба американских фригорификос, «Свифт» и «Артигас», стоят.

— Забастовка?

— Да.

— Давно бастуют рабочие?

— Рабочие не бастуют. Бастуют американские компании. Они законсервировали комбинаты и выбросили на улицу тысячи рабочих.

— Но почему?

— Говорят, что терпят убытки... Сократился экспорт мяса.

— В это можно поверить?

— Экспорт действительно сократился, но прибыли эти компании получали немалые... У них, вероятно, какие-то особые планы по отношению к нашей стране. Недовольны движением, направленным против колонизаторской политики США в отношении Уругвая. Вы читали статью сенатора доктора Анхеля Кусано, напечатанную в апрельском номере журнала «Панорама»?

— Нет.

— Обязательно прочтите.

Мы разыскали журнал и прочли статью сенатора. Вот что писал в ней почтенный доктор:

«Недостойная политика, проводимая столь же ловко, как и бессовестно, развращенными и жадными до прибылей людьми, отдала нас, связанных по рукам и ногам, сначала в руки англичан, а затем в руки их бесцеремонных преемников — янки. Ни одно правительство не смогло избежать этих столь же хитроумных, сколь и всеохватывающих сетей. Для нас остается утешением, причем печальным утешением, тот факт, что не мы одни находимся в таком драматическом положении. Наша трагедия — общая для подавляющего большинства латиноамериканских стран, чтобы не сказать — для них всех.

Народы нашей молодой, богатой и многообещающей Латинской Америки находятся в плену у иностранных инвесторов и бессовестных торгашей; они оказывают, насколько могут, сопротивление или же отдают себя целиком и полностью в их распоряжение, угрожают или просят милостыню, но так или иначе не находят пути к счастливой судьбе, ибо им не дают возможности искать этот путь. Во имя обманчивой демократии, демократии на словах, нас загнали в корраль (загон для скота). Олово в Боливии, нефть в Венесуэле, Перу и Мексике, фрукты в Центральной Америке, кофе в Бразилии и Колумбии, сахар на Кубе и в Доминиканской Республике, мясо и шерсть в Аргентине и Уругвае... Стоит ли продолжать этот перечень?

Они мешают нормальному развитию нашей экономики своими роскошными автомобилями, своими холодильниками и радиоприемниками. Они вмешиваются в наши финансовые дела, навязывая по своим займам вымогательские условия, позволяющие им вмешиваться и в нашу внутреннюю жизнь и заставлять нас покупать излишки их устаревшего вооружения. Танки, пушки, военные корабли — все это по дешевке! Они нагло вмешиваются в нашу политическую жизнь, вплоть до того, что назначают подчас на различные посты подлинных приказчиков своих компаний, осуществляющих у нас капиталовложения. Они несут прямую или косвенную ответственность за существование всех этих сомоса, трухильо, кастильо армасов, пересов хименесов, батиста и всех диктаторов и тиранов, существовавших и существующих на нашем континенте...

Похоже на то, что их лозунг сводится к тому, чтобы выжать из нас все соки до последней капли и выбросить нас потом, как выжатый лимон. Недавний пример как нельзя более поучителен для Уругвая. Достаточно было в производстве шерсти, этой жизненно важной для страны отрасли экономики, проявить намерение экспортировать полуфабрикаты, являющиеся плодом труда наших рабочих, как Соединенные Штаты разгневались на нас и стали немедленно создавать налоговый барьер. Они действуют, как прежние рабовладельцы, бичующие спины рабов при малейшей попытке к мятежу. «Слаборазвитые» страны — название, которое подло и презрительно пристегнули нам, не спросив на то нашего разрешения,— никогда не должны поднимать головы перед промышленными империями. Наш удел — жить и умереть, не получив развития. Рабами мы родимся, рабами должны жить и продолжать существовать, чтобы нам из поколения в поколение наследовали в этом качестве наши дети и внуки. Так думают любезные и непреклонные друзья и покровители из «великой демократии севера», и именно это они нам навязывают.

Неважно, что наши народы живут в условиях бедности и совершенно недостаточного потребления; неважно, что жизненный уровень в Латинской Америке, по статистическим данным ООН и МОТ, на 10, 15, а иногда и 20 лет отстает от североамериканского; неважно, что ухудшается здоровье, что не хватает питания, отсутствуют гигиена и образование. Наша обязанность — быть подчиненным должником, отдавать природные богатства этим гигантским вампирам, поглощающим все ценное, что имеется в наших недрах, и оставляющим нам лишь пепел, жалкие остатки, грязь...»

Эта статья и некоторые другие материалы пролили свет на многие события, которые происходят в Уругвае. На первомайской демонстрации рабочие несли лозунги, требующие экспроприации мясохладобоен «Свифт» и «Артигас». Под давлением прогрессивных сил страны парламент Уругвая вынужден был принять решение о компенсации рабочих и служащих, выброшенных за ворота американскими компаниями. Но компенсация оказалась за счет... государственных средств Уругвая. Ненависть к гигантским «вампирам» из США растет все больше. Поэтому нам была понятной гордость за свой собственный национальный фригорифико, который нам довелось посетить.

— Вениамин Александрович Левченков, — представился порусски человек в белом халате.— Один из администраторов компании.

— Это — частное предприятие?

— Как вам сказать... Вы экономисты?

— Немного в экономике разбираемся.

— В общем, компания эта полугосударственная и получастная... А подробности очень долго объяснять.

Мы не стали допытываться и разбираться в сложной механике взаимоотношений частных и государственных капиталовложений, тем более, что Левченков, видимо, и не очень стремился к этому.

— Идемте на комбинат,— сказал он, когда мы надели белые широкие халаты.

Процесс превращения бычков в отбивную котлету не очень интересен для описания. Стадо по узкому деревянному коридору-желобу, толкая друг друга, идет туда, где стоят дюжие мужики и кувалдами тюкают бычков по голове. Оглушенные, они летят на мокрый пол и, в ту же минуту подхваченные крюком за заднюю ногу, поднимаются вверх. К ним подходит рабочий, деловито всовывает нож, из туши извергается поток черной крови — и с бычком покончено. Так же деловито с него сдирают кожу, свежуют, распиливают циркульной пилой тушу и отправляют в холодильник. Сладковато-приторный запах крови, в которой чуть не по колено ходят рабочие в высоких сапогах, вызывает легкую дурноту и желание скорей покинуть этот цех. И только в консервном цехе, где, словно за мирной домашней беседой, сидят в белых халатах женщины и в воздухе пахнет бульоном, вы немного отходите от оцепенения, в которое попадаете, видя массовый забой скота.

Мы вошли в контору фригорифико и сдали забрызганные кровью халаты.

Левченков спросил:

— Понравился комбинат?

— Понравился. Труд хорошо организован.

— На «Свифте» организация была лучше.

— Почему «была»?

— «Свифт» сейчас не работает.— Левченков указал на серый массив зданий «Свифта», возвышающихся над заливом.

— Почему же не работает «Свифт»?

— О, это сложный вопрос! — сказал Левченков.— Идемте лучше, мы вас угостим изделиями нашего комбината.

Шерсть

На текстильном комбинате «Садил» нас встретил пожилой, но очень живой человек.

— Марио Морлан,— представился он,— компрадор компании.

— Что такое компрадор?

— Ну, в общем, я покупаю сырье...— сказал Морлан.

— Вы акционер?

— Нет.

— А как же вы покупаете?

— Ну, принимаю и отбираю.

— Это соответствует слову «компрадор»?

— Возможно... Я давно состою в этой системе... Двадцать пять лет назад я еще работал в Южамторге, который был связан торговыми отношениями с Россией.

Морлан провел нас в почти пустой огромный склад. Только в одном углу лежала небольшая горка тюков с необработанной шерстью.

— Почему так мало сырья? Нам говорили, за последние годы вывоз шерсти из Уругвая увеличился.

— Это правда,— ответил Морлан.— Но дело в том, что фабрика более трех месяцев не работала.

— Почему?

Морлану не очень, видимо, хотелось отвечать. Он оглядел нас из-под очков и сказал:

— В обычное время здесь шерсти много, но сейчас ненормальное время, и шерсти мало.— Морлан тронулся дальше, но мы остановили его.

— Все же тут какое-то противоречие — экспорт вырос, а шерсти меньше?

Морлан посмотрел на часы и, видимо, решив, что так будет быстрее, ответил:

— Дело в том, что помещики держали шерсть у себя.

— Почему?

— Ну, они хотели получить побольше.— И Морлан посмотрел на нас так, словно спрашивал: «Что вы задаете мне такие азбучные вопросы?»

— А что делали рабочие в то время, когда фабрика не работала?

— Разводили огороды! — Это уже было сказано Морланом с легким раздражением.— У вас мало времени. Идемте, посмотрим комбинат.

Мы переходили из цеха в цех, наблюдая, как из грубой, слежавшейся, пахнущей овчиной, постепенно отмываясь и укрепляясь, разматываясь и снова наматываясь, шерсть превращалась в отличный материал.

Морлан добросовестно давал нам пояснения. В одном месте он сказал:

— Вот машины из Германской Демократической Республики, из Карлмарксштадта.

Он показал нам и образцы выпускаемой шерсти.

— У нас очень молодая текстильная промышленность. Ей всего пятнадцать лет. Но мы уже успешно конкурируем с английской шерстью. Я имею в виду качество шерсти. Мы имеем пятьдесят пять расцветок. А что касается рынков, тут дело сложнее... Некоторые страны ставят нам такие барьеры, которые трудно преодолеть. Поэтому при проектной мощности в четыре тысячи на фабрике работает всего две тысячи двести человек... Напишите, что у нас хорошая шерсть,— сказал он, прощаясь.

— Советский Союз заключил договор на покупку уругвайской шерсти.

— Да, это очень хорошо... Но вы все-таки напишите.

Мы вышли к воротам фабрики. У входа стоял бюст человека с энергичным, волевым лицом. Это был Хосе Артигас — один из самых почитаемых героев Уругвая, смелый борец за независимость страны. При посещении парламента мы видели огромные панно, на которых Артигас был изображен на белом коне с мечом в руках. В исторической битве при Камнях он возглавлял войска, разгромившие врагов Уругвая. Здесь, у входа текстильной фабрики, Хосе Артигас словно напоминал, что битва за независимость продолжается.

Город

Бывает так: приедут люди в какую-либо столицу, остановятся в хорошей гостинице и завертятся в колесе встреч, бесед, выступле-

Центр столицы Уругвая — Монтевидео.

УРУГВАЙ

Фото А. СОФРОНОВА.

Начало осени.

Панорама Монтевидео.

Уличный продавец щенят.

Перед заходом солнца.

В уругвайской пампе.

←
Скульптурные группы, посвященные первым поселенцам Уругвая (Монтевидео).

Готовят ассада — национальное блюдо из барашка.

ний и приемов. Из машины — в машину, из отеля — в отель. А там вдруг и настал день отлета. Все собирались посмотреть столицу, ее достопримечательности, а не успели. А когда по приезде домой друзья соберутся за столом и жадно спросят:

— Ну, как столица?

— Да ничего себе, красивая, в общем...— услышат ответ.

Помня об этом, мы сказали нашему другу Пьедемонте:

— Хотим видеть город, смотреть памятники, парки, бульвары, набережные, дома, базары, рабочие поселки, магазины, исторические места!..

— Сколько у вас есть на это времени?

— Один полный день.

— Один?! Но для этого нужна по меньшей мере неделя...

— Мы уплотним наш день предельно...

— Но у нас миллион жителей.

— Что ж, не успеем со всеми познакомиться.

И все же Пьедемонте был доволен: он видел неподдельный интерес к его родине.

Утром он появился в обычной европейской одежде.

— А кнут? — спросили мы его.

— Сегодня мы будем ездить только на машине.

Каждый город имеет какой-то свой облик и, я бы сказал, характер. Имеет такой «характер» и Монтевидео. Говорят, что в летние месяцы город бывает очень шумным и веселым. Десятки тысяч туристов заполняют тянущиеся на двадцать километров пляжи. Что это так, мы могли убедиться по цветным фотографиям, на которых были показаны усеянные людьми пляжи, расположенные прямо перед городскими, современной архитектуры, многоэтажными зданиями. Сейчас пляжи были пустынны. Садовники неторопливо охорашивали клумбы с огненными цветами.

Мы бродили по улицам и площадям, наблюдая городскую жизнь.

Вот сидит на скамейке немолодая пара. Она в меховом легком пальто, он в сером костюме и коричневом кашне. Идет у них какой-то трудный разговор, вполне соответствующий времени года. Вот человек в потрепанном пальто с рук продает щенят; они высовывают розовые язычки и щурят от яркого солнца глаза. К нам подошел человек и сунул в руки рекламное извещение о том, что в таком-то магазине можно купить часы дешевле, чем в других.

— Но если дешевле, они хуже?

— Нет, они лучше.

— Почему же они дешевле?

— Потому что мне нужно скорее их продать.

— Вы сами их продаете?

— Сам.

— И сами распространяете рекламу?

— Сам. Прошу вас, зайдите в магазин.

Монтевидео славится парками и бульварами. По официальным данным, из 6 700 гектаров, занимаемых столицей и ее пригородами, 1 600 гектаров покрыты зелеными насаждениями. Пожалуй, ни в одной из виденных нами столиц нет таких замечательных скульптурных групп, как в Монтевидео. Одна из них изображает запряженную быками повозку первых переселенцев. Она поставлена на холме возле стадиона и сделана настолько натурально, что когда смотришь в небольшой прудок, расположенный у холма, то колеблемое ветром отражение создает иллюзию движущейся по холму повозки.

Другая скульптурная группа, находящаяся в парке Прадо, представляет дилижанс, погрузившийся по ступицы в грязь. Впереди дилижанса всадник, показывающий дорогу. Автором этих скульптурных групп является известный уругвайский скульптор Беллони.

— За свою работу он получил миллион песо,— сказал Пьедемонте.

— Это много?

— Колоссально!

В одном из парков мы увидели скульптурную группу, изображающую трех индейцев.

— А есть ли сейчас индейцы в Уругвае?

— Насколько мне известно, нет.

— А где же они?

— Одних истребили завоеватели, других оттеснили на север континента.

Работа скульптора привлекала какой-то особой правдивостью. Затерянная в одном из окраинных парков, она как бы напоминала о суровых днях истории Уругвая, о времени, когда лилась кровь индейцев. Не потому ли до сих пор травы в пампе имеют красноватый оттенок?

Под вечер с архитектором муниципалитета Франсиско Сере мы отправились в район рабочих поселков Серра.

— У нас очень много нерешенных вопросов,— говорил молодой архитектор, пока мы поднимались в гору, где был расположен поселок.— Тысячи семейств живут пока в невозможных для жилья условиях. По самым скромным подсчетам, у нас имеется семьсот семейств совсем бездомных.

— Совсем?

— Не имеющих жилья.

— А как же они живут?

— Так и живут... У нас предполагают строить... Но очень трудно с городским бюджетом... Пока мы построили один дом на четыре семьи... Но собираемся продолжить...

Мы ехали по улицам поселка Серра. Маленькие домики, кое-где еще приличные, но больше развалюхи. Босоногие ребятишки, играющие в футбол. Белье на веревках. Неожиданно взгляд остановился на табличке с названием улицы. «Россия»,— прочли мы.

— Да, «Россия»,— сказал архитектор.— Этот район славится тем, что живущие здесь рабочие — большие интернационалисты. Вот улицы «Япония», «Филиппины»...

Машина взобралась на холм, на вершине которого виднелись каменные строения и чугунные пушки.

— Это испанские пушки,— сказал Франсиско Сере. — Когда-то они стреляли по Монтевидео, но были захвачены и теперь навеки замолчали.

Перед нами лежала широкая панорама Монтевидео. Летний ветер шевелил бурую траву на склонах гор. Было тихо. И вдруг тишина нарушилась звонкими голосами. С горы, от крепостных строений, к автобусам бежали школьники. В белых халатиках, шумные и веселые, прыгая по острым камням, они мчались вниз. Несколько ребят, увидев у нас в руках фотоаппараты, остановились и шумно потребовали:

— Сфотографируйте!

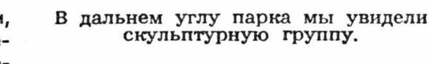
Молодая учительница закричала на них. Ребятишки замахали руками и снова помчались вниз...

...Вечером, приводя в порядок дневные записи, мы вдруг вспомнили наш спор о том, много ли в Уругвае счастливых людей.

— Мы скоро уезжаем и, пожалуй, можем подвести некоторые итоги,— сказал Леонид Камынин.

— А не рановато? — спросил Аджубей.— У нас еще впереди немало встреч. Давайте обождем.

И мы решили обождать.

В дальнем углу парка мы увидели скульптурную группу.

Школьники на горе Серра.

Земля слушает

И. РАДУНСКАЯ

Шумящие пятна

Однажды во время второй мировой войны радиолокационные установки, охранявшие восточное побережье Англии, приняли странные сигналы. Они появлялись в течение нескольких дней на утренней заре и так «забивали» экраны радиолокаторов, что препятствовали обнаружению фашистских самолетов. Операторы решили: противник применяет новый вид помех. Однако сопоставление наблюдений всех радиолокационных станций английского побережья Северного моря показало, что сигналы исходят не с вражеской территории. Источник помех двигался так, что антенны следивших за ним локаторов всегда оказывались направленными точно на восходящее Солнце. Астрономы взяли его «на подозрение» и установили: появление ложных сигналов удивительно совпадает с возникновением на Солнце большой группы пятен...

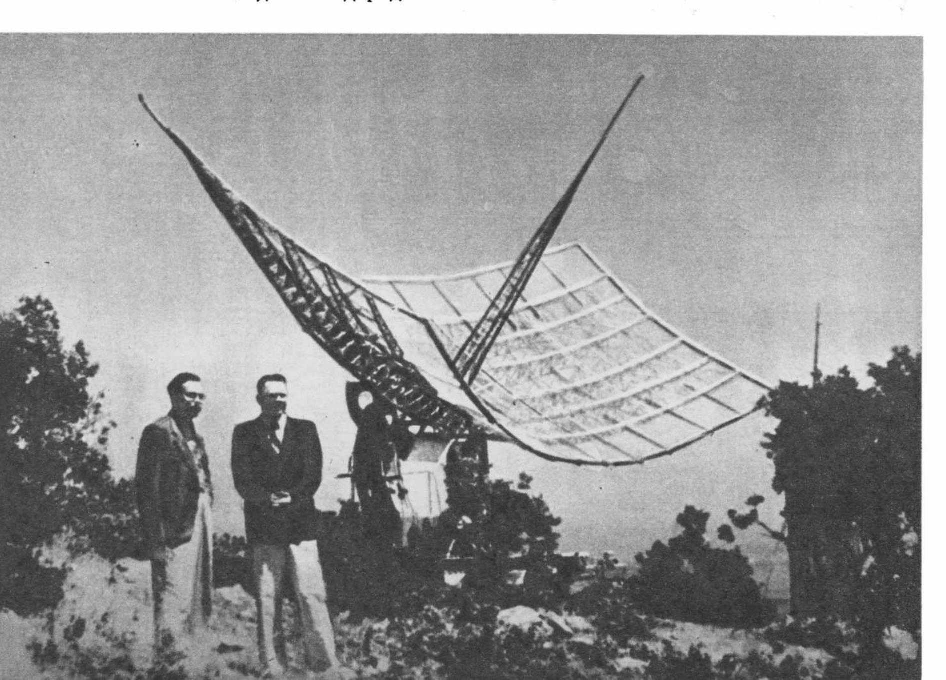
Позже ученые вспомнили, что это не единственный случай приема радиоволн из космоса. Еще в 1931 году радисты коммерческих линий связи обнаружили странную закономерность в возникновении помех радиосвязи. Особенно сильные помехи появлялись почему-то через 23 часа 56 минут, то есть ровно через звездные сутки. Значит, виновников надо искать не в земной атмосфере, не на Солнце, так как солнечные сутки длятся 24 часа.

В конце концов источник помех нашли. Они исходят из центра Галактики, области, расположенной в направлении созвездия Стрельца. Радиоволны были приняты и от усыпанной мелкими звездочками полосы бледного Млечного Пути.

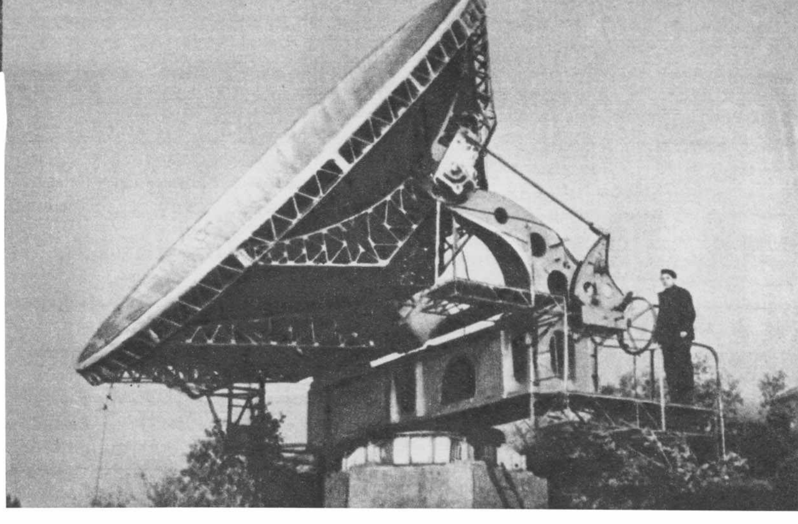
Ученые, конечно, не могли пройти мимо этих поразительных фактов. Ведь изучая свет, приходящий на Землю от небесных тел, люди сумели узнать о многом: и о том, из каких веществ состоят звезды, и с какой скоростью они мчатся в мировом, бесконечном пространстве, и даже о том, как они рождаются и умирают. Не хранят ли в себе и радиоволны еще не разгаданные тайны мироздания?

Возможностью приема и расшифровки радиоволн, приходящих на Землю из космоса, увлекся советский ученый академик Н. Д. Папалекси. Для начала он решил воспользоваться помощью самой природы. Приближалось редкое в истории астрономии событие: полное солнечное затмение 20 мая 1947 года продолжительностью целых 5 минут. Ученого не остановило, что затмение могло наблюдаться только в западном полушарии. Он начал готовить экспедицию. В качестве подвижной обсерватории было решено использовать теплоход «Грибоедов», который должен был пойти к берегам Бразилии.

Замечательному ученому и вдохновителю экспедиции не суждено было принять в ней участие: он умер незадолго до ухода судна в дальнее плавание. Но необычайно важные наблюдения, выполненные экспедицией, послужили толчком для развития отечественной радиоастрономии, объединившей астрономию, физику и радиотехнику.

Начальник Крымской радиоастрономической обсерватории Физического института имени П. Н. Лебедева Академии наук СССР В. В. Виткевич и старший научный сотрудник Б. М. Чихачев у радиотелескопа, с помощью которого исследуется радиоизлучение межзвездного водорода.

Этот телескоп-гигант помог угадать, из чего «сшита» «шуба» Луны.

У гигантской чаши

Крымская дорога, по которой карабкается «газик», тонкой паутинкой обвивая скалы, обрывается у самого моря. Здесь, на берегу, первое, что бросается в глаза,— натянутые на странные каркасы огромные рыболовные сети. Что это?

— Антенны нашей радиоастрономической обсерватории,— объясняет шофер.— На берегу только часть их, а остальные во-о-н...— И он показал в сторону самой высокой скалы, похожей на обломок гигантского зуба.

Начальник обсерватории Физического института имени П. Н. Лебедева Академии наук СССР кандидат физико-математических наук Виктор Витольдович Виткевич знакомит нас со своим «хозяйством». Здесь не только антенны, похожие на сети. Из-за густых зарослей дубняка и граба появились колоссальные блюдца-телескопы, задравшие носы-диполи прямо в небо; равняясь друг на друга, застыли усыпанные десятками «телевизионных» антенн прямоугольные рамы; высятся мачты, веером распустившие щупальца-провода. От антенн ползут по земле толстые змеи-кабели. Все радиоизлучения из космоса, которые «впитывают» антенны, преобразуются в электрический ток и передаются по этим кабелям в домики-лаборатории, туда, где расположены приемники и регистрирующие устройства.

— Еще совсем недавно здесь одиноко шумели деревья и рокотал морской прибой,— рассказывает Виктор Витольдович.— Потом это место облюбовал академик Папалекси для радиоастрономической обсерватории.

Удаленность от «голосов» больших городов позволяет явственнее слышать «шепот» Солнца. Сильно помогает ученым и море. Они научились «ловить» не только радиоволны, приходящие непосредственно от небесных источников, но и те, которые отражаются от сверкающей глади морской поверхности.

— А сейчас мы спустимся к самому берегу, и я покажу вам наш уникальный телескоп.

На пологом обрыве, обращенном к морю, сияла в лучах солнца оцинкованная чаша, высеченная прямо в земле. Она была так велика, что несколько человек, копошившихся в ней, казались не больше горошин на дне столовой тарелки. Над чашей на высокой мачте-стрелке виднелся рупор.

— Нет, он предназначен не для трансляции радиопередачи,— улыбаясь, говорит Виктор Витольдович. — Падающие на вогнутую поверхность чаши радиоволны отбрасываются ею в одну точку — в фокус. Рупор, расположенный в фокусе, как раз и воспринимает их, а затем по металлической трубе — волноводу — сгусток радиоволн транспортируется в радиоприемник.

Здесь, у гигантской земляной чаши, мы познакомились с Вячеславом Анатольевичем Удальцовым, человеком, которому удалось недавно раскрыть одну древнюю загадку...

Тайна Крабовидной туманности

Давным-давно, в 1054 году, на небе вспыхнула звезда такой яркости, что она светила даже днем. Китайские и японские историки рассказывают, что жила эта звезда недолго, всего полгода. Потом погасла. На месте космической катастрофы остался туманный след— расплывчатая, еле видимая в сильные оптические телескопы туманность. За характерную форму ее назвали Крабовидной. Она расположена от Земли так далеко, что свет от нее идет к нам 5 тысяч лет. Свет этот очень слаб.

На эту необычную туманность направили свои телескопы и радиоастрономы, надеясь уловить хотя бы слабое радиоизлучение. Каково же было их изумление, когда оказалось, что еле видимая туманность посылала Земле мощный

поток радиоволн, по своей силе намного превышающий поток видимого света! Такого ученые еще не наблюдали ни у одного из космических тел. Что же рождало столь интенсивные радиолучи?

Советские ученые В. Л. Гинзбург и И. С. Шкловский нашли теоретическое объяснение этому явлению. Взрыв звезды породил такую стихию энергии, какую люди могут лишь с трудом себе представить. В водовороте энергии от атомов вещества звезды остались лишь обломки: ядра и электроны. В мировое пространство хлынули потоки тяжелых ядер атомов вещества, получивших во время взрыва колоссальные энергии. Это их мы называем частицами космических лучей. Электроны же, обладающие не меньшей энергией, но более легкие, чем атомные ядра, не могут вырваться из плена магнитных полей туманности. Их стремительный порыв тормозится, и электроны вынуждены постепенно отдавать свою энергию в виде радиоволн.

Однако в этой теории было одно «но». Физики, постигшие все тонкости поведения частиц материи, говорили, что если действительно виновниками мощного потока радиоволн от Крабовидной туманности являются электроны, то радиолучи должны распространяться с теми же особенностями, что и видимый свет.

Честь экспериментального подтверждения этой теории принадлежит также советским ученым.

...Лето 1957 года. Два часа ночи. Крабовидная туманность пересекла ось телескопа — земляной чаши обсерватории. За несколько минут до этого рупор установили в определенном положении. В течение сорока минут, пока в радиотелескопе была «видна» туманность, ученые с волнением следили за лентой самописца, отмечавшего силу принимаемых радиоволн. На следующую ночь все повторилось, с той разницей, что перед началом «сеанса» чуть изменили угол установки рупора. И так много ночей подряд...

— Когда мы,— рассказывает руководитель всей этой работы В. А. Удальцов,— наконец расшифровали записи самописца, то обнаружили, что сила радиоизлучения при повороте рупора изменяется, причем изменяется так же, как и видимый свет. Значит, радиоизлучение поляризовано, что и требовалось доказать.

Так подтвердилась гипотеза о механизме рождения радиоволн в Крабовидной туманности.

В поисках неуловимого

Астрофизики давно предполагали, что космическое пространство заполнено атомами водорода, испаряющегося с поверхности звезд. Попытки же обнаружить этот прозрачный, разреженный газ, рассеянный во Вселенной, считались просто фантастическими.

Тринадцать лет назад было теоретически предсказано, что атомы межзвездного водорода должны излучать радиоволны длиною около 21 сантиметра. Появилась надежда разгадать еще одну загадку природы, правда, надежда весьма призрачная: теоретики подсчитали, что атом водорода может летать в межзвездном пространстве десять миллионов лет, прежде чем он излучит радиоволну. Попробуй «подстереги» этот момент! Но во всей Галактике имеется огромное количество атомов водорода, и это создает более реальные возможности приема их радиоизлучения.

Улавливает его чрезвычайно чувствительная установка, созданная под руководством кандидата физико-математических наук Б. М. Чихачева. С помощью такого рода установок радиоастрономы не только подтвердили существование межзвездного водорода, но и постоянно следят за образованием невидимых водородных облаков. Это пополняет наши знания о структуре Галактики, о законах ее движения, а также о жизни других галактик, таких, как, например, туманность Андромеды.

Лунная «шуба»

Мы побывали и в горном филиале обсерватории. Сразу же наше внимание привлек огромный зеркальный телескоп, поднявший свою чашу над кронами сосен.

— Это наш лунный исследователь,— говорит Виткевич.— Он помог нам многое узнать о вечном спутнике Земли.

Оказалось, что сила радиоизлучения Луны в отличие от ее света не изменяется при смене лунного дня лунной ночью. Напрашивался вывод: видимо, радиоволны излучаются не самой поверхностью Луны, температура которой подвержена сильным колебаниям, а более глубоким слоем почвы, в котором каким-то образом сохраняется постоянный температурный режим. Из чего же состоит этот поверхностный слой Луны, который, как шубой, укрывает ее?

— Такой «шубой»,— отвечает Виткевич,— по общему мнению, может быть только слой пыли. Как видите, радиоастрономия позволяет заглянуть даже под поверхность планет, что для оптической астрономии недоступно.

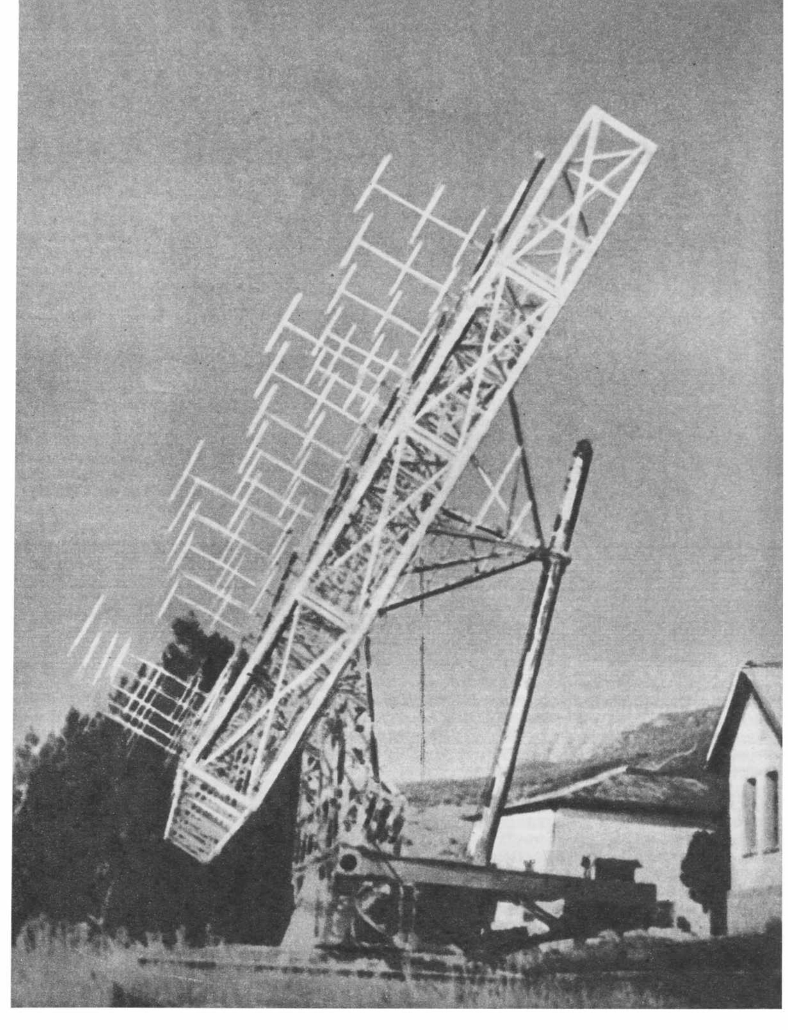
Несомненно, и другим планетам присуще излучение радиоволн, но оно столь мало, что лежит за пределом чувствительности аппаратуры. Впрочем, на Крымской станции уже делались попытки принять сигналы с Юпитера. В поле зрения ученых попали и Венера и Марс, и скоро, несомненно, будут получены новые сведения об их природе и строении.

Голос «возмущенного» Солнца

«Лунный» телескоп Крымской станции выполняет и более «земные» задания. Прощупав земную атмосферу, он помог установить состав и форму ионосферы, слоя, на который падают волны от радиопередатчиков и отражаются от него в радиоприемники.

Эти сведения очень важны, так как радиосвязь на земле во многом зависит от «настроения» ионосферы. Оказалось, что она имеет изменяющуюся волнообразную поверхность, которая в различных направлениях по-разному искривляет путь радиолучей.

Там же, на горе Кошка, установлена еще одна очень важная радиоастрономическая система, позволяющая исследовать ионосферу и радиоизлучение Солнца. Ее создали здесь же, на Крымской станции, Ю. И. Алексеев, П. Д. Калачев и их товарищи. Аналогичная система имеется лишь в Японии.

Такое множество «телевизионных» антенн дает возможность услышать «шепот» Солнца.

Мы заходим внутрь домика-лаборатории. Научный сотрудник Юрий Иванович Алексеев нажимает кнопку дистанционного управления, и в окно видно, как огромная плоская рама со множеством диполей начинает разворачиваться к Солнцу. Настраиваем приемник, и вот из репродуктора раздается бульканье, урчание. Это слышен «голос» Солнца. То спокойный, ровный, то торопливый и бурлящий — результат вспышек и возмущений на нем.

Вспышки дают радиоволны с характерной поляризацией, отличной от той, которая присуща излучению Крабовидной туманности. Раскрыв секрет рождения таких радиоволн, мы лучше поймем процессы, происходящие на Солнце.

...За несколько лет на Южном берегу Крыма выросла одна из самых значительных радиоастрономических обсерваторий мира.

На состоявшейся недавно во Франции конференции по радиоастрономии X Международного съезда, а также в Москве, на самом съезде с большим вниманием были выслушаны доклады об исследованиях Солнца. Особый интерес вызвало сообщение о работах, в результате которых обнаружена так называемая сверхкорона Солнца, наблюдаемая до огромных расстояний — 30 солнечных радиусов.

Трудно переоценить вклад обсерватории в науку. Но в радиоастрономии заложено немало и чисто практических возможностей, которые пока еще не реализованы. Часто штурман корабля или самолета не в состоянии определить свое местонахождение по земным маякам, по карте местности. И он прибегает к наблюдениям Солнца или звезд. Но ему может помешать туман, облачность. Тогда на помощь должны прийти радиоастрономические приборы, которые «видят» при любой погоде, днем и ночью. Радиотелескоп, установленный на корабле или самолете, отлично сориентируется по Луне или Солнцу.

С помощью радиоастрономических систем в нашей стране уже ведутся наблюдения за искусственными спутниками и даже «засекли» американский, хотя он и пролетал далеко за горизонтом.

Радиоастрономические приборы — телескопы, рефлекторы,— несомненно, явятся важным средством управления и связи при космических перелетах.

— Настанет день,— говорит Виткевич,— и наши современники будут управлять первым космическим кораблем, определять его курс, передавать ему команды и принимать сигналы от автоматических приборов и телепередатчиков, установленных на летящих лабораториях.

Этот день радиоастрономы готовы встретить во всеоружии.

Телескопы-блюдца, перемещающиеся по рельсам и работающие в паре.

Первое комсомольское поколение

Первое комсомольское поколение... Сколько героического вписало оно в историю комсомола! По призыву Коммунистической партии юные патриоты шли в партизанские отряды, в ряды Красной Армии, самоотверженно боролись за Советскую власть. Читателям «Огонька» будет, вероятно, интересно посмотреть на фотографии, рассказывающие о комсомольцах Украины тех лет.

Вот участники организационного бюро по созыву I съезда комсомола Украины.

В состав организационного бюро, созданного в апреле 1919 года, входили молодые коммунисты Ларский, Семенов, Перла, Разин и Ткач, которых партия направила для работы среди молодежи.

I съезд комсомола Украины открылся 26 июня 1919 года в Киеве, в помещении Клуба юных коммунаров (Крещатик, 1). Работа съезда продолжалась шесть дней. Он объединил в единый союз разрозненные комсомольские организации, принял программу и устав.

А другой снимок (вверху) сделан незадолго до отъезда украинских комсомольцев на фронт, в полки Червоного казачества.

Первый полк Червоного казачества был создан в январе 1918 года. В годы гражданской войны он вырос в корпус Червоного казачества, который отважно сражался на многих фронтах гражданской войны. Организатором и командиром Червоного казачества был В. Примаков. Комсомол Украины был шефом корпуса Червоного казачества.

И. ПРЕМЫСЛЕР, Т. ЗАЛЕССКАЯ,
научные сотрудники Киевского государственного исторического музея.

ОРГАНІЗАЦІЙНЕ БЮРО
ПО СКЛИКАННЮ
І-го З'ЇЗДУ КСРМУ

Ларський Разін Перла Семенів Ткач

Крім того входив представник Чернигова, а наприкінці роботи оргбюра прибув з Москви представник ЦК РКСМ т. Ривкін.

Резиновый пол

Посетители павильона «Химическая промышленность» на Всесоюзной промышленной выставке невольно обращают внимание на пол, устланный широкими разноцветными полосами линолеума. Несмотря на то, что здесь всегда много народу, шагов не слышно: пол поглощает звуки.

Под ногами посетителей лежит резиновый линолеум — релин. Технологию изготовления его разработали сотрудники лаборатории регенерации резины Научно-исследовательского института шинной промышленности.

Резиновый линолеум в качестве строительного материала применяется в некоторых зарубежных странах. Но советские химики совершенно по-другому решили задачу его изготовления.

В некоторых странах новый материал делают из полноценной резины, а у нас — в основном из старых автомобильных покрышек и резиновых отходов. При этом каучука расходуется в несколько раз меньше. Отходы дробят, приготовляют резиновую крошку, добавляют нефтяной битум для связи, и после вулканизации получается эластичное полотно. Только верхний слой делают из полноценной резины. Он-то и окрашивается в различные тона.

— По нашим подсчетам, пол из релина может служить 10—13 лет,— рассказывает руководитель лаборатории, кандидат химических наук И. А. Шохин.— Его легко сделать под мрамор, гранит, ценные породы древесины. Поэтому он может быть применен не только для покрытия полов, но и для облицовки стен. Сейчас в лаборатории мы ищем такие цвета для окраски релина, которые соответствовали бы природным материалам. Уже получены удачные имитации серого мрамора и малахита.

Кандидат химических наук И. А. Шохин рассматривает образцы релина.
Фото Г. Санько.

Недорогой и прочный новый материал незаменим для выставочных и демонстрационных залов, так как хорошо поглощает шум. Это свойство позволит использовать его и на радио и телевизионных студиях. И еще одно очень важное качество: он не боится действия химикатов, его можно очистить до стерильного состояния. По достоинству оценят его в больницах и амбулаториях, в детских садах и яслях.

В ближайшее время будет выпущено десять миллионов квадратных метров нового линолеума. Регенератные заводы в Бобруйске, Челябинске, Сумах, Чехове под Москвой скоро дадут первые тысячи метров релина.

В. КЛИМОВА

Куда дрейфует плавучий ледяной остров «СП-6»?

В 1956 году севернее острова Врангеля был обнаружен плавучий ледяной остров, его и избрали для дрейфующей научной станции «Северный полюс—6».

Пошел уже третий год, как на этом острове советские полярники, одна смена за другой, непрерывно ведут научные исследования, включая наблюдения по программе Международного геофизического года.

Ледяной остров «СП-6» имеет овальную форму, он довольно велик: 13 на 9 километров. По краям возвышаются причудливой формы гряды торосов, местами достигающие 10 метров. Однако сам остров возвышается над уровнем воды в среднем всего лишь на 85 сантиметров. Толщина льда острова колеблется между 8—12 метрами. В отличие от паковых льдов, на которых совершали свой дрейф предшествующие станции «Северный полюс», плавучий ледяной остров оказался весьма прочной, а потому и устойчивой базой для научных исследований в Центральной Арктике.

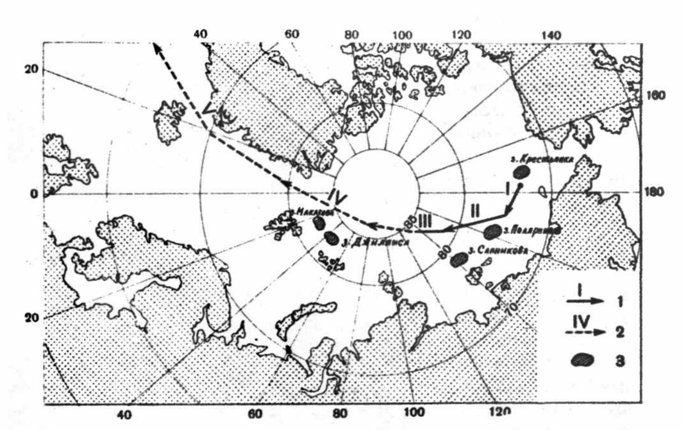
Любопытно, что толщина льда острова постепенно уменьшается — за счет таяния сверху в летний период и отсутствия нарастания снизу в зимний период. Подсчет показывает, что если бы остров совершал свой дрейф только в пределах Арктического бассейна, то он служил бы науке более 20 лет. Но теперь стало очевидным, что ледяной остров «СП-6» продрейфует через весь Северный Ледовитый океан с востока на запад и будет вынесен в Атлантический океан, как это показано на рисунке. Таким образом, станция «Северный полюс—6» просуществует не более пяти лет. И, тем не менее, ее деятельность будет самой продолжительной из всех известных нам дрейфующих станций и судов, выполнявших научные наблюдения в Центральной Арктике. (Самый продолжительный дрейф совершила станция «СП-4» — более трех лет.)

За два года плавучий ледяной остров вместе с полярными льдами под действием ветров и морских течений прошел очень извилистым путем более 5 тысяч километров, а по генеральному направлению, на северо-запад,—1 100 километров.

Дальнейший путь генерального дрейфа показан на рисунке пунктиром. Как видно из рисунка, к концу третьего года дрейфа остров окажется на 70—60° восточной долготы. В конце четвертого года дрейфа он войдет в пролив между Гренландией и Шпицбергеном. Там вероятен частичный разлом ледяного острова, однако продолжение работ дрейфующей станции и тогда будет вполне возможно. На пятом году дрейфа станция «СП-6», как предполагают, прекратит свое существование, и личный состав ее будет снят со льда, по всей видимости, с помощью судов в феврале — марте 1961 года.

Обращает на себя внимание тот факт, что дрейф ледяного острова «СП-6» пролегает по тем районам, где ранее были открыты земли, которые потом бесследно исчезли. Этим подтверждается справедливость точки зрения, высказанной несколько лет назад В. Ф. Бурхановым, о том, что «Земля Санникова», «Земля Джиллиса» и другие легендарные земли были не чем иным, как дрейфующими ледяными островами.

К. СЫЧЕВ,
бывший начальник первой смены на «СП-6».

Условные обозначения дрейфа станции «Северный полюс—6».
1. Генеральное направление дрейфа.
2. Предполагаемое направление дрейфа за четвертый год.
3. «Открытые» и затем исчезнувшие земли.

В честь юбилея Белоруссии

Инкрустатор Мария Комарова за работой над шкатулкой.
Фото Л. Папковича.

Далеко за пределами Белоруссии славятся изделия жлобинских умельцев — инкрустаторов по дереву. Экспонаты жлобинской промысловой артели «XVIII партсъезд» демонстрируются на Всемирной выставке в Брюсселе и Всесоюзной промышленной выставке в Москве.

Сейчас артель готовит 55 юбилейных сувениров к предстоящему в январе 1959 года празднику — 40-летию Белорусской ССР. Среди них «Ларец», «Белорусский сундук», ваза «Дружба», шкатулка «Минск — столица БССР» и другие подарки.

КИНОАППАРАТ В... КАРМАНЕ

В ближайшее время наши кинолюбители получат хороший подарок — карманную съемочную камеру «Кама». Уже выпущена опытная партия таких аппаратов. Камера удобна в обращении, надежна в работе. Запасные кассеты позволяют перезаряжать ее на свету. Запас пленки в каждой кассете — 10 метров. Механизм «Камы» устроен так, что съемку можно производить с различными скоростями — 16 и 32 кадра в секунду, а также одиночными кадрами.

Кинолюбители смогут приобрести новый аппарат в комплекте с малогабаритным кинопроектором для демонстрации снятых фильмов. Стоить «Кама» будет примерно столько же, сколько фотоаппараты «ФЭД» и «Зоркий».

К. ВЛАДИМИРОВ.

Любительская киносъемочная камера «Кама».

Год посева 1881-й

С. НОВИКОВ

На самом краю поля — дощечка с надписью: «Звеньевая Гаврилина А. И. Социалистическое обязательство: 400 центнеров с гектара. Площадь — 7 гектаров».

А вот и сама звеньевая, девятнадцатилетняя Тоня Гаврилина из подмосковного колхоза «Возрождение». Она склоняется над всходами кукурузы.

В прошлом году Тоня окончила десятилетку, решила остаться в родном колхозе и взялась возделывать кукурузу. Посев произвели рядовым способом, и вот теперь рекомендуют прорезать культиватором рядки поперек, чтобы получился квадрат. Но ведь жаль удалять столь дружно поднявшиеся растения! Может быть, оставить так?

Пожилые односельчане советовали:

— Сбегай, внученька, в Понизье, к Николаичу. Тот верное слово скажет.

Понизье — соседняя деревня. Два километра не расстояние для молодых ног. И вот Тоня беседует с Николаем Николаевичем Фоломеевым.

Старику пошел девятый десяток. Дознавшись, чего от него хотят, он поднялся с завалинки, надвинул кепку на самые глаза и неожиданно легкой походкой пошел через сад на открытое место.

— Вот оно, то поле,— сказал он хрипловатым голосом.— Тут и сеяли мы ее. Квадратом! Верь моему слову! Давненько было, годов семьдесят прошло, а может, и боле. А помню, хорошо все помню. Сеяли аршин на аршин. И вырастала вон какая!

Николай Николаевич показал рукой выше головы. Потом шагнул к середине поля, остановился над полузасыпанной ямой, объяснил:

— Вот тут, в яме, силосовали мы ее. Быки, бывало, утаптывали.

Старик, по-видимому, обладает ясной памятью. Но она может подвести. Уж очень необычен его рассказ. Не сохранились ли более точные свидетельства о возделывании кукурузы в здешних местах?

Одни за другими листаются потускневшие статистические данные, земская переписка. Дошла очередь до комплектов «Земледельческой газеты», издававшейся в Петербурге. Снова шелестят страницы. И вот, наконец, мелькнуло: «Сельцо Понизье, Каширского уезда».

Автор корреспонденции, опубликованной в газете 3 апреля 1882 года, сообщал: «Место, выбранное под посев «конского зуба» (так назывался американский сорт кукурузы.— С. Н.)... защищено с севера постройками и деревьями, а с запада рощею и садом и совершенно открыто на восток и юг; склон на юго-восток; пространством в 1¼ десятины. Почва суглинок».

Сомнений быть не могло: это то самое поле, на котором стоял Николай Николаевич. Но квадрат? Был ли в те далекие годы квадрат?

Читаем дальше: «Весной 1881 года все поле, отведенное под «конский зуб», было заборонованно... 5 мая пропахано трехкорпусным плугом Эккерта на глубину 2½ вершка. 10 мая заскорожено тою же бороною, прикатано простым деревянным катком и одна половина поля размечена маркером на клетки в 1 квадратный аршин».

Нет, память, оказывается, не подвела Николая Николаевича. Один аршин равен 71,12 сантиметра.

Дальше корреспондент сообщал, что семена кукурузы были смочены, а 14 мая приступлено к севу. На маркированном участке произвели ручной гнездовой посев: клали в гнезда по два зерна.

Итак, практический опыт и природная смекалка еще в прошлом веке подсказали идею использования квадратов и гнезд для посева кукурузы. Как она развивалась?

В той же газете можно найти ответ и на этот вопрос.

Сначала кукуруза росла медленно, имела желтоватый цвет. Когда всходы достигли высоты в пол-аршина, поле пропахали сохой, прополи. После этого рост ускорился, растения стали принимать темно-зеленый цвет. Спустя две недели посев снова пропахали сохою, уже поглубже, и вновь прополи. Высота кукурузы была в это время около одного аршина.

Далее автор сообщал, что погода не благоприятствовала посевам. Однако заботливый уход делал свое дело. Кукуруза росла не по дням, а по часам. В августе стебли достигли 4 аршин высоты и к 1 сентября выкинули метелки.

Узнала Тоня, что кукурузу сеяли в 1882 году и в окрестностях Петербурга.

Кукуруза достигла там к 10 сентября, когда ее срубили топорами, пятиаршинной высоты. На некоторых стеблях были початки.

И под Москвой и под Петербургом кукурузу сеяли впервые, в порядке опыта. Что это — случайные удачи? Ведь в сельскохозяйственной литературе того времени утверждалось, что кукуруза, проникшая в Россию в XVII веке, может расти лишь в южных губерниях, до 53-го градуса северной широты!

Однако практики опровергли существовавшее мнение. Та же «Земледельческая газета» 30 октября 1882 года напечатала заметку из Одессы, в которой автор, местный житель, писал, что он получил письмо от крестьянина Фомы Сидоровича Зотина. Тот просил выслать зерна кукурузы для посева в своей северной местности — в селе Пустоши, Владимирской губернии. Такое намерение показалось одесситу фантастическим, но письмо подкупало смелостью. И он исполнил просьбу.

Наступила осень, и почтальон доставил по тому же одесскому адресу посылку от Зотина а в ней... два совершенно вызревших початка.

«Значит,— писала газета,— акклиматизация кукурузы возможна почти до 57-го градуса. Это уже не предположение, а совершившийся факт, и факт многозначительный. Опыты делала не какая-нибудь богатая экономия — с теплицами и оранжереями, не ботаник, а простой русский крестьянин».

В те годы проблема кормов в северных губерниях стояла остро; поэтому кукурузу стали сеять во многих местах. В Дорогобужском уезде, Смоленской губернии, получили на хорошо удобренных песках шестиаршинные стебли. С трех четвертей десятины кукуруза принесла 3 500 пудов зеленой массы. Годом позже на смоленской земле трудолюбивые крестьянские руки вырастили при холодной и затяжной весне кукурузную рощу, укрывавшую с головой всадника. И что важно — растения имели початки, иногда больших размеров, отлично вызревшие. С десятины здесь получали свыше 5 тысяч пудов силосной массы. В Гдовском уезде, Петербургской губернии, пуд кукурузного силоса оказался в 8 раз дешевле, чем сено.

— Давненько то было,— говорит Тоне Николай Николаевич Фоломеев.

Фото автора.

Опытники демонстрировали свои экспонаты кормовой кукурузы, выращенной в нечерноземной полосе, на Всероссийской выставке 1882 года.

И все же дальше опытных делянок дело не пошло. Энтузиасты-одиночки не могли серьезно решить проблему продвижения кукурузы на север. Постепенно опыты с кукурузой были забыты.

...Вернемся, однако, к нашей звеньевой. Тоня прорезала всходы, сделала квадраты, подкормку, рыхление междурядий, заботливо выхаживает каждый куст. Она намеревается намного перекрыть свое обязательство и, конечно, добиться лучших результатов, чем ее предки.

После выступления «ОГОНЬКА»

СТИРАЛЬНЫЕ ХЛОПОТЫ

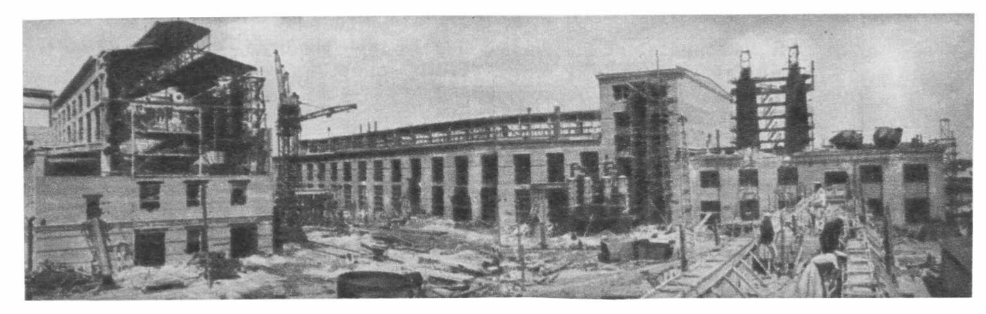
Редакция продолжает получать отклики по поводу работы прачечных, о которых говорилось в материале «Стиральные хлопоты» в № 21 нашего журнала.

Заместитель председателя Исполкома Моссовета В. Тимофеев сообщил, что вопрос о прачечных обсуждался на VI сессии Моссовета. Недостатки в их работе подверглись резкой критике. Сессия обязала Управление предприятий коммунального обслуживания в ближайшие два — три года увеличить мощность прачечных в два раза. Для этого построят ряд предприятий, в том числе пять банно-прачечных комбинатов. На действующих фабриках-прачечных все технологические процессы будут автоматизированы. К 1961 году устаревшее оборудование заменят. В 1958—1960 годах откроют шестьдесят новых пунктов по приему и выдаче белья.

Председатель Челябинского горисполкома Г. Конопасов пишет нам: «Значительная часть недостатков, отмеченных в статье «Стиральные хлопоты», имеет место и в Челябинске. Чтобы лучше обслуживать население, создан ряд приемных пунктов. Введена доставка белья на дом. Исполком принимает меры к тому, чтобы ряд ведомственных прачечных принимал белье у населения. В 1959 году начнется сооружение крупной прачечной».

Следует отметить, что до сих пор хранит молчание горисполком Архангельска. А ведь в этом городе, как отмечалось в «Огоньке», у населения «стиральных хлопот» больше, чем где бы то ни было.

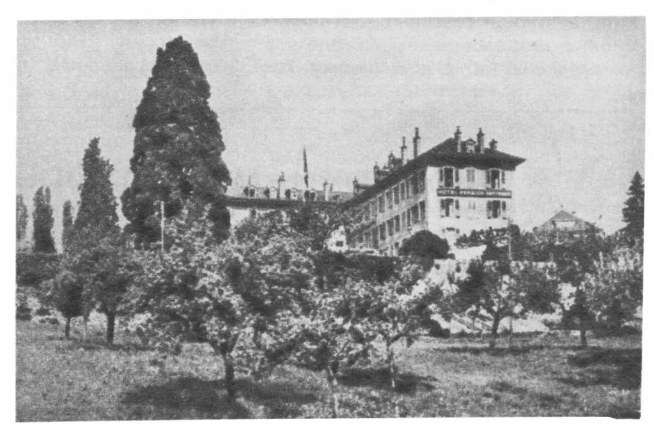
Сахарные заводы на Кубани

В поселке Хуторок, Ново-Кубанского района, строится сахарный завод. Он будет перерабатывать 25 тысяч центнеров свеклы в сутки. Это один из четырнадцати сахарных заводов, которые возводятся на Кубани. Семь из них должны вступить в строй уже в этом году и дать стране около 4 миллионов пудов сахара. Одновременно с заводами вырастают рабочие городки, в которых имеются школы, детские сады, ясли.

Фото Г. Санько.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ В ШВЕЙЦАРИИ

Посмотрите на фотографию. В этой гостинице Кетерер в Кларане жил и работал в 1857 году Лев Николаевич Толстой.

Гостиница стоит на холме Бассе, а деревушке около Монтре, на восточном берегу Женевского озера.

«Не стану пытаться описывать вам красоту этой местности, особенно в эту пору, когда все в листьях, все в цвету, скажу только, что положительно нельзя оторвать глаз от этого озера, от его берегов и что большую часть времени я провожу, любуясь этой красотою, либо гуляя, либо просто из окна своей комнаты»,— писал Лев Николаевич 18 мая 1857 года Т. А. Ергольской.

Через несколько дней он отмечает в своих путевых записках: «Удивительное дело, я два месяца прожил в Clarens, но всякий раз, когда я утром или особенно перед вечером, после обеда, отворял ставни окна, на которое уже зашла тень, и взглядывал на озеро и на зеленые и далью синие горы, отражавшиеся в нем, красота ослепляла меня и мгновенно, с силой неожиданного действовала на меня».

Мы провели в гостинице Кетерер несколько дней, исходили все места, связанные с Толстым, отыскивая его следы, рылись в местных архивах и музеях.

Гостиница Кетерер, в которой жил Лев Николаевич, совсем не изменилась за минувшие сто лет. Находясь в ней, как бы переносишься в середину прошлого века. Из нашей комнаты мы любовались веллингтонией, или гигантской секвойей, которая растет в гостиничном саду. Под тенью ее могучих ветвей часто сидел Лев Николаевич Толстой.

Кларан (Монтре).

Р. СКОМОРОВСКАЯ

Борьба за большое „Я", или искусство письма

Петер КАРВАШ

Рисунки К. РОТОВА.

Сынишка подошел ко мне тихонечко и притиснулся так близко, что стало слышно его дыхание. Он взглянул в упор своими большими карими глазами, поморгал ресницами-веерами из-под свисающего чубчика и, запинаясь, спросил:

— А ты... умеешь писать?

В этом вопросе звучали такой горячий интерес, такое доверие, что я сразу же забыл о том, что мнения моих приятелей в этом пункте коренным образом расходятся. Все так случилось, что, не предвидя исторических последствий своего ответа, я кивнул головой в знак согласия и беззаботно, хуже того, легкомысленно заявил:

— Ну, конечно, умею!

Теперь уже можно признаться: именно тогда событиям был дан ход. Развертываться же они начали незаметно с той самой минуты, когда моя супруга промелькнула в дверях передней, пытаясь попасть правой рукой в левый рукав пальто, и выкрикнула, быстро удаляясь в сторону лифта:

— Посмотри, пожалуйста, чтобы он как следует приготовил уроки... чтобы вышел на свежий воздух... чтобы...

Но остальные распоряжения касались уже снабжения и питания, а также сложных организационно-экономических проблем в их применении к домашнему хозяйству. С одной стороны, они не имеют отношения к этому повествованию, с другой—я их не расслышал, с третьей—я полон решимости утверждать, что действительно их не расслышал.

Довольно того, что я прервал свою работу и прокричал по направлению к комнате, где сын сидел над тетрадями:

— Ты должен как следует сделать уроки... покушать... и пойти на воздух, слышишь?

— Угу,— был ответ, и меня наполнило авторитетное чувство высокоактивного родителя, педагога, творчески воплощающего идеи Коменского.

Прошел добрый час, и вдруг неприятная мысль, что я должен что-то сделать, кольнула меня, но что именно, я никак не мог вспомнить. Из соседней комнаты доносилось:

— Пасуй в центр... бей! Гол!..

Я отправился к сыну.

Я убедил его, призвав на помощь самые сильные доводы, закрыть окно и посвятить себя урокам. Он проявил большую понятливость к моим хорошо подобранным аргументам. Думаю, что наибольшее впечатление на него произвела железная логика предложения сначала приготовить уроки, а уже потом идти играть с ребятами, ибо угрызения совести, вызванные пренебрежением к своим обязанностям, могут роковым образом сказаться на точности удара по воротам противника.

— Я уже скоро кончу,— заметил он милым голоском.

— А что вам задано? — поинтересовался я.

— Большое «Я». Три строчки.

У него было написано около трети первой строки. Написанное выглядело как оригинальная, хотя и не очень складная комбинация большого «Л» с маленьким «ч» и еще с несколькими греческими и одной финикийской буквами.

— Погоди,— посоветовал я ему ласково,— поупражняйся сначала на бумажке, а когда получится как следует, перепиши в тетрадь. Хорошо?

— Хорошо,— согласился он и многозначительно взглянул на окно. Я не уделил никакого внимания этому взгляду.

— Когда напишешь полстраницы большого «Я», принеси показать.

Я вернулся к своей работе слегка обеспокоенный: «А что если урок будет приготовлен плохо? Нет, шутки в сторону, серьезно: что если урок, приготовленный под моим непосредственным руководством, не будет на уровне?..» Я озабоченно взглянул через полуоткрытую дверь на мальчика. Тот склонился над бумагой, усердно обмакивая перо и высунув кончик языка.

Через минуту он явился. Молча протянул мне документ и застыл в ожидании. Я взглянул на его произведение. Сын спросил:

— Уже можно в тетрадь?..

— Нет! — воскликнул я с горячностью.— Нет!

На бумаге в диком танце скакали разнокалиберные уродцы. Сталкивались, обнимались, скользили, переворачивались вверх ногами, падали... Они были весьма своеобразны: носатые, косматые, пузатые, словом, яркие индивидуальности. У той буквы был глаз, у этой шляпка, а одна из них назойливо походила на некоего невыносимого старика.

Я ужаснулся: «Ведь мальчишка предоставлен самому себе! Его духовная жизнь беспорядочна! Он на скользком пути и может стать позором семьи! Несчастным поэтом! Летуном и прогульщиком!»

Но я взял себя в руки, как это рекомендует книга Фюгнер «Наше дитя».

— Гм,— выдавил я,— все это, конечно, чрезвычайно интересно, хотя и не совсем разборчиво. А не могло бы, скажем, быть одно «Я» похоже на другое?

— Почему? — полюбопытствовал мальчик.

Я откашлялся.

— Так уж принято. Одно «Я» должно быть подобно другому. Еще древние греки и римляне... Возьми, наконец, любую книжку. Все «Я» в принципе совершенно одинаковы. Классический схематизм. Н-да... Попробуй-ка, ладно?

— Можно,— ответил сын и удалился.

Когда он пришел ко мне снова, то на бумаге была изображена живописная толпа больших «Я». Им, невзирая на некоторые неизбежные особенности характера, нельзя было отказать в удивительном сходстве.

У всех был приблизительно одинаковый кружочек, одинаковое брюшко, одинаковая ножка, и лишь — это было странно — все буквы неожиданно кончались игривым бантиком.

— Что это такое? — спросил я строго и ткнул пальцем в подозрительную петлю.

— Красиво, а? — спросил сын восхищенно, по всей вероятности, ожидая моего согласия. Он относился к этим бантикам, как творец-первооткрыватель.

— Что общего у всего этого с большим «Я»? — ужаснулся я.

— Ничего, — последовал ответ,— но оно было такое несчастненькое, бедняжка. Вот я и приделал ему хвостик. Симпатичный, правда? Можно уже переписывать в тетрадь?

— Нет! — закричал я.— Ты что это воображаешь? Ты полагаешь, что к большому «Я» смеешь приделать все, что тебе вздумается?

— Не смею? — спросил он.

— Нет! Не смеешь! Человек пишет для того, чтобы это можно было прочесть, а не ради всяких там украшений!

— Нет? — опять спросил мальчик.

— Нет! — взял я снова себя в руки. «Яркие черты индивидуализма,— сказал я сам себе предостерегающе,— задушить в зародыше».

— Жалко! — воскликнул он. И тут же, не моргнув глазом, добавил: — А ты... никогда не делаешь украшений?

— Никогда,— отверг я категорически.

— А вот и делаешь: ставишь над «i» точку. Над «i» точки не ставят, а ты ставишь!

— Я?

— Ставишь, ставишь,— настаивал сын и шельмовски поглядывал на меня.— Тебе его тоже жалко? А?

— Ну, это уже другое дело,— ответил я поспешно.— Сейчас у нас речь о большом «Я». Ну давай, раз-два! Полстраницы. И все одинаковые. Осторожней, чтоб не расплывались чернила. Не размажь. Не вылезай за ли-

Подарки-миниатюры

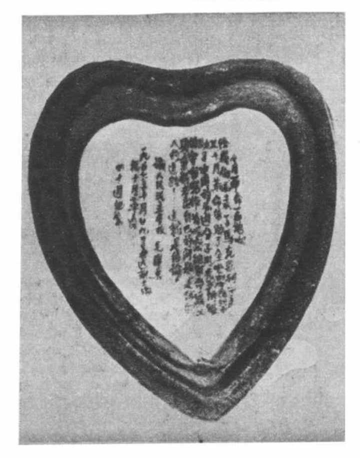
Около трех лет длится дружба между преподавателем Государственного педагогического института в Сыктывкаре В. Г. Зыкиным и жителем Шанхая Ли И-да. Однажды Зыкин прочитал в газете «Дружба» о китайском резчике, который подарил пребывавшим в Шанхае советским морякам пластину из слоновой кости. На десяти квадратных сантиметрах Ли И-да вырезал тексты приветственных речей, произнесенных за время пребывания Тихоокеанской советской эскадры в шанхайском порту. 2 047 китайских иероглифов пришлось начертать резчику на пластине!

Зыкин написал Ли И-да о своем восхищении его талантом.

В канун сорокалетия Октябрьской революции В. Г. Зыкин получил подарок из Шанхая — деревянную шкатулку размером со спичечную коробку. Внутри нее— коробочка сердцевидной формы. Под лупой на ее крышке можно увидеть портрет В. И. Ленина. Подобно детской игрушке «матрешке», внутри этого «сердца» вложены друг в друга еще четыре «сердца». На последнем шанхайский умелец вырезал более ста иероглифов — текст высказывания товарища Мао Цзэ-дуна. На оборотной стороне крышки выгравировано приветственное письмо Ли И-да советскому педагогу.

В ответ Владимир Георгиевич Зыкин послал в Шанхай настольные часы с дарственной надписью.

А. ПОПОВ

нейки. И никаких клякс. Договорились? Ну, давай, давай!

Я остался один, крайне обеспокоенный. Кокетливые бантики на большом «Я» приводили меня в смятение. Что это такое? Проявление художественного таланта? Или признаки легкомыслия и неуважения к традициям? Корни будущего анархизма и богемы? А быть может... быть может, особое выражение самобытной фантазии, собственных взглядов на мировые явления? Петли большого «Я» болезненно захлестывали мое отцовское сердце.

Я принялся перелистывать книгу Фюгнер. Подобные случаи там описаны не были.

Отворились двери, и вошел сын.

— Уже готово? — спросил я.

У меня затеплилась бессмысленная и жалкая надежда, что вдруг ни с того ни с сего он принесет мне три строчки каллиграфических стандартных, нивелированных, кодифицированных, одинаковых в своей регулярной красе, абсолютно лишенных индивидуальностей больших «Я».

— Нет,— помотал он головой.— Знаешь что? Напиши мне одну строчку, а я потом буду учиться по твоим. Хорошо?

— Отлично, — обрадовался я. — Только придерживайся моих абсолютно точно, понял?

Я взял инициативу в свои руки. Уселся поудобнее за стол, с великим энтузиазмом обмакнул перо, начал писать. Я прямо-таки физически ощущал на своих плечах благородный груз ответственности за качество сыновних уроков, за его характер, за его уважение к вековой законности, за его морально-гражданский облик... Это была великая минута.

— Осторожно, — прошептал сын, — у тебя чернила расплываются, за линейку вылез... ага, размазал!..

Результат моих стараний был поразительным. Одно «Я» имело иронический толстоликий профиль, другое чем-то походило на хворую черепаху, третье дрожало со страха.

— Не толкай меня,— зашипел я на сына, хотя он и не думал толкаться.

— Можно списывать?— тихонечко спросил он.

— Подожди,— фыркнул я.— Все время мешаешь...

Я заперся у себя в кабинете. Достал белоснежный лист бумаги, расчертил его по линейке, снял пиджак и засучил рукава.

Черт его знает, что такое: мне пришлось в своей жизни написать безо всяких неприятностей по меньшей мере миллиард больших «Я», но когда понадобилось написать их одну аккуратную строчку, когда они должны были быть хоть немного похожи друг на друга, да к тому же еще и одинаковой величины, я, к стыду своему, спасовал.

Вы себе не представляете, что это за ехидная, что за коварная буква!

Подогнать кружочек точно, чтобы он касался верхней линейки, чтобы не загнулся, не дотянувшись до нее, провести палочку так, чтобы она не была похожей на сведенные судорогой сухожилия или колючую проволоку, загнуть последний вероломный крючок так, чтобы он не производил впечатления сухаря и формалиста, но в то же время не был ни легкомысленным, ни выдержанным в стиле рококо, и вообще отгадать пропорции столь сложной буквы, как большое «Я», — эта задача по плечу лишь доценту геометрии, который одновременно является академическим художником-графиком и спортсменом-бегуном на длинные дистанции.

Я исписал около двадцати стопок бумаги, использовав различные хитроумные технические и тактические приемы.

И бумага и чернила были отвратительного качества, расплывались, а когда случайно одно «Я» получилось у меня невероятно удачным, то я размазал его рукавом, а кроме того, посадил кляксу, напоминающую Попрадское озеро в миниатюре и талантливый теневой автопортрет некоего художника, висящий у нас дома со времен формализма.

Ситуация стремительно осложнялась. Мои большие «Я», с одной стороны, страдали чахоткой и истощением, с другой — слоновой болезнью и гигантизмом, а также отчасти нездоровым индивидуализмом и достойной всяческого порицания шаловливостью. В целом они производили впечатление лунатиков и алкоголиков.

Сын сидел на кушетке и терпеливо ожидал, когда же я наконец напишу ему строчку больших «Я», чтобы затем поупражняться и переписать в свою тетрадь. Ясно, что на карту было поставлено все, каждый шаг мог стать для меня роковым. Я мобилизовал все свои скрытые духовные резервы.

Но, натолкнувшись на потрясающее равнодушие, с которым сын ожидал мои наставления, я не сдержался:

— Ты не знаешь, что фантазия и воображение у детей не должны развиваться механически, по консервативным канонам? И вообще почему ты такой нетерпеливый?.. На все нужно время! А тебе лишь бы раз-два — и готово! Имей в виду, через десять минут я принесу тебе строчку таких великолепных больших «Я», что ты их до смерти не забудешь!

Я выскочил из комнаты и позвонил по телефону приятелю, известному лирику. Спросил его, как пишется большое «Я», не знает ли он какого-нибудь подходящего способа. Он порекомендовал мне люминал и по возможности души...

Другой писатель, обратившийся к сельской тематике, счел мой вопрос оскорбительным и раздраженно пригрозил расквитаться со мной на страницах «Культурной жизни». Известная детская писательница посоветовала спросить сына, а знакомый критик утверждал, что, ей-богу, никто на свете не писал еще таких великолепных больших «Я», как напишет он через пять лет, когда его сын тоже пойдет в школу. Я начал терять надежду. Вернулся к сыну.

— Чему в молодости научишься,— сказал я немного неуверенно, но с достоинством и с видом посвященного,— в старости словно найдешь.

Он ждал.

— Чему Янко не научится,— прибавил я,— того Ян знать не будет.

Сын, очевидно, в общем был согласен, но все еще ждал. Со двора доносилось:

— Пасуй... давай в центр... по воротам... Аут!

Мальчик подошел ко мне, тронул за плечо и тихо спросил:

— А ты... умеешь писать?..

— Конечно, умею! — ответил я быстро, с большим трудом сохраняя ясность чела, беззаботность и легкомысленный оптимизм.

— Но...— замялся он, и в голосе его зазвучали глубокое сочувствие и ласка,— ты ведь все больше на машинке, правда? Руками редко?

— Да,— ответил я,— почти всегда на машинке... От руки редко... Времени не хватает и так далее...

— Ага,— кивнул он, что-то обдумывая. Затем поглядел в окно и вдруг, резко обернувшись, спросил:— Можно идти играть в футбол?..

В первый момент я ужаснулся. Не знаю, что я хотел сказать, но вздох огромного облегчения вырвался из моей груди:

— Конечно! Иди, сын мой, иди! Человек должен заботиться не только о душе, но и о теле!

Я противник односторонности... Есть некоторые интеллигенты, которые, например, пишут каллиграфически, но на спортивной площадке совершенно невозможны...

Через минуту со двора доносился знакомый голосок:

— Пасуй... Внимание, стой... По центру... Гол!..

Словно в трансе вернулся я к большому «Я». Анализировал его с точки зрения эстетической, психологической и тригонометрической.

Пришла жена и, шурша пакетами, спросила из кухни:

— Где ребенок?

— Во дворе,— ответил я. Большое «Я», жирное, как королевский удав, душило меня, словно Лаокоона и его сыновей.— Во дворе. Упражняет мускулатуру.

— Уроки он приготовил? — спросила жена. Она ничего не подозревала.

Без размышления я перешел в атаку:

— Уроки? Почему он именно сейчас, черт побери, должен делать уроки? На улице светит солнце, погода великолепна! Какой в этом смысл? Когда на улице хорошо, он должен корпеть над уроками, а как стемнеет и будет холодно, пойдет во двор?!

— Правильно,— неожиданно согласилась жена.

Хотите верьте, хотите нет,— согласилась.

Вечером они с сыном сидели за уроками. Они дописывали третью строчку больших «Я», довольно похожих друг на друга. И формой и содержанием. Без бантиков.

— Я очень и очень недовольна тобой,— говорила мама и укоризненно вертела головой.— Тебе бы следовало брать пример с папы! Он ведь никогда не получал четверок по письму. Ведь правда? — повернулась она ко мне, ожидая, что я со всей своей врожденной серьезностью поддержу ее педагогическое начинание.

Я молчал. Уже давно, не исключая дискуссии о значении и задачах Союза писателей, не пребывал я в столь глубоком молчании.

Сын уложил тетрадки и книжки в ранец.

— Мы влепили третьему корпусу пять штук,— заметил он как бы мимоходом тоном знатока.

— Это хорошо,— изрек я.— В здоровом теле здоровый дух.

Жена, само собой разумеется, подняла глаза к потолку. Но что понимают женщины в педагогике?..

Перевела со словацкого **В. ПЕТРОВА.**

«Дон Карлос» Верди. Принцесса Эболи — Рожи Делли, королева Елисабет — Мария Маттьяш.

Венгерская опера в Москве

Бела РАЙНА

«Янош Хари» Золтана Кодаи. Имрэ Палло в роли Яноша.

Несмотря на летний перерыв, в здании будапештского оперного театра оживление. Певцы, танцоры, музыканты здесь с утра до позднего вечера словно готовятся к новой, очень сложной премьере. Но ведь на сцене идут репетиции тех же опер и балетов, которые уже длительное время входят в репертуар венгерского государственного театра. В чем дело? Объяснение простое:

— Готовимся к поездке в Москву...

За последние годы многие венгерские певцы и танцоры побывали в Советском Союзе. Но другое дело — показать работу театра в целом. Имеется и еще одна важная причина для тщательных приготовлений. Венгерская государственная опера осенью начинает свой юбилейный сезон, а в 1959 году отпразднует 75-ю годовщину своего существования. В новом театральном сезоне все самое лучшее и самым лучшим образом должно быть показано и советским и венгерским зрителям. И как хорошо, что канун юбилейного сезона наш любимый театр встретит в кругу дорогих советских друзей!

Обо всем этом рассказывает нам директор театра доктор Имрэ Палло. Имрэ Палло — один из наших старейших мастеров сцены. Лауреат премии Кошута, удостоенный звания народного артиста Венгерской республики, он сорок два года жизни отдал искусству оперы. Сын простого трансильванского крестьянина, человек большого таланта и незаурядной силы воли, Имрэ Палло пробил дорогу на сцену и занял место среди ведущих венгерских певцов. Обладатель многокрасочного баритона, Палло выступал в операх Верди, Вагнера, в венгерских операх и всегда и всюду имел огромный успех. И даже когда стал директором, — а эта работа отнимает столько времени и энергии, — Палло иногда выступает на сцене.

Имрэ Палло поет заглавную партию в опере «Янош Хари» Золтана Кодаи. Это образ венгерского гусара, внешне привлекательного, но заядлого лгуна и хвастуна, кичащегося несуществующими подвигами. Венгерские зрители наслаждаются чудесным голосом и игрой Имрэ Палло не только в роли Яноша Хари. Его могут слушать сотни тысяч людей: Имрэ Палло — один из основных исполнителей лирических венгерских народных песен по радио.

К сожалению, советские зрители не встретятся с Палло-артистом. Он, правда, повезет Венгерский Государственный театр оперы и балета в Москву. Но сложное руководство многочисленным коллективом, которым он управляет вместе с главным дирижером Яношем Ференчиком и главным режиссером Кальманом Надашди, не оставляет времени для выступлений в качестве певца. Скажу все же по секрету: мы, будапештцы, очень рассчитываем на то, что известная своим радушием советская публика сумеет заставить певца Имрэ Палло продемонстрировать свой талант исполнением так любимых им венгерских песен...

— Коллектив Венгерского Государственного оперного театра, — сказал нам Имрэ Палло, — впервые вступит на русскую землю. Мы обязаны показать советским друзьям в полной мере красоту и своеобразие венгерской оперной культуры, насчитывающей около 200 лет. Ее первое постоянное прибежище — наша будапештская опера.

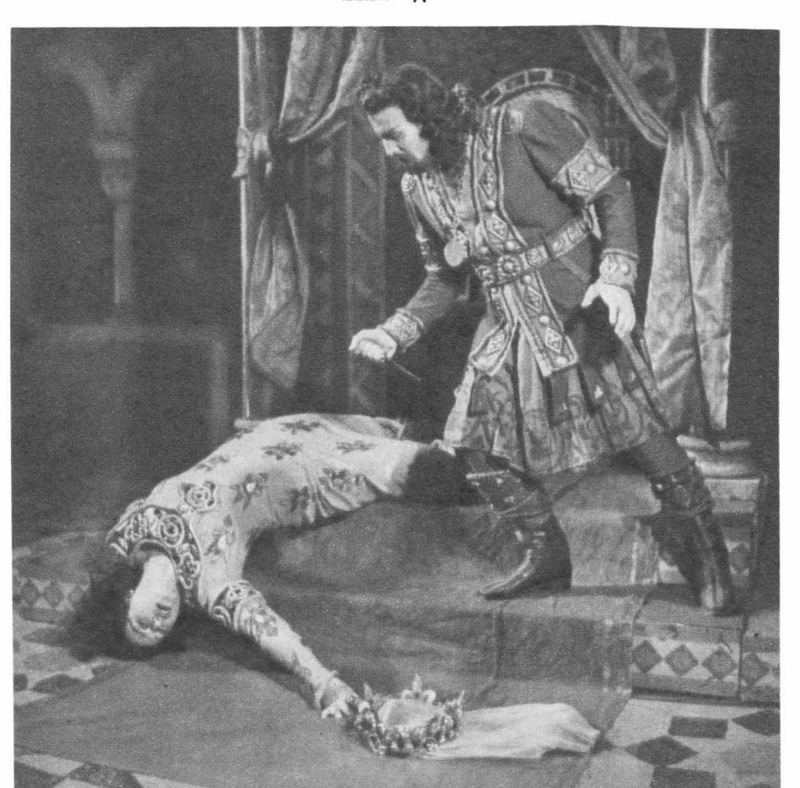
Программа уже составлена. Мы покажем москвичам классиков оперной литературы: «Дон Карлоса» Верди, «Сказки Гофмана» Оффенбаха. Но, конечно, должен прозвучать прежде всего наш собственный голос, голос венгерской музыки, в Москве, мировой столице искусства. Мы покажем оперу, которая уже известна советскому зрителю—«Банк-Бан» Ференца Эркеля, а также «Янош Хари» Золтана Кодаи. Впервые прозвучит на советской сцене единственная опера Бела Бартока — «Замок герцога Синяя борода». Красоту венгерских народных мелодий продемонстрирует музыкальная пьеса Золтана Кодаи «Секейская прядильня».

В заключение Имрэ Палло заявил:

— Я верю в наш талантливый коллектив, в то, что советские зрители, мнением которых мы очень дорожим, узнав наш театр, полюбят его.

Венгерский оперный театр уже посылал в Москву солистов: Марию Дюркович, Юлию Орос, Михая Секеи, Габриэллу Лакатош, Жужу Кун, Виктора Фюлепа и других. Теперь москвичи увидят их снова, но уже в ансамбле. И, может быть, они примут в свое сердце не только старых знакомых, но и весь оперный ансамбль, музыкантов, руководителей. Мы, будапештцы, тоже от души желаем этого!

«Банк-Бан» Ференца Эркеля. Гертруда — Клара Паланкаи, Банк — Йожеф Шиманди.

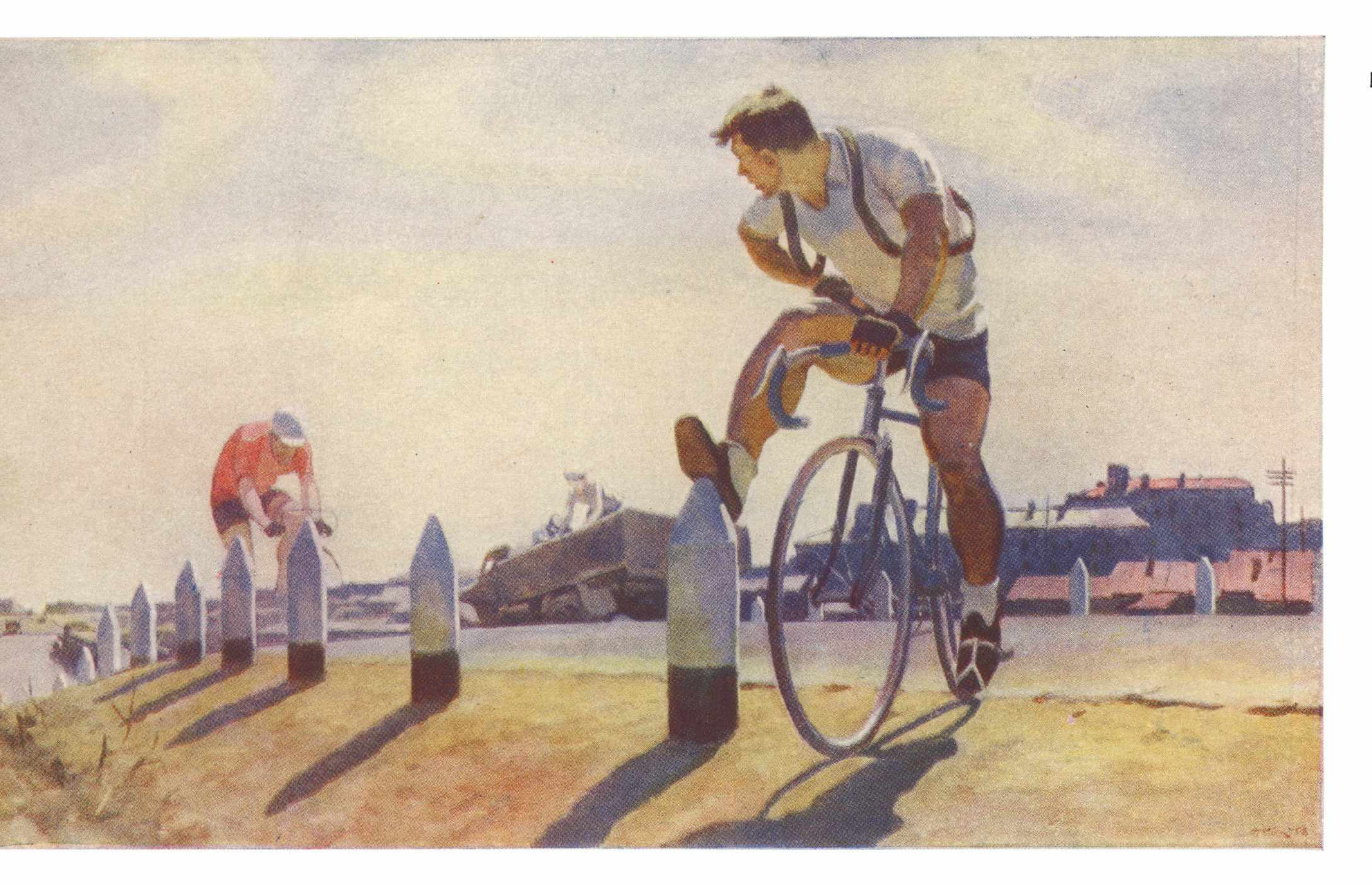
Г. М. Коржев. ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

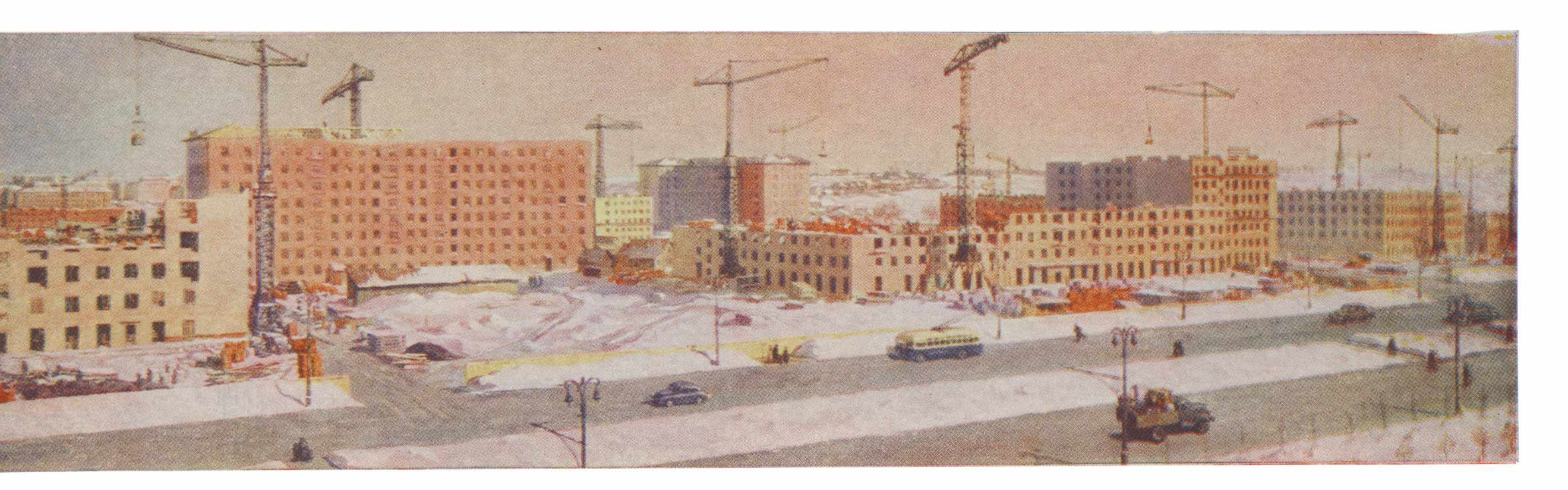
А. Н. Макаров. МАЙ.

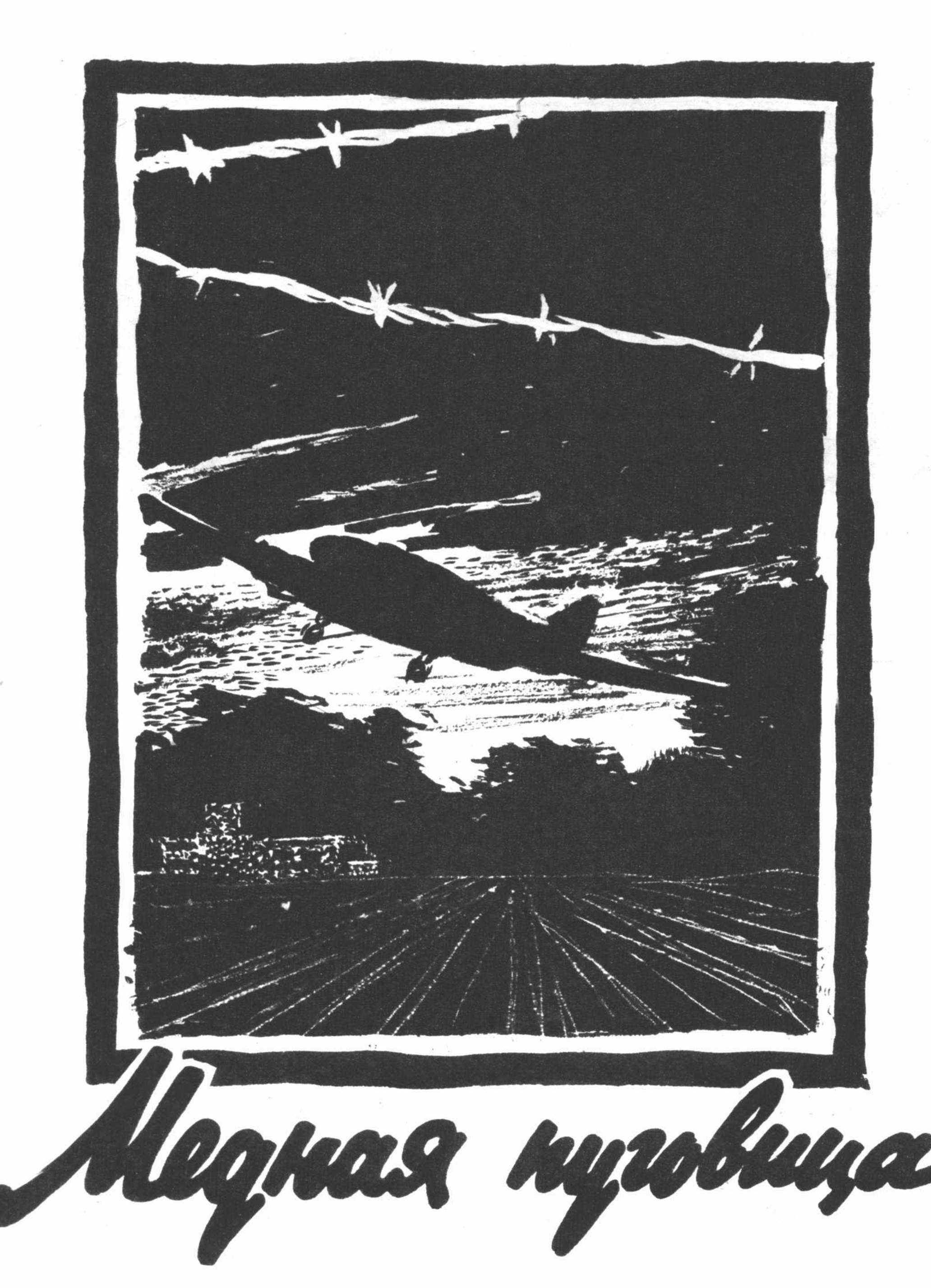

П. П. Оссовский.
НА ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЕ.

Т. И. Лифшиц.
ЮГО-ЗАПАД СТРОИТСЯ.

Медная пуговица

Роман

Лев ОВАЛОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

19. ПОЛЕТ НА ЛУНУ

Я так назвал эту главу, потому что полет, описанный здесь, совершить было столь же трудно, как лететь на луну...

Мы въехали в ворота, и они тотчас за нами захлопнулись. Штамм затормозил. Начальник охраны подбежал к машине. Занавески на ее окнах были задернуты, и нельзя было видеть, кто в ней находится. Железнов выскочил из машины и обменялся с начальником приветствиями.

— Господин лейтенант, барон просит немедленно собрать всю охрану,— сказал Железнов.— Он лично передаст свои инструкции.

— Где и когда? — лаконично спросил офицер.

— Здесь, немедленно,— распорядился Железнов.— Господин гаулейтер торопится.

По-видимому, такие внезапные приезды не были здесь редкостью: на аэродроме не один раз принимались самолеты с гостями, чьи посещения следовало хранить в тайне.

Минуты через три возле машины выстроились эсэсовцы: вместе с офицером их было одиннадцать человек.

— Все? — спросил Железнов.

— Все,— подтвердил офицер.

— А вон тот, на вышке? — указал Железнов.

— Он на посту,— объяснил офицер.

— На посту только один человек? — удивился Железнов.

— Да,— объяснил офицер.— Ограда обтянута поверху проволокой, через которую пропущен электрический ток.

— Позовите и часового,— распорядился Железнов.— Господин гаулейтер хочет лично проинструктировать все подразделение.

Офицер послал к вышке одного из эсэсовцев.

Затем все двенадцать человек выстроились прямо против машины. Железнов распахнул дверцу, и мы со Штаммом прошили их очередью из своих автоматов.

Железнов остался у ворот, а мы поехали к аэродрому.

По нашим расчетам, самолет должен был вскоре приземлиться.

Все было тихо и безлюдно: в эту ночь, очевидно, не ждали никого.

У края поля находилась какая-то будка.

Мы вошли туда, повернули выключатель. В тесной комнатке стояли стол и стулья, на стене чернел рубильник. Мы рискнули его включить и выключить: на поле на мгновение вспыхнули сигнальные электрические лампочки.

— Это удача,— сказал Штамм.— Я думал, придется сигналить ракетами.

С аэродрома поехали к домикам, в которых находились дети.

Там тоже было тихо. Мы зашли в одно из помещений.

Стояли кроватки, в них спали дети.

Их было что-то мало, часть из них уже успели куда-то деть...

В одной из комнат мы нашли трех женщин, уж не знаю, как их назвать: няньками, сиделками или надсмотрщицами.

Одна из них проснулась, когда мы вошли. Она стыдливо натянула одеяло до самого носа.

— Господин офицер! — воскликнула она, хотя я был в штатском платье, а Штамм в солдатской форме: вероятно, большинство здешних посетителей, в штатской ли они были одежде или военной, являлись офицерами.

Ее восклицание разбудило остальных.

Женщины не понимали, зачем мы пришли.

— Пойдите, Штамм, поглядите,— сказал я,— не найдется ли для них подходящего местечка.

Штамм быстро отыскал какой-то чулан, в котором не было окон, но зато снаружи имелся большой, крепкий засов.

— Отличный бокс,— сказал он.— Как раз для таких, как эти.

Мы заставили женщин подняться и загнали их в чулан.

— Если будете сидеть тихо, с вами ничего не случится,— строго сказал Штамм.— Но если вздумаете орать и безобразничать, мы вас расстреляем.

Одна из них принялась просить, чтобы их не запирали, клялась, что они ничего себе не позволят, но мы им не поверили.

В соседнем доме не оказалось никого — ни детей, ни взрослых.

На самой даче обнаружили двоих — кухарку и денщика; этих мы заперли в погреб.

Вернулись к детям, принялись поднимать их с кроватей и отнесли в машину.

Перевезли и поехали к Железнову.

Он стоял возле вышки с автоматом в руках.

— Самолет запаздывает,— с досадой сказал он.— Неспокойно что-то...

Но тут мы услышали долгожданный рокот, и я со Штаммом поехал обратно на аэродром.

Штамм подъехал к будке, вбежал в нее.

Дети, сбившись кучкой, сидели в темноте, прижавшись друг к другу, как цыплята; кто-то плакал, кто-то спал, но большинство только сопело и молчало.

Штамм включил рубильник — в поле загорелись огоньки, и несколько минут спустя большой, тяжелый самолет побежал по полю.

Мы подъехали к нему на машине.

Самолет содрогался: пилот не заглушал мотора.

Он выскочил из кабинки, вгляделся в меня в темноте.

— Беда с вами,— сказал он.— Товарищ Железнов?

— Нет, я Макаров,— сказал я.— Железнов охраняет вход.

— Ну, здравствуй,— сказал он и назвался:— Капитан Лунякин.

— Видите ли, обстановка такова...— начал я.

Но Лунякин закричал:

— Какая там обстановка! Где ваш груз? Где груз? Давайте скорее, иначе все тут останемся!

Штамм по-немецки сказал мне, что пойдет за детьми.

Лунякин подозрительно на меня посмотрел.

— А это что за немчура? — спросил он.

— Это один товарищ,— сказал я.— Проверенный товарищ. Он идет за детьми.

— Ладно, коли проверенный,— сказал Лунякин. — Все пойдем, давайте грузить побыстрее.

Около него стояли уже два его помощника — штурман и радист.

— Где они? — спросил кто-то из них; повидимому, они знали, в чем дело.

Мы все побежали к будке.

Скажем прямо, в эту ночь мы обращались с детьми не так, как принято в детских учреждениях; не было времени ни уговаривать, ни нежничать с ними; мы хватали их под мышки, по двое и даже по трое, бегом тащили к самолету, запихивали в кабину и бежали за другими.

Окончание. См. «Огонек» №№ 20—35.

В это время со стороны ворот раздался выстрел.

— Это еще что? — спросил Лунякин.

— Не знаю,— сказал я.— Но ясно, что ничего хорошего.

— Поглядим! — сказал Лунякин.

Он оставил возле самолета штурмана, и мы вчетвером — Лунякин, радист, Штамм и я — помчались к воротам.

Железнов стоял на вышке.

Мы подбежали к нему.

— Что случилось, Виктор?

— Приехали! — сказал он.— Первые гости!

Оказалось, что к воротам подъехала было легковая машина, но Железнов отогнал ее выстрелом.

Теперь машина стояла поодаль, в тени деревьев, и приехавшие пользовались ею, как прикрытием.

Я всматривался, но людей различить было трудно.

Прикоснулся к руке Железнова.

— Как думаешь, кто это?

Он усмехнулся.

— Я же сказал: первые гости. Сейчас начнут прибывать!

Люди у машины чего-то выжидали...

И вдруг мы услышали женский крик.

Я сразу узнал: кричала Янковская.

— Август, Август! — кричала она.— Берзинь, откликнитесь!

Даже здесь, даже этой ночью она была верна профессиональным навыкам и соблюдала правила конспирации, не назвав меня ни одним из других моих имен.

Я поднялся на вышку.

— Я вас слушаю! — крикнул я и пригнулся, опасаясь выстрела.

— Не бойтесь, мы не будем стрелять! — крикнула Янковская.

В темноте взметнулось что-то белое...

Она привязала к обломанной ветке носовой платок и подняла его вместо белого флага.

— Не стреляйте! — крикнула Янковская.— Я иду к воротам!

Она решительно пошла по дороге.

Этого у нее отнять было нельзя: она была смелая женщина.

— Что вы хотите? — спросил я ее, когда она подошла к воротам.

— Разве так разговаривают с парламентерами? — насмешливо сказала она.— Впустите меня.

— Зачем? — спросил я.

— Неужели вы боитесь безоружной женщины? — ответила она.— Мне необходимо с вами поговорить!

— Впустим,— решил Железнов.

Он не стал слезать с вышки, и мы со Штаммом впустили Янковскую.

— Говорите,— сказал я.— Чего вы хотите?

— Мне надо говорить лично с вами,— сказала она.— Отойдем в сторону.

Она сошла с дорожки, и я невольно последовал за ней.

— Зачем вы приехали? — спросил я.— Кто с вами?

— Никого! — Она рассмеялась.— Кому же еще быть? Вы не представляете, какой спектакль устроил мой чичисбей. Вы здорово его растравили. Я приехала бы раньше, но Гонзалес никому не давал говорить, и я не могла понять, чего добивается Польман...

Она потянула меня за руку.

— Что вы собираетесь делать? — продолжала она.— Подозрения Польмана подтвердились. Гренер ни о чем не знал. Он не получал ни списка от вас, ни указаний от шефа...

Мне об этом можно было не сообщать!

— Для чего вы все это говорите? — остановил я ее.

— Для вас! — воскликнула она.— В течение нескольких минут Польман установит, куда последовала ваша машина, и все станет ясно. С минуты на минуту сюда прибудут специальные войска. Я хочу вас спасти. Все равно вам не прорваться через линию фронта. Помогите обезоружить команду самолета, и вам обеспечено прощение. Вас не пошлют в Россию. У вас будут деньги, положение, свобода...

Она принялась торопливо уговаривать меня, сулила всяческие блага, запугивала всевозможными ужасами!

Может быть, дорогой она еще воображала, что сможет меня уговорить, но, едва заговорив, я думаю, сразу поняла бесполезность затеянного разговора. Она торопливо повторяла фразу за фразой о красивой жизни, личной свободе и обеспеченном положении, но сама уже не верила в убедительность своих доводов. Она продолжала говорить, а в сознании ее зрело другое решение, потому что внезапно она отскочила от меня и выхватила из кармана пистолет.

У меня мелькнула мысль, что на этот раз она не пощадит Макарова, но нет, она целилась в Лунякина!

Не знаю, случайно она его выбрала или угадала в нем пилота, но этим выстрелом она могла погубить нас всех...

Она умела принимать молниеносные решения!

Одним прыжком я очутился возле нее и сбил с ног.

Ко мне подбежал Лунякин, и ремнями, снятыми с мертвых эсэсовцев, мы скрутили ей руки и ноги.

— Что там у вас, Андрей Семенович? — закричал Железнов.

— Янковская хотела его застрелить! — объяснил я, указывая на Лунякина.

Я приблизился к вышке и передал Железнову слова Янковской о том, что с минуты на минуту должны прибыть специальные части.

— Чего же вы медлите? — сказал он.— Не пропадать же всем...

Он поискал глазами Штамма.

— Товарищ Штамм! — подозвал он его.— На два слова!

Они перекинулись между собой несколькими отрывочными словами.

— Так вот, товарищи,— внятно и не торопясь произнес Железнов.— Решение принято. Экипаж возвращается в самолет, и товарищ Макаров тоже, а мы с товарищем Штаммом постараемся вас прикрыть.

— Ты можешь лететь с нами! — воскликнул я.

Железнов указал на ограду.

— Думаешь, эти не попытаются проникнуть сюда? А мы не знаем всех секретов здешнего аэродрома! Нельзя рисковать ни самолетом, ни людьми. Да и выезда мне никто не разрешал! Пока что мы не впустим тех, что за воротами, и будем задерживать тех, что прибудут...

— Нет,— сказал я.— Я не согласен! Ты полетишь с нами!

— Вы недостаточно дисциплинированны, товарищ Макаров,— сказал Железнов.— Но на этот раз номер не пройдет. Вас ждут в штабе армии. Понятно? Приказ командования! Посмейте ослушаться, и вас расстреляют за невыполнение боевого приказа!

Он тотчас от меня отвернулся и пожал руку Лунякину.

— Большое спасибо за помощь...— Голос его на мгновение перехватило, но он сейчас же оправился.— Передайте...

Но так больше ничего и не сказал.

— Майор Макаров, подмените шофера,— приказал он.— Садитесь.

Он указал головой в сторону Янковской.

— И заберите с собой эту особу,— сказал он.— Незачем оставлять ее здесь, сдадите в Особый отдел.

Он опять обернулся к Лунякину.

— Товарищ Лунякин, попрошу...

Пилот и штурман подошли к Янковской, подняли ее, как мешок, и довольно бесцеремонно сунули в машину.

— Товарищ Штамм, забирайте автомат и гранаты и лезьте на крышу,— сказал Железнов.— А я останусь на вышке.

Штамм поднял автомат.

— Пожми ему руку,— сказал Железнов.

Я простился со Штаммом, и он пошел к сторожке.

— А теперь торопись,— сказал Железнов.— Поцелуемся.

Мы поцеловались, я отвернулся и, не оглядываясь, побежал к машине.

И почти тут же услышал выстрелы...

Сперва несколько одиночных выстрелов, а затем частую, непрекращающуюся стрельбу. Стреляли где-то в отдалении, за оградой. Выстрелы раздавались со стороны поля, но потом стрельба послышалась и со стороны дороги...

Я прислушался и вернулся к Железнову.

— Слышишь? — спросил я.— Что это может значить?

— Наши! — закричал Виктор.— Тут неподалеку действует одно партизанское соединение. Им послали приказ — подойти и обеспечить операцию. Следовательно, получили!

Кажется, не было в этой войне момента, когда нельзя было бы не ощутить плеча товарища!

— Значит, порядок? — воскликнул я.— Теперь и ты можешь с нами...

— Нет, не значит, никто не разрешал мне покидать Ригу,— сердито откликнулся Виктор.— И вообще, товарищ майор, почему вы нарушаете приказ? В машину, на самолет, и попрошу больше не задерживаться!

Я не мог не подчиниться и побежал обратно к машине.

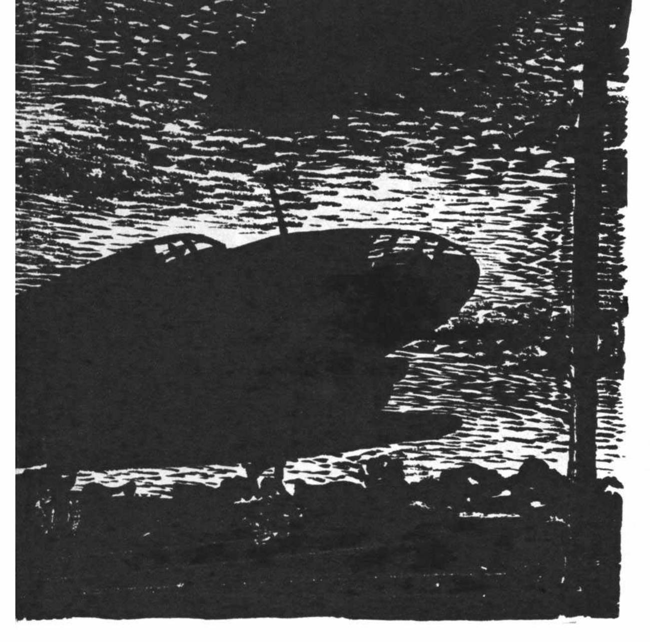
Однако на сердце у меня стало как-то спокойнее...

— Давай, давай, майор, теперь дорога каждая минута,— сказал Лунякин.— Что там за стрельба?

— Партизаны! — объяснил я.— Специально, чтобы обеспечить нашу операцию.

— Добро,— довольно сказал Лунякин.— Сейчас мы рванем!

Мы проскочили аллею и помчались через луг к самолету.

Стрельба делалась все ожесточеннее, видно, бой завязывался всерьез...

Специальные части напоролись на неожиданное сопротивление.

Я тормознул прямо с хода...

Штурман подбежал к машине.

— Долгонько.

— Ладно,— сказал Лунякин.— Ребят в сторожке не осталось?

Штурман помотал головой.

— Тогда по местам...

Летчики очень спешили. Янковскую бросили внутрь. Подсадили меня.

Через несколько минут мы оторвались от земли.

Когда мы набирали высоту, до нас донесся глухой взрыв.

Вскоре мы уже не слышали ничего. Впервые с момента выезда из Риги я взглянул на часы. Мне казалось, что прошло бесконечно много времени. На самом деле все наши перипетии заняли немногим более часа. Мотор рычал все яростнее: Лунякин набирал высоту. Я нащупал в кармане свой сверток и почувствовал, как во мне нарастает желание поскорей от него освободиться...

Земля под нами пропала совсем, и мы взмыли в черное бездонное небо.

20. РАЗГОВОР НАЧИСТОТУ

То, что произошло в Риге после нашего отбытия, стало известно мне лишь со слов Пронина и много времени спустя.

Расставшись со мною, Польман отправился к Гренеру, но Гонзалес, как я и рассчитывал, очутился там раньше.

Из цирка он прямиком помчался на квартиру к Гренеру, где и узнал, что тот действительно женится на Янковской и готовится вместе с ней к отъезду,— об этом ему без всяких обиняков объявил сам Гренер и тут же приказал денщикам выбросить буянящего артиста вон.

Гонзалес впал в неистовство.

Тут как раз прибыл Польман, потребовал, чтобы Гонзалес его пропустил, но это только подлило масла в огонь.

На шум появились Гренер и Янковская, снизу принеслась охрана. У входа в квартиру произошла форменная свалка. Обезумевший от ревности Гонзалес с ножом кинулся на Гренера, Польман попытался вмешаться. Гонзалес замахнулся на Польмана, и кто-то из эсэсовцев, спасая своего начальника, пристрелил незадачливого ковбоя.

Во всяком случае, такова была версия, услышанная на следующий день Прониным, хотя он допускал, что Янковская сама могла воспользоваться возникшей сумятицей и собственноручно пристрелить Гонзалеса или же надоумить на это кого-либо из эсэсовцев. Ей была выгодна эта смерть: она разом избавлялась и от назойливого поклонника и от свидетеля многих темных ее дел.

Все же Гонзалес успел ранить Польмана; рана, как выяснилось во время перевязки, оказалась неопасной, но в первый момент растерялись все, начиная с самого Польмана.

Гренер кинулся оказывать Польману помощь. Тот пытался еще во время перевязки узнать, насколько справедливы слова Блейка о передаче списка и новом задании, полученном от генерала Тэйлора, но Гренер, поглощенный перевязкой, не сразу сообразил, чего добивается Польман, и, пока они дотолковались, прошло какое-то время.

Зато Янковская моментально все поняла, ей вспомнились мои расспросы об аэродроме, она выскочила из комнаты, кинулась вниз к машине Польмана и от его имени приказала шоферу везти ее в Лиелупе.

Нужно было во что бы то ни стало воспрепятствовать моему отъезду, а может быть, и уничтожить меня: вырвавшись из-под ее опеки, я тоже превращался в лишнего и опасного свидетеля ее дел...

Тем временем Польман выяснил наконец у Гренера все, что было нужно. Установить, куда проследовала машина гаулейтера Риги, не представляло труда, он немедленно отдал команду выслать к даче отряд специального назначения и тут же выехал сам...

Но история с Гонзалесом отняла достаточно времени, и когда Польман устремился в Лиелупе, мы уже собирались в путь-дорогу.

О приземлении самолета Польман узнал уже на месте. Прибыв в Лиелупе в тот момент, когда мы набирали скорость, он сразу поднял на ноги противовоздушную оборону и приказал прибывшим одновременно с ним солдатам атаковать дачу и сбить поднимающийся самолет...

Не их вина, что Лунякин ушел и от зенитного обстрела и от высланных в погоню «мессершмиттов»!

Эсэсовцы еще прежде, чем кинулись в атаку, были обстреляны партизанами со стороны шоссе, а Железнов и Штамм, один с вышки, а другой с крыши сторожки, взяли под перекрестный огонь тех, кто пытался проникнуть за ограду.

И здесь о Штамме следует сказать особо.

Кто он такой, я узнал после войны. Механик машиностроительного завода, рабочий, сочувствовавший социал-демократам, он по возможности старался держаться подальше от политики. Приход нацистов к власти его не слишком обрадовал, но и не вызвал с его стороны особого протеста: он хотел посмотреть, что из этого получится. А когда увидел, стал держаться от политики еще дальше: поддерживать политику нацистов честному человеку было стыдно, а бороться против нее опасно. Когда началась война и Штамма мобилизовали в армию, было установлено, что политикой он никогда не занимался, и его назначили шофером, сперва в какую-то эсэсовскую часть, потом в штаб охранных отрядов, и, наконец, он попал к гаулейтеру Риги.

Однако во время войны оставаться нейтральным было нельзя, приходилось или самому участвовать в убийствах и бесчинствах, или стараться этому помешать...

Неверно было бы сказать, что Пронин и Штамм случайно нашли друг друга.

Гашке внимательно присматривался ко всем, с кем ему приходилось сталкиваться в немецком тылу.

— Что должен делать в моих условиях честный человек?—спросил как-то Штамм у Гашке.

— Ну, знаете ли, честный человек должен сам ответить себе на этот вопрос,— уклончиво отозвался Гашке.

Постепенно они сблизились, и Штамм начал помогать Пронину, сперва в мелочах, а затем и в серьезных делах.

И поэтому, когда пришла трудная минута, Пронин обратился к нему.

Пронин рассказывал, что, когда он пришел к Штамму и познакомил его с существом дела, тот ограничился немногими словами:

— О чем говорить, товарищ Гашке? Каждый честный человек обязан бороться против фашизма. Я отвезу товарищей в Лиелупе. Подумаем, как нам это организовать.

Однако он не только отвез нас, но и с оружием в руках прикрывал наш отъезд...

Конечно, долго сопротивляться Железнов и Штамм не могли, но на какое-то время задержали эсэсовцев... В конце концов эсэсовские пули настигли обоих; раненные, они принялись отходить в глубину парка... Сами бы они оттуда не выбрались, но их нашли партизаны и, отступая, унесли с собой.

Тем временем самолет, пилотируемый Лунякиным, избежав обстрела зенитных орудий и встреч с вражескими истребителями, приземлился в расположении нашей армии.

Лунякин совершил посадку и пошел доложиться своему командиру. Мы со штурманом вывели из самолета голодных и перепуганных детей и вызвали санитарные машины.

Медики опередили особистов: детей погрузили в машины — только мы их и видели.

Впрочем, одна женщина-врач с капитанскими погонами успела подойти ко мне и спросить:

— Это вы доставили детей?

— Пожалуй, что и я,— признался я.

— Эх, вы! — сказала тогда она.— Вас бы судить надо за такое обращение с детьми...

Но она, к счастью, уехала: накормить детей для нее было важнее, чем отдать меня под суд.

Потом из штаба армии пришел «виллис», мы со штурманом завезли Янковскую в Особый отдел, я сдал свой пакет, доложился о прибытии и отпросился спать: в тот момент я хотел только спать и ничего больше.

Меня вызвали в Особый отдел на следующий день и в течение трех дней допрашивали в качестве свидетеля по делу Янковской, а еще через день я был вызван на заседание военного трибунала.

Я не буду подробно описывать этот суд, здесь не место для газетного отчета, скажу только, что суд шел по всем правилам и даже без обычной спешки, свойственной судам в военной обстановке.

Янковская признала себя виновной в шпионаже.

— Да, это моя профессия,— заявила она.— Да, моя деятельность была направлена против Советского Союза.

В качестве свидетелей были вызваны Лунякин и я.

Председатель суда предложил мне рассказать все, что я знаю о Янковской.

В моем рассказе было много неясностей. Скорее я возбудил в членах суда любопытство, чем удовлетворил его. Гораздо больше своими показаниями я поразил Янковскую. Вероятно, она не ожидала, что я скажу в с ю правду, не скрывая собственных оплошностей и просчетов.

— Может быть, вы все-таки сообщите нам всем обстоятельства своего знакомства с Макаровым? — обратился к ней председатель.— Это послужит на пользу делу и даже вам.

Янковская наклонила голову.

— Хорошо,— сказала она.— Хотя вряд ли мне от этого будет польза.

И она стала рассказывать...

Нет нужды полностью пересказывать показания Янковской, но для того, чтобы многое наконец стало понятным, придется вкратце вернуться к событиям того памятного вечера, когда мы с нею познакомились.

Да, собственно говоря, она с них и начала.

Она коротко и в общем правильно охарактеризовала обстановку, сложившуюся тогда в Риге, и очень просто объяснила загадочные явления, так поразившие меня, когда я впервые увидел эту женщину.

Буржуазная Рига всегда была сборищем шпионов; по своему географическому и поли-

тическому положению она занимала на западе такое же место, какое Шанхай, например, или Харбин занимали на востоке.

Янковская была связана с тремя разведками: в капиталистическом мире один шпион нередко работает на две и даже на три разведки одновременно, их называют «двойниками» и «тройниками». Янковская и являлась таким «тройником», хорошо понимая, какой из трех спорящих богинь должен отдать предпочтение умный Парис.

Блейк, разумеется, не знал всего этого о своей помощнице. Офицер английской секретной службы, он честно служил своему правительству; он и погиб потому, что принадлежал к тем англичанам, которые не хотели служить на побегушках у заокеанских дельцов.

Собирая военную информацию и выполняя поручения, связанные с подготовкой к войне, Блейк думал не только о предстоящей войне, но и о том, что будет после войны; он уже готовился к деятельности, которая и после войны помогала бы капиталистам извлекать свои прибыли и которая в наше время именуется «холодной войной».

Тревожная атмосфера, в которой действовали все эти крупные и мелкие агенты капиталистических держав, достигла особого накала в связи с появлением в Риге некоего господина Хэндшема, одного из представителей секретной службы Великобритании, который приехал в Ригу под видом богатого коммерсанта, путешествовавшего по Советскому Союзу вместе со своей супругой.

Хэндшему необходимо было встретиться с Блейком, но так, чтобы не бросить на последнего никакой тени. Через Янковскую Блейку было передано поручение встретиться вечером с Хэндшемом в ресторане: сразу после свидания ночным рейсом Хэндшем должен был вылететь в Стокгольм.

Янковской представилась единственная возможность перехватить сведения о подготовленной Блейком агентуре, на чем категорически настаивала заокеанская разведка, с которой к тому времени была основательно связана Янковская.

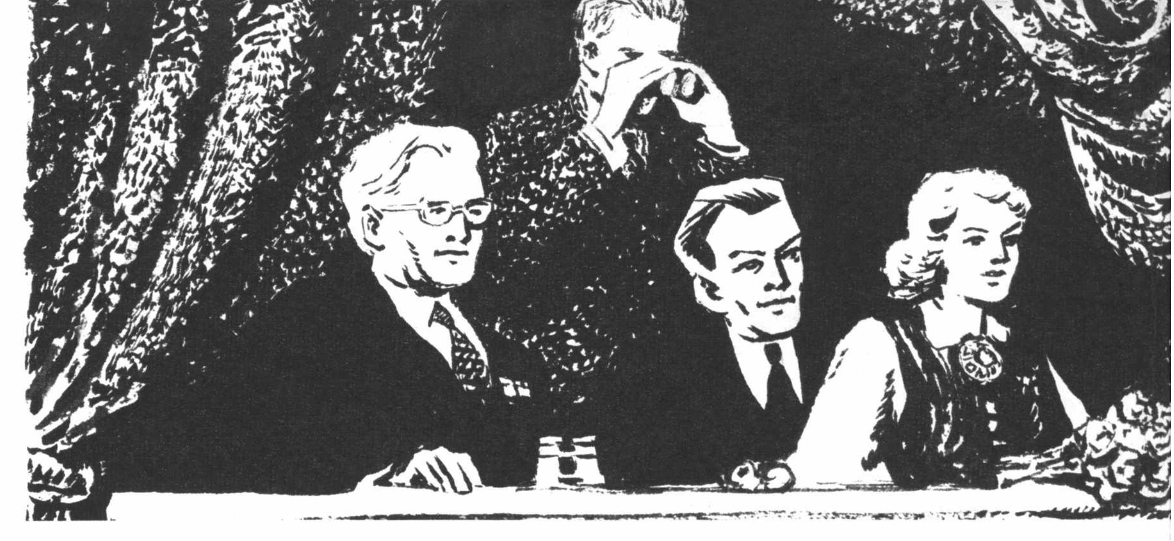
Янковская отлично понимала, что приказание достать список равнозначаще приказанию убить Блейка. У нее, в общем, было безвыходное положение: не выполнить приказания — значило быть наказанной, то есть попросту убитой, убийство же Блейка грозило преследованиями со стороны Интеллидженс сервис. Янковская предпочла не ссориться со своими заокеанскими начальниками.

На помощь она взяла Смита, который был приставлен к ней для выполнения отдельных поручений и которому она откровенно сказала, что придется убить Блейка — в таких делах от Смита нечего было прятаться. Смиту на это было тем легче согласиться, что он ревновал Янковскую к Блейку, впрочем, как и ко всем, с кем она общалась.

Но за деятельностью Блейка не менее тщательно наблюдали и немцы. После провозглашения в прибалтийских республиках Советской власти немцам, жившим в Прибалтике, была предоставлена широкая возможность репатриироваться. В связи с этим из Германии понаехало множество всяких уполномоченных по репатриации, и среди них было достаточно шпионов. Немецкие разведчики даже опекали Блейка, имея, конечно, на него свои виды, и всячески оберегали от посягательств заокеанской разведки.

События развивались в такой последовательности. Янковская передала Блейку, что его будут ждать вечером в ресторане отеля «Рим», а несколько позже предупредила Смита, что ей приказано убить Блейка. Вечером Янковская пришла к Блейку, между ними произошел неприятный разговор, и затем она его убила. В это время позвонил телефон. Янковская сказала, что господин Берзинь не может подойти и просит сказать, что от него нужно. Тот кто звонил, не называя себя, сказал, что место свидания переносится, с господином Берзинем встретятся в назначенное время на набережной Даугавы. Янковская не узнала голоса Хэндшема, но она могла ошибиться. Если же это был не Хэндшем, то это могли быть только немцы.

Янковская вышла из квартиры Блейка, дошла до здания, занимаемого штабом нашего

военного округа, и дождалась моего появления.

Еще впервые, увидев меня, она обратила внимание на мое сходство с Блейком, и в тот вечер решила использовать это сходство в своих интересах.

А обо мне ей стало известно вскоре после моего приезда в Ригу. Один из монтеров, обслуживавших здания нашего военного ведомства, сообщал ей о всех новых офицерах, появлявшихся в штабе.

С целью выпытать от меня какие-либо военные секреты она была не прочь познакомиться со мной, а если возможно, то и влюбить в себя, но повода для знакомства найти не удавалось.

Однако обстоятельства, в которых она запуталась вследствие своей сложной игры, заставили ее обратиться ко мне с просьбой проводить ее по набережной.

Если бы нам повстречался Хэндшем, она отошла бы к нему, объяснив, что за мной идет слежка. Мельком увидев меня и получив от Янковской список, Хэндшем не усомнился бы в подлинности Блейка.

Но едва появилась машина, как у Янковской исчезли всякие сомнения в том, что свидание на набережной назначено немцами, пронюхавшими о предстоящей встрече. Машина принадлежала одному из германских уполномоченных по репатриации. Немцы не могли не предположить, что Блейк передаст Хэндшему какие-то документы. Приняв меня за Блейка, они могли меня или захватить, или убить.

Поэтому Янковская и изобразила из нас влюбленную пару. Немцы помчались дальше, а Янковская заторопилась на свидание с Хэндшемом.

За Блейка принял меня Смит, который решил, что Янковской не удалось покушение. Они условились, что Смит пристрелит Блейка, если тот появится на улице. Смит предупредил свою сообщницу свистом, но Янковская предотвратила ненужное убийство.

Когда мы дошли до угла, Смит, издали следовавший за нами, убедился в своей ошибке, но снова выстрелил, заметив, как ему показалось, мою попытку похитить сумку Янковской...

На этом бы все и закончилось, не вздумай я отправиться в ресторан на поиски таинственной незнакомки.

Янковская нашла Хэндшема за столиком и сказала, что Блейк подвергся нападению и тяжело ранен. Хэндшем встревожился, но она успокоила его, сказав, что убийцам список похитить не удалось, и отдала ему один экземпляр списка, умолчав, разумеется, о другом. Она высказала предположение, что это — дело рук советской разведки. В это время появился я и, увы, не сумел скрыть своего внимания к Янковской. Хэндшем заинтересовался мною. Янковская сказала, что я офицер советской разведки, давно интересуюсь Блейком и Янковской, что она только что встретила меня на набережной и вполне возможно, что это я и пытался убить Блейка.

Хэндшем приказал меня убрать, предупредив, что еще до отъезда проверит, как выполнено его поручение. Янковской не оставалось ничего другого, как опередить меня и отправиться к моему дому.

Она взяла с собой Смита, и они вдвоем притаились на лестнице. Смит и осветил меня сверху, когда я поднимался...

Покушение на мою жизнь совпало с первой бомбардировкой Риги. Янковская сразу догадалась, что означают донесшиеся до нее взрывы, и с обычной для себя быстротой решила сохранить мне жизнь.

В новой ситуации Блейк, послушный и ничего не знающий о ней новый Блейк, мог очень и очень ей пригодиться...

Идея выдать меня за Блейка озарила ее в то самое мгновение, когда она хладнокровно выполняла приказание Хэндшема. Можно сказать, эта мысль отвела ее руку от моего сердца, но... не от груди; если я в этой ситуации и нужен был Янковской, то только в беспомощном состоянии.

Она меня не убила, но тяжело ранила. Вытащить меня в бессознательном состоянии из дома с помощью Смита не представляло особого труда, они проделывали вещи и посложнее. Меня перевезли на квартиру Блейка, а труп Блейка забрал Смит. Утром этот труп, изуродованный настолько, чтобы не было заметно разницы между Блейком и Макаровым, был найден в одном из переулков, под обломками дома, разрушенного немецкой бомбой. Одежда и документы подтверждали, что это Макаров. Макарова похоронили товарищи, а тяжелораненого Берзиня Янковская поместила в больницу.

Покуда Берзинь находился между жизнью и смертью, Рига была оккупирована немцами. Они и сами знали, кто скрывается под именем Берзиня, и Янковская поставила их об этом в известность, тем более, что по линии заокеанской разведки ее непосредственным начальником стал профессор Гренер, давно уже связанный с этой разведкой.

В общем, все, о чем она рассказывала, было известно, и она мало отклонялась от истины.

Судебное разбирательство шло к концу.

Председатель суда, пожилой полковник в очках, бросил на меня вопросительный взгляд и больше для проформы спросил:

— Имеете что-либо добавить?

Я покачал головой:

— Нет, что же... Все правильно...

Да, все, что говорила Янковская, было правильно, и, тем не менее, она уходила от ответственности. Да, собирала информацию для одних, для других; мне даже спасла жизнь, во всяком случае, после ее рассказа могло создаться такое впечатление; и если бы не покушение на Лунякина, которое она склонна была объяснить своей экзальтированностью, она могла бы даже рассчитывать на снисходительный приговор...

Но снисходительное отношение к таким преступникам — глубочайшая несправедливость по отношению к тысячам невинных людей, которыми играют и жертвуют себялюбивые и циничные личности вроде Янковской ради удовлетворения своих корыстных интересов!

— Правильно,— повторил я.— Но...

Председатель взглянул на меня.

— Госпоже Янковской следовало бы сказать о своем сотрудничестве с профессором Гренером,— сказал я.— Это сотрудничество заслуживает внимания суда!

— Суд не должен интересоваться моими отношениями с этим человеком! — запальчиво перебила меня Янковская.— Никто не имеет права касаться моей интимной жизни!

Ей очень, очень хотелось скрыть некоторые стороны этой жизни!

— А дети? — задал я ей вопрос.

— Что — дети? — переспросила она.

— Дети, которых вы доставляли профессо-

ру Гренеру для его преступных экспериментов?

— Что, что? — переспросил председатель суда.

И я рассказал суду обо всем, что мне довелось видеть в оккупированной Риге.

И о повешенных на бульварах, и о подростках, угоняемых в Германию, и о детях на даче Гренера, и о том, что Янковская самолично отбирала детей для опытов своего ученого поклонника...

Председатель суда склонился над столом и принялся заново перелистывать следственное дело.

— Преступление против человечности, — сухо заметил он и повернулся к Янковской.— Что вы можете сказать по этому поводу?

Но у Янковской хватило храбрости усмехнуться.

— Макаров все это говорит из ревности,— сказала она, щуря свои дерзкие глаза.— Они с Гренером постоянно ревновали меня друг к другу...

Тут Янковская внезапно поднялась, какими-то совершенно умоляющими глазами посмотрела на своих судей и протянула ко мне руку.

— Андрей Семенович, ведь мы никогда уже с вами не увидимся. Не обижайтесь на меня. Но неужели вы способны забыть вечера, проведенные нами вместе?..

И я, правду сказать, смутился...

Председатель пожал плечами, провел ладонью по залысине и поправил очки.

Мне непонятен был смысл сказанного, но Янковская не замедлила его разъяснить.

— Как видите, майор Макаров не может отрицать нашей близости,— обратилась она к председателю суда, посматривая то на него, то на меня своими кошачьими глазами.— Только он спешит уйти от ответственности!

Председатель строго посмотрел на Янковскую и опять поправил очки.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что Макаров — такой же шпион, как и я,— отчетливо произнесла она звенящим и чуть дрожащим голосом.— И даже чуть покрупнее!

Янковская замолчала.

— Мы вас слушаем,— поторопил ее председатель.— Говорите, говорите!

— Он заслан сюда заокеанской разведкой,— с каким-то отчаянием произнесла Янковская...

И принялась рассказывать о моем свидании с господином Тэйлором, о том, что я им завербован, о том, что я снабжал его ведомство ценной информацией и что это я выдал гестаповцам коммуниста и партизана, скрывавшегося у меня под фамилией Чарушина... Да, она сказала все это, пытаясь утопить меня вместе с собой.

— Чем вы это можете доказать? — холодно спросил председатель.

— Спросите его! — с какой-то пронзительностью выкрикнула она, как бы нанося мне удар.— Почему он скрывает, что в Стокгольме на его текущем счету лежат пятьдесят тысяч долларов?

Все-таки она была убеждена, что деньги — это самое главное в мире!

Она привела факты и думала, что мне от них никуда не деться, но я даже не успел обратиться к суду.

• — Вы можете быть свободны, товарищ Макаров,— повторил председатель с неизменной холодностью в голосе, но в глазах его засветилась какая-то теплота.— Суду известно, кем санкционированы ваши переговоры с генералом Тэйлором, а что касается денег, переведенных на ваше имя... — Председатель назвал даже банк, на который был получен аккредитив, слегка наклонился в сторону Янковской и продолжал уже как бы специально для нее: — Что касается денег, они были получены по поручению товарища Макарова и даже израсходованы, но только не на его надобности...

Я посмотрел на председателя суда, и он кивнул мне, давая понять, что я могу удалиться. Я пошел к выходу.

— Андрей Семенович! — внезапно услышал я за своей спиной дрожащий голос Янковской.— Все это неправда, неправда! Я все это говорила для того, чтобы вы разделили мою судьбу... Потому что... Да обернитесь же! Потому что я вас любила...

Но я не обернулся.

Я понимал, что ей хотелось исправить впечатление от своей лжи, но я хорошо знал, что и эти ее последние слова — такая же невозможная ложь, как и вся ее жизнь.

ЭПИЛОГ

Вот, пожалуй, и все.

Сравнительно много времени прошло с тех пор, но из памяти никак не изгладятся события, описанные мною в этой рукописи.

Окончилась война, я встретился с девушкой, которую любил. Получив известие о моей гибели, она не поверила в мою смерть, а если немного и поверила, в ее сердце не нашлось места другому. Она терпеливо ждала меня. С неизменным волнением слушает жена мои рассказы о Риге и только всегда хмурится, когда я называю имя Янковской...

Разыскал меня после войны и Иван Николаевич Пронин, мы встретились с ним у меня дома. Естественно, что первым долгом я тотчас осведомился о Железнове.

— Где он? Как он? Что с ним?

Но Пронин уклонился от прямого ответа на мои расспросы.

— Когда-нибудь после,— сказал он.— Это сложный вопрос...

И так ничего больше мне не сказал, и я понял, что дальнейшая судьба Железнова — это, очевидно, целый роман, который еще не время опубликовывать.

Потом мы коснулись нашей жизни в Риге, наших поисков, наших общих огорчений и удач.

— Ну, а что сталось с вашей агентурой, знаете? — спросил Пронин.— Со всеми этими «гиацинтами» и «тюльпанами»?

— Те, кто уцелел, вероятно, арестованы?— высказал я догадку.

— Да, большинство арестовано,— подтвердил Пронин и усмехнулся.— Но трех или четырех не стоило даже трогать, на всякий случай за ними присматривают, хотя оставили их на свободе.

Мы еще поговорили о том, о сем...

Я выразил и удивление и восхищение быстротой и тщательностью, с какой Пронин сумел оборудовать рацию капитана Блейка.

Пронин снисходительно усмехнулся.

— Обычная практика. В таких обстоятельствах мы не то что английский передатчик, черта бы из-под земли выкопали...

Несколько лет спустя после этой встречи мне довелось проездом побывать в Риге, задержаться там я мог всего на один день.

Я походил по городу; он был по-прежнему красив и наряден, зданий, разрушенных войной, я уже не нашел, на смену им поднимались другие. Подошел я и к дому, в котором квартировал у Цеплисов; дом сохранился, но жили в нем другие жильцы.

Юноша, открывший мне дверь, сказал, что Цеплис работает в одном из сельских районов секретарем райкома партии.

Мне хотелось его повидать, но я не располагал временем на разъезды. По возвращении в Москву я написал Мартыну Карловичу письмо, и теперь мы с ним обмениваемся иногда письмами.

Попытался найти Марту, но я не знал, где ее искать, а в адресном столе Марта Яновна Круминьш не значилась.

Потом мне пришла в голову мысль съездить на кладбище. Я прошелся по аллеям, побродил между памятников и крестов и, удивительное дело, нашел собственную могилу: памятник майору Макарову сохранился в неприкосновенности.

Что еще остается сказать?..

По роду своей работы мне приходится следить за иностранной прессой, правда, я интересуюсь больше специальными вопросами, но попутно читаешь и о другом.

Профессор Гренер перебрался-таки за океан, у него там свой институт, он там преуспевает.

Мне пришлось как-то прочесть письмо нескольких ученых, опубликованное в крупной заокеанской газете, в котором они поддерживали венгерских контрреволюционеров и с нескрываемой злобой выступали против венгерских рабочих и крестьян, требуя обсуждения «венгерского вопроса» в Организации Объединенных Наций. В числе прочих под письмом стояла и подпись профессора Гренера.

Ну, и в заключение еще об одной встрече с Прониным, которая имеет некоторое отношение к описанным событиям.

После всего того, что я пережил в Риге, нерушимая дружба связала меня с латышами, навсегда запечатлелись в моем сердце образы мужественных латвийских патриотов, и все, что так или иначе касалось теперь Латвии, стало для меня не безразлично.

Зимой 1955 года в Москве проходила декада латышского искусства и литературы, и Пронин пригласил меня посмотреть пьесу Райниса. Во время спектакля Пронин все время обращал внимание на одну актрису, называл ее, хвалил, подчеркнуто ей аплодировал, как это мы часто делаем по отношению к своим личным знакомым.

Потом он слегка меня толкнул и спросил:

— Неужели не узнаете?

Какое-то смутное воспоминание мелькнуло передо мной и растаяло.

— Нет,— сказал я.

— Неужели не помните? — удивился Пронин.— Баронесса фон Третнов!

Валькирия из Межапарка!

— Так это была артистка! — воскликнул я.

— Рижская работница,— поправил меня Пронин.— Она и не помышляла о театре. Это товарищи после ее выступления в роли баронессы фон Третнов натолкнули ее на мысль об артистической карьере...

А в антракте Пронин велел мне посмотреть в правительственную ложу. Он указал на пожилого человека, беседовавшего в этот момент с одним из руководителей нашей партии.

— Тоже не узнаете? — спросил Пронин.— Букинист из книжной лавки на Домской площади!

Но я не узнал его даже после того, как Пронин сказал мне, кто это такой.

Так познакомился я с судьбой еще двух действующих лиц этого, так сказать, приключенческого романа...

И, кажется, можно поставить точку.

Кто-то это прочтет, переберет в памяти страницы собственной жизни, поверит мне, а может быть, и не поверит, а потом забудет...

Только мне самому ничего, ничего не забыть!

Осенью, обычно осенью, когда особенно часто дает себя знать простреленное легкое, я подхожу иногда к письменному столу, выдвигаю ящик, достаю большую медную пуговицу с вытисненным на ней листиком клевера, какие в прошлом веке носили на своих куртках колорадские горняки, долго смотрю на эту реликвию, и в моей памяти вновь и вновь оживают описанные мною события и люди.

БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ СОЗИДАТЕЛЯМ

К предстоящей конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте

Д-р Г. П. МАЛАЛАСЕКЕРА,
посол Цейлона в СССР

Вывести мир из нынешнего тупика — это настоятельнейшая задача. Она уже перестала быть предметом академических споров, она превратилась в жизненную, всеохватывающую задачу, которая должна быть разрешена немедленно, сейчас; решение нельзя откладывать на завтра. Новые, устрашающие силы разрушения вошли в обиход, и человечество, если только оно сознает свое предназначение, должно найти средство обуздать их.

Многими проблемами занято человечество, и некоторые из них чрезвычайно сложны. Существуют недоверие и подозрительность между народами, страх и порождаемая им ненависть. Надо напрячь силы, чтобы преградить путь стихии, построить мосты взаимопонимания и доброй воли. Требуется новый и вдумчивый подход.

В истории человечества периоды катастроф всегда перемежались с периодами созидания. В переживаемую нами эпоху строители, люди творческого труда всех наций, оказались в одном лагере. И теперь мы должны обратиться к ним.

После страшной катастрофы последней мировой войны наступило время созидания, и во имя этого великого созидательного порыва мы должны протянуть руку всем тем, кому дороги сокровища современной культуры и кто смотрит вперед, в будущее, которое сулит человечеству еще более высокие достижения. Все, что усугубляет нынешние противоречия, должно быть устранено; поэтому нам необходимо прежде всего думать о человечестве и о мировой культуре во всех ее многообразных проявлениях. Пусть строители и творцы — представители всех наций — идут вперед, бросая вызов страшным призракам, которые грозят бедой новым поколениям. Пусть созидатели взращивают ту добрую волю и ту дружбу, которую мудрецы всех веков считали всеобщим благом, пусть строят всеобщее благосостояние, всеобщий мир и счастье.

Пока непреодолимые разногласия разделяют людей в залах конференций, обратим наши взоры к культурным ценностям, к этому общему наследию человечества, и бесстрашно провозгласим, что человечество жаждет жить в мире и созидательном труде. Неся ответственность за будущее, мы должны приветствовать каждое проявление доброй воли, каждую попытку к объединению. Мы должны быть благодарны всем тем, кто борется за устранение опасности, которую несут с собой ядерные испытания. Мы должны выковывать прочные культурные связи. Многочисленны области таких связей: выставки, фильмы, лекции, концерты, театральные представления, взаимные визиты — любая форма общения и сближения должна быть приветствуема. Многое уже сделано, но еще больше остается сделать. Нам нужно больше книг, хороших книг, хорошо изданных и доступных по цене. Пусть эти книги рассказывают о народах, об их истории, мышлении и культуре. В этих книгах недобрые слова «ненависть» и «подозрение» не должны находить места. Пусть же следуют люди прекрасной склонности к чтению, и книги, эти посланцы доброй воли, пусть будут в каждом доме. Пусть люди учатся ценить культурные достижения других народов. Человек одной нации должен встречаться с человеком другой нации не со страшным оружием в руках, а с руками, полными сокровищ своей культуры. Невежество не должно иметь места в современном мире, борьба против воинствующего невежества — вот корень проблемы. Уберем же из нашего словаря слова «неприязнь» и «разногласия». И прежде всего пусть говорят люди созидательного труда. Будущее принадлежит им. Мир ожидает их слова.

И здесь самая большая ответственность ложится на плечи писателей, ибо они могут оказывать свое влияние на людей сильнее, чем кто-либо. Они мощная сила, способная изменить дело к лучшему или к худшему. Общепризнано, что грядущие поколения должны будут жить в мире, весьма отличном от того, в котором живем мы. Поэтому нас всех связывает друг с другом прежде всего забота о том, чтобы не допустить новой катастрофы. Надежда на новый, лучший мир горит сейчас в миллионах сердец во всех странах. Дело писателей — выразить в словах эту надежду.

Новый мир, несомненно, возможен, если только мы будем полны решимости его создать. Ничто не может победить человека, кроме него самого. Писатели — это люди, владеющие самым сильным орудием искусства — словом. И они представляют высшую совесть эпохи. Их обязанность — помочь людям обрести новые и глубокие взгляды, соответствующие новому веку; обязанность писателей — трудиться над тем, чтобы человечество имело общую цель, достойную перемен, происшедших в мире.

Изменение людских сердец — важнейшая задача при измененном порядке вещей. Улучшение социальных условий дает нам больше времени и возможностей, оно освобождает все больше творческой энергии. Рождается новый человек, который никогда не был в тисках угнетения; воображение людей во всем мире все решительнее осуждает и отбрасывает голод и нищету. Материальная жизнь людей по мере ее улучшения все больше становится прочной основой для подлинно человеческой жизни, для творчества человеческого ума. Люди хотят свободы. Почему и для чего они хотят ее? Пусть конференция писателей, которая откроется вскоре в Ташкенте, поможет нам найти ответ на этот вопрос.

Кинофестиваль стран Азии и Африки

Ташкент в последние дни был по-особенному праздничен и наряден. Всюду — на зданиях, на деревьях — протянутые через улицу яркие плакаты, гирлянды многоцветных флажков, транспаранты с национальными орнаментами, с гербами стран — участниц открывшегося 20 августа международного кинофестиваля стран Азии и Африки.

Показ зарубежных фильмов и фильмов советских республик Средней Азии, Казахстана, Закавказья проходил с большим успехом. В исключительно сердечной атмосфере протекали встречи гостей с деятелями советского искусства и литературы, с трудящимися Ташкента.

Обычная сценка в Ташкенте в дни кинофестиваля. Всем нужны автографы!

Рокуэлл Кент в СССР

В Советский Союз приехал выдающийся американский художник и писатель, борец за мир Рокуэлл Кент. Его тепло встретили москвичи, знакомые с творчеством Кента по недавней выставке его произведений.

Рокуэлл Кент пробудет в СССР месяц. Из Москвы он выехал в Киев.

На снимке: Р. Кент с супругой у здания МГУ.

Фото Е. Халдея.

ПОЛЮ РОБСОНУ

Джемс ПАТТЕРСОН

Мы помним все:
что вы большого роста,
С могучими руками кузнеца,
Что каждого умеете вы просто
Обнять улыбкой доброго лица.

Ваш звучный голос,
полноты безбрежной,
Способен людям западать в сердца,
То он суровый,
то настолько нежный,
Что сын
любовь почувствует отца.

Рассказ смешливый о загробных виллах
Сменился плачем о седом рабе,
Потом родился в образе Джо Хилла
Призыв могучий
к праведной борьбе.

Да, вы наш друг!
В заокеанской дали,
Куда стремимся мысленно сейчас,
Для нас
во всей Америке едва ли
Есть человек, что был бы ближе вас!

На рудниках,
в гарлемовских кварталах,
В глубинах шахт,
в дыму фабричных сот,
Под небом улиц
и в концертных залах —
Повсюду
песня Робсона живет!

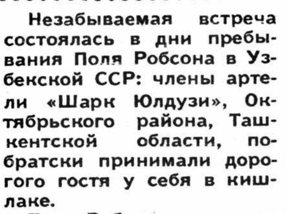
И эту песню в душном Сенегале
Запели негры, забывая страх,
Она звучит в Алжире,
Гватемале,
На океанских знойных островах...

Струятся песни
в облачные дали,
Великой верой в светлый день дыша,
Теперь их с миром разлучить едва ли
Сумеет даже департамент США.

Желаем вам здоровья,
сил и счастья,
Желаем вам из дружеской Москвы
Такой же стойкой бодрости в ненастье,
Как в смелых песнях,
что поете вы.

Джемс Паттерсон — негр, советский гражданин. В детстве снимался в фильме «Цирк».

Незабываемая встреча состоялась в дни пребывания Поля Робсона в Узбекской ССР: члены артели «Шарк Юлдузи», Октябрьского района, Ташкентской области, побратски принимали дорогого гостя у себя в кишлаке.

Поль Робсон охотно пел колхозникам, рассказывал о себе...

Фото А. Палехова.

VI чемпионат Европы по легкой атлетике

Одиннадцать золотых медалей

И. ГОРЕЛОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

На башенную вышку старинного особняка мы взошли с группой иностранных фоторепортеров. Отсюда отлично просматривается вся северная равнинная часть Стокгольма.

Внизу, совсем рядом, лежит Олимпийский стадион. Он похож на тупоносый рыбацкий баркас с зеленым бархатистым днищем. С проспекта дует встречный ветер, голубыми крыльями полощутся на бортах баркаса шведские знамена, а на корме радушно горят флаги Европейских наций — точно по зыбкой зелени парка величаво плывет баркас. Чьи же смелые гребцы-легкоатлеты прославят этот баркас и завоюют спортивную славу для своей страны?..

На срединной части проспекта Валхаллавеген и на квадратном плаце столько автомашин, что сверху кажется, будто и проспект и плац выстланы разноцветной брусчаткой, спускающейся вниз по крутой лестнице. Со стадиона уже доносится музыка. Зрители идут густой лавиной. Мальчики в жокейских кепочках столь расторопные, что успевают сунуть каждому картонный козырек от солнца. Это оказывается одновременно и рекламой.

Церемония открытия первенства Европы по легкой атлетике была по-обычному торжественной. В небо вспорхнул бело-зеленый шелковый флаг соревнования. По круглому стадиону прошли спортивные делегации 27 стран. Известный тенор Швеции Юсси Бьёр Линг исполнил романс, и это было своеобразным приветствием спортсменам Европы от гостеприимного шведского народа.

Без суеты, точно по регламенту начались отборочные состязания. Радио почти не умолкает — на четырех языках передаются все подробности хода борьбы сильнейших легкоатлетов Европы.

Во всем чувствуются продуманность, четкость, предельная экономия и рационализация. Эта рационализация больше других ощущается журналистами. Для каждого представителя прессы здесь приготовили место с отъемными столиками, похожими на столовые подносы. И каждый, уставивший над коленями такой столик, сидит, словно в упряжке, между двумя металлическими оглоблями.

Первый день завершился тремя финалами и не принес нашей команде ни одного первого места.

Второй день соревнования был как бы днем подготовки к решающей победе. Первым идет в десятиборье Василий Кузнецов, отлично стартуют в пятиборье Галина Быстрова и Нина Виноградова. И, наконец, первую золотую медаль в прыжках в длину вырывает Игорь Тер-Ованесян.

Сравнительно урожайным днем оказалось 21 августа. В упорной борьбе завоевал звание чемпиона Европы по десятиборью Василий Кузнецов; Галина Быстрова уверенно победила в пятиборье, Мария Иткина — в беге на 400 метров.

Удачным был для нас и четвертый день. Правда, погода ухудшилась: небо сплошь заволокло рыхлым сукном, шла мелкая морось.

Ровно 18 часов. Бодрый, улыбающийся появляется на стадионе советский спортсмен Евгений Маскинсков. Он прошел 50 километров за 4 часа 17 минут 15,4 секунды. Ему бурно рукоплещут зрители. Через час с минутами приходит француз Андре Дуфренне, понуро опустив лицо с чернеющим подбородком. «Уходил без бороды, а пришел с бородой»,— острят корреспонденты.

Это был, пожалуй, лучший день для советских легкоатлетов. Помимо Маскинскова, чемпионами Европы стали Юрий Литуев в забеге с препятствиями на 400 метров и дискоболка Тамара Пресс. Дважды чемпионкой Европы становится Галина Быстрова, выигравшая бег с препятствиями на 80 метров. Четыре раза прозвучал над стадионом гимн Советского Союза.

На следующий день начался дождь, мелкий, густой, по-осеннему надоедливый. Стремительно шествуют судьи в серых прорезиненных плащах. Спортсмены кутаются в одеяла. Лужи «вскипают» на беговых дорожках. Дистанцию пробега и тройного прыжка выжигают бензином, просушивают. Недвижимо свисают в отдалении намокнувшие флаги.

«А где же лодки, разве сегодня не соревнования гребцов?» — шутят журналисты. Дождливо было и на душе: у нас сегодня ни одной золотой медали!

Итоги соревнования были подведены в сырое воскресенье — 24 августа. Столько людей под зонтиками, словно здесь выставка зонтиков...

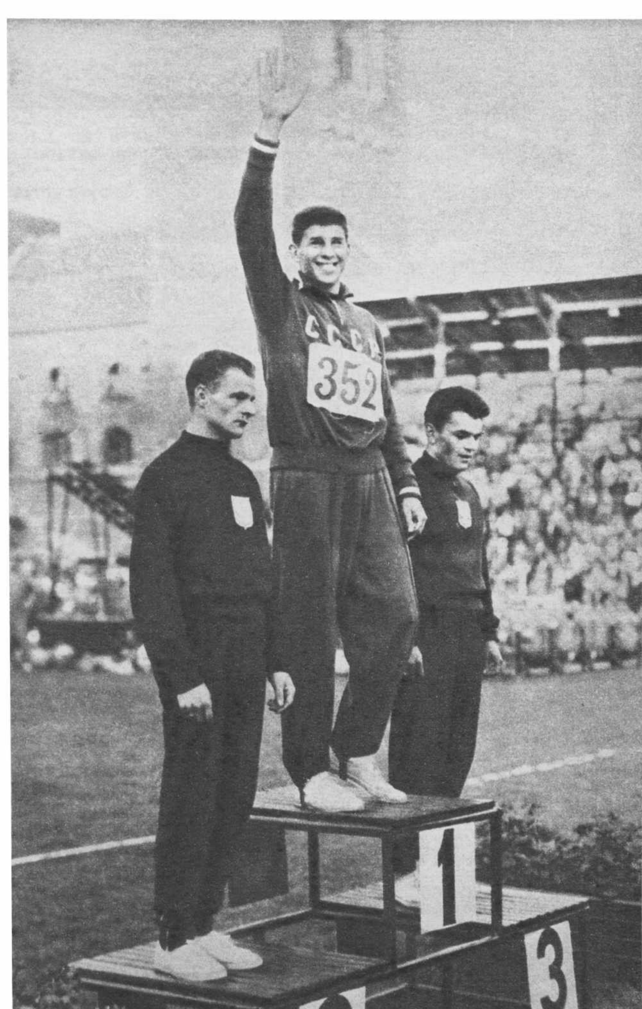
Советский спортсмен Сергей Попов, сухощавый, низкорослый, словно подросток, первым закончил трудный марафонский бег. Его, смеющегося, счастливого, увенчали лавровым венком, как только он появился на стадионе. Венок оказался огромным, больше автомобильного колеса. Но Сергей Попов даже не согнулся под его тяжестью. В забеге на 800 метров победила Елизавета Ермолаева. Эстафету 4×100 выигрывают наши девушки.

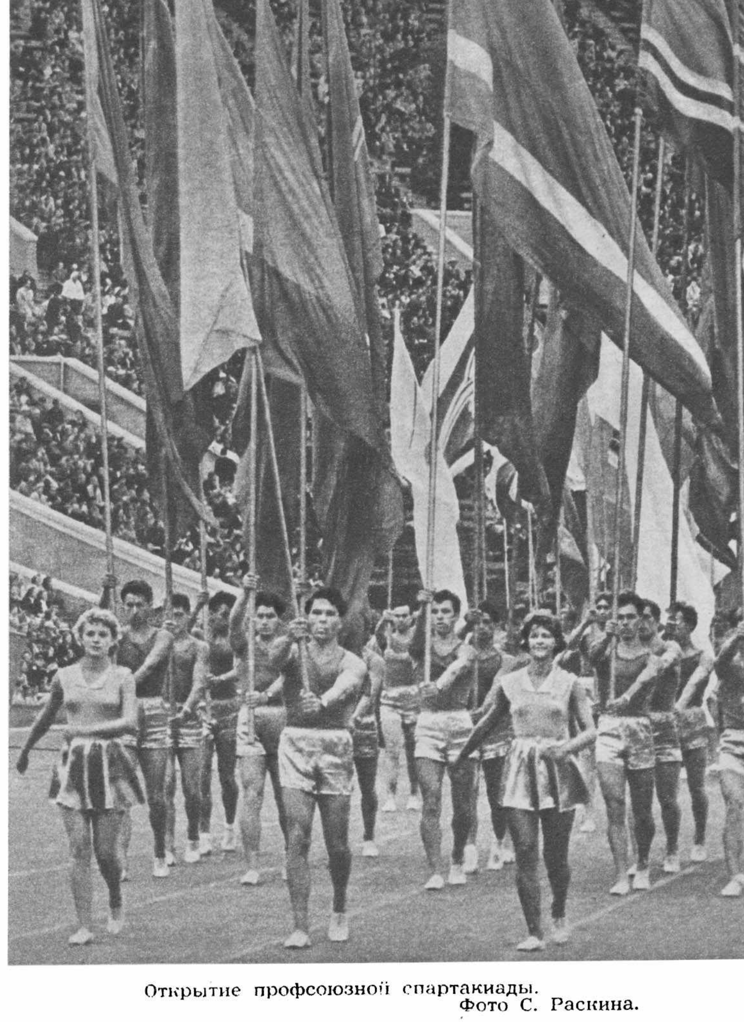
В итоге у советских спортсменов 35 медалей, в том числе 11 золотых и 15 серебряных. 11 чемпионов Европы по легкой атлетике имеют одинаковый адрес — СССР.

Поздним вечером в ратуше состоялся прием для участников соревнования и корреспондентов. Сколько раз останавливали и расспрашивали журналисты маленького русоголового электромонтера из Иркутска Сергея Попова! Застенчиво улыбаясь, он отвечал коротко: проживаю в Иркутске, электромонтер, 27 лет, холост, бегом начал заниматься в армии 4 года назад, на Сахалине.

Мы прощаемся со спортсменами у автобуса уже в полночь. Дымчатое небо висит совсем низко над островерхими башнями, над силуэтами мостов, над разноцветными неоновыми вывесками древнего Стокгольма.

Первая золотая медаль! Ее получил Игорь Тер-Ованесян.

Открытие профсоюзной спартакиады.
Фото С. Раскина.

Праздник физкультурников

Их около двадцати миллионов — сильных, закаленных советских людей, полюбивших спорт. В какой другой стране мира найдется такая армия физкультурников! Спорт стал потребностью для людей разных поколений. И в традиционно отмечаемый День физкультурника они продемонстрировали это с большой выразительностью.

В нынешнем году День советских физкультурников совпал с открытием финальных стартов VI летней спартакиады профсоюзов. Поэтому не случайно Москва снова стала городом спорта.

В ярком наряде Лужники.

Подтянутых, загорелых участников парада сменили малыши. Дети рабочих и служащих столицы открыли вторую часть праздника — массовые гимнастические выступления. Сложные построения сменяет футбольная сюита, в которой участвовали сотни ребят. Танец с лентами, комическая импровизация запуска ракеты с юными астронавтами по маршруту Лужники — Луна — Марс — Лужники — все это было исполнено ребятами весело и искусно.

Большое мастерство показали в массовых упражнениях спортсмены Всероссийского общества «Труд». Запоминающимся, оригинальным было выступление московского студенчества.

В каждом выступлении чувствовалась неисчерпаемая энергия и бодрость молодежи, жить которой до ста лет, не зная старости...

Б. БАЗУНОВ

Межзональный шахматный турнир

Что нового на таблице...

Порторож, югославский город, стал шахматным курортом. В руках у отдыхающих чаще всего видишь программку межзонального турнира, в которой они неутомимо собирают автографы под портретами участников. «Нельзя ли узнать, каким тиражом издана программка?» — спросил как-то измученный Бронштейн. Но тут же к нему стали подходить со специально выпущенными к турниру шахматными конвертами...

Продаются билеты шахматной лотереи, шахматные значки, фотографии участников. На центральной площади Порторожа — возле Народного дома, где идет турнир,— большой щит с изображением шахматной доски и ладьи. Рядом на высоченном флагштоке флаги двенадцати стран, представители которых сражаются за шахматной доской, а над ними два черно-синих, «пиратских», как шутят некоторые, флага Международной шахматной федерации. Здесь же, у входа, две громадные таблицы, у которых с утра до ночи толпятся болельщики.

Что нового появилось на таблицах за неделю? Прежде всего они запечатлели триумф советских гроссмейстеров, которые вписали за эти дни восемь единичек (побед) и семь половинок (ничьих). Но дело не только в количестве, а и в качестве.

Журналисты больше всего восхищены победой Таля над Росето. «Вы подумайте только! — восторгается кто-то.— Жертвует пешку. За что? Ничего не видно. Жертвует вторую. Росето берет и предлагает ничью. А Таль отказывается. Мы совсем ничего не понимаем. Проходит еще несколько ходов, и Росето начинает чувствовать себя неважно, а вскоре и совсем плохо».

И все же нельзя отдать предпочтение этой партии. А тонкие и глубокие маневры Петросяна, завершившиеся неожиданным штурмом! А замечательные победы Авербаха, решившего исход своих встреч с Ларсеном и Сангинети прямой атакой на неприятельского короля! И Бронштейн наконец разыгрался; зрители по заслугам отметили овацией его победу над Олафссоном.

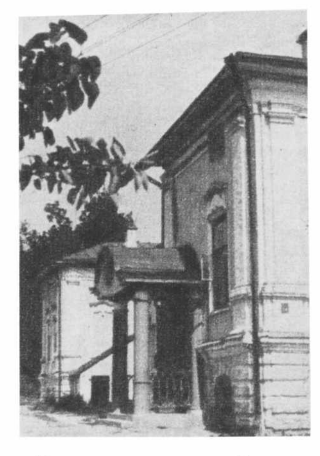
Из зарубежных участников героем недели оказался американец Шервин, набравший три с половиной очка из четырех. При этом он по-настоящему разгромил сильнейшего гроссмейстера Глигорича. Шервин опроверг, таким образом, складывавшееся из-за неудачного выступления Сабо мнение, что поездка на турнир с женой к добру не приводит...

В итоге двенадцати туров впереди один за другим идут Петросян, Таль и Авербах. На четвертом месте Матанович, а дальше Глигорич, Олафссон, Бронштейн и Бенко.

Л. АБРАМОВ

Порторож.

Домик в Лопасне

Есть на станции Лопасня старинное двухэтажное здание, окруженное липовым парком и прудами. В прошлом веке здесь жила... Анна Каренина. Вернее, Мария Александровна Пушкина-Гартунг, старшая дочь А. С. Пушкина, бывавшая в гостях у Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Из романа «Анна Каренина» мы узнаем, что у Анны были серые глаза с густыми ресницами и румяные губы, вьющиеся на затылке волосы, грустное выражение глаз. «...Прелестны были ее полные руки с браслетами, прелестна твердая шея с ниткой жемчуга, прелестны вьющиеся волосы расстроившейся прически, прелестны грациозные легкие движения маленьких ног и рук...» По свидетельству современников, это и есть описание Марии Александровны Пушкиной-Гартунг. Чтобы убедиться в том, достаточно взглянуть на ее портрет в Ясной Поляне.

Жили в Лопасне Александр, Григорий, Наталья— дети А. С. Пушкина. Старший сын поэта, Александр Александрович, генерал-майор в отставке, присутствовал несколько раз на уроках в лопасненской школе, рекомендовал молодежи читать произведения Рылеева, Лермонтова, Гоголя, Некрасова. Отличившихся учеников он щедро награждал призами.

Многие вещи, принадлежавшие Н. Н. Гончаровой-Пушкиной, детям поэта и внукам, — письма, фотографии, шкатулки, рукоделие, книги — сейчас находятся на сбережении у учительницы А. И. Коняевой, которая работала в имении и помнит многих потомков великого поэта.

В доме ныне размещена школа. К сожалению, здесь даже нет комнаты-музея.

Ю. СТЕПАНОВ

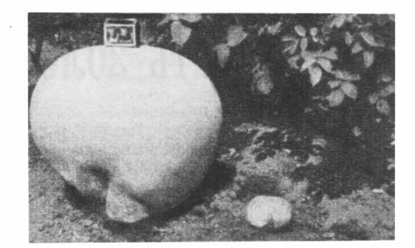
КОНТРОЛЬНЫЕ ВЕСЫ

ПЕТЯ 4кг100г

— Не обвесили ли...

Изошутка Л. и Ю. Черепановых.

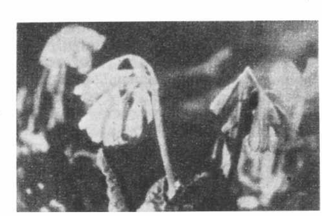
«Питомец детского сада»

Так назвали работники московского завода «Каучук» огромный гриб, выросший на грядке заводского детского сада. Дождевой шаровидный гриб в обычных условиях достигает размеров гусиного яйца. На этот раз «дождевик» получал искусственное питание и достиг в весе 4,2 килограмма. Редкостный экземпляр передан биологическому факультету МГУ.

Начальник цеха озеленения
П. СТАНИСЛАВСКИЙ

Самый северный

Татринский первоцвет на севере.
Фото Б. Головкина.

Самый северный в мире полярно-альпийский ботанический сад, организованный покойным академиком Ферсманом, с начала тридцатых годов существует на Кольском полуострове. Первые растения привезли сюда из Ленинградского ботанического сада.

Теперь сад на Хибинских горах, как большое научное учреждение, издает каталог семян, обменивается семенами с отечественными и зарубежными ботаническими садами. Здесь выращивают растения, привезенные из самых разных мест: рододендрон кавказский, хохлатку с Алтая и многие другие.

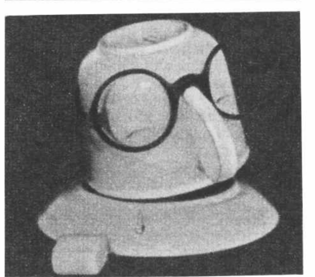
На севере в течение трех месяцев длится полярный день, солнце почти не заходит. Однако некоторым растениям для развития и роста необходимо нормальное чередование дня и ночи. Давно, например, был посажен клен высотой в 70 сантиметров. Но проходили годы, а он не рос: клен не выносил круглосуточного света. Тогда специально для него создали «ночь», закрывая растение ящиками с темной обивкой.

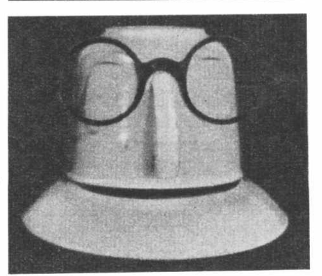
Недавно канадский профессор А. Лёве высоко оценил работу советских ботаников, признав в письме, что «Советский Союз не только по спутникам обогнал Америку»...

М. ЖИГАЛОВА, студентка Литературного института имени А. М. Горького

Из почты «Огонька»

Что можно сделать из чашки, блюдца, куска сахара и очков...

Фотошутка О. Струйского.
Ленинград.

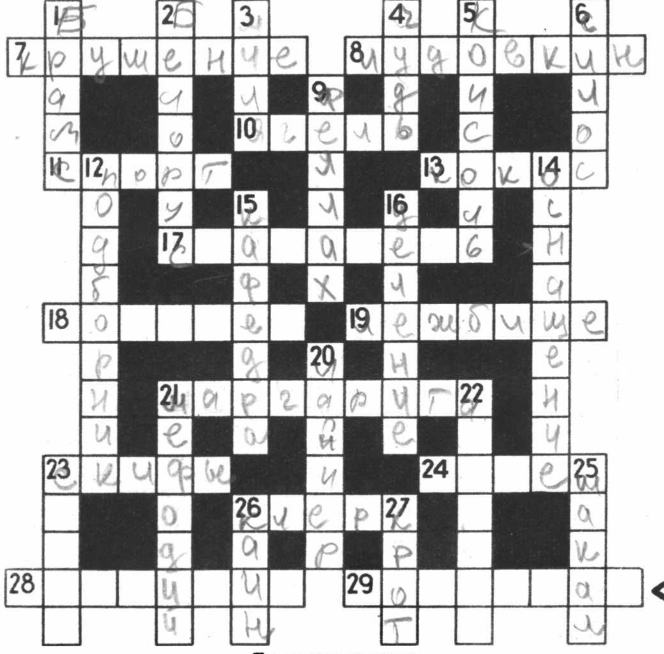
На вкладках этого номера четыре страницы репродукций картин с Выставки произведений молодых художников Москвы и четыре страницы цветных фотографий.

ВЫСТАВКА АБСТРАКТНОГО ИСКУССТВА

В ОДНОЙ ЗАПАДНОЙ СТРАНЕ

Рисунок **В. Соловьева.**

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Роман Рабиндраната Тагора. 8. Советский кинорежиссер. 10. Олений мох. 11. Занятия физическими упражнениями. 13. Орех, плод пальмы. 17. Персонаж в комедиях Мольера. 18. Высокомолекулярное соединение. 19. Место скопления морского зверя на суше. 21. Первоначальное название оперы Ш. Гуно «Фауст». 23. Поэма А. Блока. 24. Известный венгерский физик. 26. Конторский служащий в Англии. 28. Наука, изучающая процессы обмена веществ. 29. Почва.

По вертикали:

1. Немецкий композитор XIX века. 2. Представитель основного населения одной из союзных республик. 3. Морская мера пути. 4. Древнерусское название эстов. 5. Опора балкона, карниза. 6. Сочный консервированный корм. 9. Крестьянин в арабских странах. 12. Приспособление в комбайне для раздельной уборки хлебов. 14. Совокупность технических средств. 15. Объединение преподавателей в высшей школе по отраслям знания. 16. Арифметическое действие. 20. Пассажирское судно дальнего плавания. 21. Славянский просветитель. 22. Многолетнее овощное растение. 23. Ряд ламп в верхней части сцены. 25. Хищное животное семейства собачьих. 26. Философская драма Д. Байрона. 27. Пушной зверек.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали:

5. Теккерей. 6. Антрацит. 9. Батарея. 10. Опарин. 11. Романс. 12. Печенье. 17. Зимородок. 18. Никарагуа. 19. «Молох». 20. Батат. 25. Белобочка. 26. Поговорка. 29. Поленов. 31. Уссури. 32. «Бухара». 33. Челеста. 34. Сенсация. 35. Водевиль.

По вертикали:

1. Околия. 2. «Декамерон». 3. Анфельтия. 4. Наксос. 5. Трапеция. 7. Техникум. 8. Чапек. 13. Носорог. 14. «Колобок». 15. Казачок. 16. Балатон. 21. Веласкес. 22. Склонение. 23. «Домострой». 24. Акварель. 27. Цефей. 28. Прииск. 30. Купава.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 03577. Подписано к печати 27/VIII 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 420 000. Изд. № 896. Заказ № 1862.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Пловцы на старте. Бассейн Центрального стадиона имени В. И. Ленина в Москве. Фото А. Бочинина.

Цена номера 3 руб.